

Обзор дисциплинарной практики за второе полугодие 2020 года и 2021 год по вопросам, связанным с исполнением адвокатом профессиональных обязанностей

Второе полугодие 2020 года

1. Совет прекратил дисциплинарное производство, признав правомерными и обоснованными действия адвоката, являвшиеся способом реагирования на нарушение его профессиональных прав, а также права его подзащитного на получение квалифицированной юридической помощи.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 15 июля 2020 года дисциплинарное производство в отношении адвоката Р. подлежит прекращению вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Представитель Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве Е. в заседании Совета сообщила, что Заключение Квалификационной комиссии от 15 июля 2020 года она получила, ознакомилась, частично с ним не согласна. Поясняя свою позицию, представитель Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве указала, что на странице 11 Заключения Квалификационной комиссии приведена ссылка на Определение Конституционного Суда Российской Федерации и соответствующую правовую позицию. Между тем, Квалификационная комиссия пришла к противоположным выводам. По ее мнению, действия адвоката Р. прямо противоречат приведенной правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации. Она полагает, что УПК РФ не запрещает фотографировать протокол следственного действия после его подписания, а до подписания – не разрешает.

Рассмотрев и обсудив Заключение Квалификационной комиссии, материалы дисциплинарного производства, выслушав представителя Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации, Совет соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и её выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных фактических обстоятельствах.

Так, установлено, что в производстве старшего следователя по особо важным делам при Председателе Следственного комитета РФ генерал-майора юстиции Б. находится уголовное дело в отношении К., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных пп. «б», «е», «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Защиту К. осуществляет адвокат Р. на основании ордера № ..., выданного Адвокатским бюро города Москвы «Д.» 19 ноября 2019 года.

24 декабря 2019 года следователем следственной группы Главного управления по расследованию особо важных дел Следственного комитета Российской Федерации подполковником юстиции М. в служебном помещении № 102 Следственного комитета Российской Федерации, расположенном по адресу: город Москва, Технический пер., д. 2, в период с 12.05 час. по 19.12 час. проводилась очная ставка между обвиняемыми Ми. и К., в которой участвовал адвокат Р. в качестве защитника К.

Как усматривается из светоконии протокола очной ставки от 24 декабря 2019 года, представленной Главным управлением Министерства юстиции Российской Федерации по Москве в материалы дисциплинарного производства совместно с представлением, на предпоследнем листе протокола следователем следственной группы М. указано: *«Перед началом, в ходе либо по окончании очной ставки от участвующих лиц – обвиняемых Ми., К. и их защитников У., Р., следователя следственной группы Ме. заявления не поступили, Содержание заявлений: нет».*

В этом же протоколе после изложенных выше сведений адвокатом – защитником Р. сделана запись следующего содержания: *«Заявления: От подписи не отказываюсь, однако, в ознакомлении с протоколом очной ставки путем использования технического средства – телефона, следователем безосновательно отказано, что препятствует оказанию мной К. квалифицированной юридической помощи».*

Далее следует запись, сделанная обвиняемым К.: *«От подписи не отказываюсь, однако, так как моему защитнику – адвокату Р. отказано в ознакомлении с протоколом очной ставки путем использования технического средства – телефона для подробного ознакомления и оказания мне квалифицированной защиты, с полноценным содержанием ознакомиться не могу».*

На последнем листе протокола очной ставки [*Приложение к Протоколу очной ставки – Примечание Совета*] следователем следственной группы М. указано: *«Отказ от ознакомления с протоколом очной ставки обвиняемого К. и его защитника был произведен и зафиксирован в присутствии понятых...».* Далее следуют анкетные данные понятых, их подписи.

После данной записи адвокатом-защитником Р. указано: *«Я с этим не согласен»*, проставлена подпись адвоката. Обвиняемым К. сделана запись: *«С данным заявлением я не согласен. От подписи не отказывался»*, проставлена его подпись.

Адвокатом У., осуществлявшим в ходе проведения очной ставки защиту обвиняемого Ми., внесена запись следующего содержания: *«После отказа следователя в возможности фотокопирования протокола очной ставки адвокат Р. и его подзащитный отказались подписывать протокол следственного действия в присутствии понятых».*

Обвиняемым Ми. сделана следующая запись: *«После отказа следователя в возможности фотографирования протокола очной ставки адвокат Р. и его подзащитный отказались подписывать протокол следственного действия в присутствии понятых».*

Следователем следственной группы Ме., принимавшим участие в ходе проведения очной ставки, в протоколе также указано: *«После отказа следователя в возможности фотографирования протокола очной ставки адвокат Р. и его подзащитный отказались подписывать протокол следственного действия в присутствии понятых».*

Совет соглашается с оценкой Квалификационной комиссией установленных фактических обстоятельств как правомерного поведения адвоката Р., выразившегося в неподписании им каждой страницы протокола очной ставки от 24 декабря 2019 года и в сделанном в конце протокола заявлением о нарушении его профессиональных прав и права его доверителя на получение квалифицированной юридической помощи.

Прежде всего, Совет обращает внимание на то, что адвокат Р. не имел намерения отказаться от подписания протокола очной ставки, о чем свидетельствует его собственноручная запись: *«от подписи не отказываюсь, однако, в ознакомлении с протоколом очной ставки путем использования технического средства – телефона, следователем безосновательно отказано, что препятствует оказанию мной К. квалифицированной юридической помощи».*

В соответствии с ч. 6 ст. 166 УПК РФ «протокол предъявляется для ознакомления всем лицам, участвующим в следственном действии». По итогам ознакомления лица, участвующие в следственном действии, вправе внести замечания о его дополнении и уточнении, которые должны быть оговорены и удостоверены подписями этих лиц (ч. 6 ст. 166 УПК РФ). Буквальное и логическое толкование этого правового положения свидетельствует о том, что ознакомление с протоколом следственного действия происходит до его подписания. При этом ч. 6 ст. 166 УПК РФ не предусматривает каких-либо ограничений способа и формы ознакомления с протоколом следственного действия как до, так и после его подписания.

Конституционный Суд Российской Федерации последовательно отстаивает позицию о том, что ознакомление с протоколом следственного действия может проводиться в различных формах – путем личного прочтения, переписывания его содержания на отдельные листы бумаги или путем его фотографирования (снятия светокopies техническими средствами). Так, в Постановлении от 27 июня 2000 года № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно - процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова» Конституционный Суд Российской Федерации сформулировал следующую правовую позицию: *«...отказ защитнику в ознакомлении с материалами следствия, которые были добыты с участием подозреваемого или стали ему известны иным образом до признания его подозреваемым, как и*

ограничение права защитника выписывать из материалов, с которыми он был ознакомлен до окончания следствия, любые сведения и в любом объеме не имеют разумного основания, не могут быть оправданы интересами следствия или иными конституционно значимыми целями, допускающими соразмерные ограничения прав и свобод (статья 55, часть 3, Конституции Российской Федерации). Иное истолкование оспариваемых положений части второй статьи 51 УПК РСФСР противоречило бы также смыслу статьи 45 (часть 1) Конституции Российской Федерации, согласно которой в Российской Федерации гарантируется государственная защита прав и свобод, и статьи 48 Конституции Российской Федерации, закрепляющей право каждого на получение квалифицированной юридической помощи, в том числе право пользоваться помощью адвоката (защитника) по уголовным делам». Приведенная общеобязательная правовая позиция отражает концептуальный подход Конституционного Суда Российской Федерации по вопросу о доступе защитника к материалам уголовного дела и о способах ознакомления с ними. Конституционный Суд Российской Федерации в указанном Постановлении истолковал словосочетание «ознакомление с материалами» не только как их прочтение, но и как перенос их содержания на другой носитель информации (в частности, путем выписывания). При этом право на ознакомление с материалами уголовного дела является составной частью конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи, в том числе, права пользоваться помощью адвоката (защитника) по уголовным делам.

В Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 года № 133-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ляшенко Артура Николаевича на нарушение его конституционных прав пунктом 13 части четвертой статьи 47 Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации» содержится правовая позиция, расширяющая истолкование понятия «права на ознакомление с материалами уголовного дела». В частности, указывается, что «регламентация права на ознакомление с материалами уголовного дела в ходе предварительного следствия определяется особенностями данной стадии уголовного судопроизводства и значимостью названного права как гарантии конституционного права на судебную защиту. Закрепляя конкретные механизмы реализации прав на судебную защиту и на ознакомление с документами и материалами, непосредственно затрагивающими права и свободы заинтересованных лиц, федеральный законодатель не может вводить такие правила, которые противоречили бы принципам уголовного судопроизводства и создавали неустранимые препятствия в реализации прав (в том числе права на обжалование действий и решений органов предварительного расследования и суда), приводя тем самым к фактическому их упразднению. К таким последствиям могло бы приводить, в частности, лишение обвиняемого возможности получать копии обжалуемых им процессуальных решений, а также материалов уголовного дела, могущих

подтверждать незаконность или необоснованность оспариваемых им действий и решений».

В этой связи Совет обращает внимание на то, что лишение обвиняемого, равно как и его защитника, возможности получать копии материалов уголовного дела (в том числе, протоколов следственных действий, проведенных с их участием), которые могут подтверждать незаконность или необоснованность действий и решений следователя (дознателя), приводит к неустранимым препятствиям в реализации права на обжалование и противоречит принципам уголовного судопроизводства.

В развитие этого положения Конституционный Суд Российской Федерации указал, что «пункт 13 части четвертой статьи 47 УПК Российской Федерации прямо закрепляет право обвиняемого снимать копии с материалов уголовного дела, в том числе с помощью технических средств, и не связывает возможность его реализации лишь с одной или несколькими стадиями уголовного процесса, он не может расцениваться как препятствующий получению заявителем копий материалов уголовного дела, с которыми он имеет право знакомиться в ходе предварительного расследования...».

Таким образом, приведенные общеобязательные правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации прямо предусматривают право обвиняемого и его защитника изготавливать и/или получать, в том числе с помощью технических средств, копии материалов уголовного дела, с которыми они имеют право знакомиться в ходе предварительного расследования. Причем, реализация этого права не связана исключительно с этапом ознакомления с материалами окончательного расследования уголовного дела и распространяется на все этапы производства предварительного расследования.

В Определении Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2007 года № 343-О-П «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Танюхина Александра Николаевича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 46, частью четвертой статьи 47, частью первой статьи 198 и частью второй статьи 217 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» подтверждение права на ознакомление с материалами уголовного дела до окончания предварительного расследования путем снятия копий получило еще большую конкретизацию. Так, Конституционный Суд Российской Федерации указал следующее: «Как отметил Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 24 февраля 2005 г. № 133-О, регламентация права на ознакомление с материалами дела в ходе предварительного следствия определяется значимостью названного права как гарантии конституционного права граждан на защиту, в том числе судебную, на данной стадии уголовного судопроизводства; закрепляя конкретные механизмы реализации прав на судебную защиту и на ознакомление с документами и материалами, непосредственно затрагивающими права и свободы заинтересованных лиц, федеральный законодатель не может вводить такие правила, которые противоречили бы принципам уголовного

судопроизводства и создавали неустранимые препятствия в реализации участниками уголовного судопроизводства своих прав (в том числе права на обжалование действий и решений органов предварительного расследования и суда), приводя тем самым к фактическому их упразднению; к таким последствиям могло бы приводить, в частности, лишение обвиняемого права снимать за свой счет копии с предъявляемых ему для ознакомления материалов уголовного дела, связанных с выдвинутым против него обвинением и могущих свидетельствовать о незаконности или необоснованности действий и решений дознавателя, органа дознания, следователя и прокурора». В приведенной правовой позиции конкретизируется право обвиняемого и его защитника на ознакомление с материалами уголовного дела путем снятия за свой счет копий с предъявляемых им для ознакомления документов.

Наконец, в Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2007 года № 924-О-О «По жалобе гражданина Козлова Дмитрия Борисовича на нарушение его конституционных прав пунктом 13 части четвертой статьи 47, пунктом 1 части второй статьи 75, частью первой статьи 285 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и пунктом 1 части первой статьи 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» содержится обобщённая правовая позиция, согласно которой «...реализация обвиняемым указанных возможностей, в свою очередь, обеспечивается наделением его правом знакомиться с материалами уголовного дела и снимать с них копии, в том числе с помощью технических средств. При этом, как следует из сохраняющих свою силу решений Конституционного Суда Российской Федерации (Постановления от 13 ноября 1995 года № 13-П, от 29 апреля 1998 года № 13-П, от 23 марта 1999 года № 5-П, от 14 февраля 2000 года № 2-П, определения от 21 декабря 2000 года № 285-О, от 18 декабря 2003 года № 429-О, от 24 февраля 2005 года № 133-О и от 19 апреля 2007 года № 343-О-П), положения пунктов 12 и 13 части четвертой статьи 47 УПК Российской Федерации не могут расцениваться как ограничивающие закрепленные в них права на ознакомление с материалами уголовного дела ознакомлением лишь с какими-то определенными документами и их копированием. Не исключают эти нормы и право обвиняемого снимать копии с являющихся составной частью материалов уголовного дела вещественных доказательств – таких, как видеокассеты, которые содержат информацию, имеющую значение для установления тех или иных обстоятельств». «Указанные решения Конституционного Суда Российской Федерации сохраняют свою силу, а выраженные в них правовые позиции, подтверждающие право обвиняемого снимать за свой счет копии с материалов уголовного дела, с которыми он вправе знакомиться, не могут игнорироваться судами и иными правоприменительными органами в ходе производства по уголовному делу».

Применяя приведенные общеобязательные правовые позиции к обстоятельствам настоящего дисциплинарного производства, Совет отмечает,

что адвокат Р., реализуя предусмотренное ч. 6 ст. 166 УПК РФ право на ознакомление с изготовленным следователем, но еще не подписанным участниками протоколом следственного действия, был вправе самостоятельно избрать любой из доступных способов ознакомления: лично прочитать, выписать из этого протокола любые сведения и в любом объеме, снять за свой счет копию с него, в том числе путем фотографирования с помощью фотокамеры мобильного телефона. Равным образом адвокат Р. имел право по своему усмотрению использовать комбинацию указанных способов.

Изложенное выше в полном объеме опровергает доводы представления о недопустимости ознакомления с протоколом очной ставки с использованием телефона до полного оформления и подписания протокола.

Совет неоднократно отмечал в своих решениях, что применение защитником технических средств при проведении следственных действий может способствовать объективной фиксации хода и результатов следственного действия путем дальнейшего сравнения фактически полученных результатов с содержанием протокола следственного действия и принесения обоснованных замечаний на протокол следственного действия. Помимо этого, технические средства могут быть использованы защитником в целях фиксации неправомερных действий следователя и/или оперативных сотрудников перед производством следственного действия, в ходе его или по его окончании. Результаты применения технических средств позволят защитнику более эффективно изучать материалы уголовного дела, подготавливать обоснованные жалобы и ходатайства, своевременно реагировать на факты нарушения законодательства должностными лицами, ведущими производство по уголовному делу, что в итоге повысит уровень оказания квалифицированной юридической помощи и полностью соответствует назначению уголовного судопроизводства и защитника в нем. Наконец, использование технических средств при проведении следственных действий может являться средством самозащиты от потенциальных необоснованных обвинений в отношении адвоката в совершении действий, не соответствующих требованиям закона или профессиональной этики.

Действующее законодательство не содержит запрета защитнику применять технические средства при проведении следственных действий, при этом не наделяет следователя полномочиями по даче разрешения на их применение или отказу в этом. Такое ограничение права адвоката не имеет разумного основания и не может быть оправдано законными интересами следствия или иными конституционно значимыми целями.

Одновременно с этим Совет вновь подтверждает последовательно отстаиваемую им позицию о праве адвоката на отказ от подписания протокола следственного (процессуального) действия. Как неоднократно отмечалось, такое поведение адвоката не содержит признаков дисциплинарного проступка, поскольку уголовно-процессуальный закон не только не содержит запрета защитнику отказываться от подписания протокола, но и предусматривает

алгоритм действий следователя в случае отказа кого-либо из участников следственного действия от подписания соответствующего протокола.

Уголовно-процессуальное законодательство также не возлагает на обвиняемого и защитника процессуальную обязанность подписывать протоколы следственных (процессуальных) действий и указывать в них свои замечания, а отказ участника следственного действия (в том числе обвиняемого, защитника) подписать протокол этого действия и изложить в нем свои замечания не влечет сам по себе признания производства следственного (процессуального) действия незаконным, а доказательства – недопустимым.

Изложенная позиция в полной мере относится и к случаям неподписания или неполного подписания адвокатом-защитником протокола очной ставки. Совет отмечает, что УПК РФ не ставит законность протокола очной ставки и самой процедуры проведения очной ставки в зависимость от наличия в протоколе очной ставки подписи адвоката-защитника или обвиняемого. Поэтому отказ адвоката от подписания протокола очной ставки не влечет за собой каких-либо правовых последствий, ставящих под сомнение законность процессуального решения или процедуры его проведения.

Законодатель предусмотрел в УПК РФ как возможность возникновения такой процессуальной ситуации (коллизии), так и способ ее разрешения:

«Статья 167. Удостоверение факта отказа от подписания или невозможности подписания протокола следственного действия

1. В случае отказа подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего или иного лица, участвующего в следственном действии, подписать протокол следственного действия следователь вносит в него соответствующую запись, которая удостоверяется подписью следователя, а также подписями защитника, законного представителя, представителя или понятых, если они участвуют в следственном действии.

2. Лицу, отказавшемуся подписать протокол, должна быть предоставлена возможность дать объяснение причин отказа, которое заносится в данный протокол...».

В рассматриваемой ситуации очная ставка была проведена следователем следственной группы М., и ее результаты оформлены им соответствующим протоколом, после чего он реализовал свои полномочия, предусмотренные положениями ст. 167 УПК РФ, удостоверив подписями понятых имевший, по его мнению, место отказ обвиняемого К. и его адвоката Р. подписать протокол указанной очной ставки. Каких-либо неблагоприятных для расследования уголовного дела и лично для следователя М. последствий в связи с избранным адвокатом Р. способом реагирования на нарушение его профессиональных прав, а также права его подзащитного на получение квалифицированной юридической помощи, не наступило. Материалы дисциплинарного производства не содержат сведений об обратном.

Приведенное в Заключение Квалификационной комиссии Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2018 года №

3388-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гусева Антона Андреевича на нарушение его конституционных прав статьей 167 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» ни прямо, ни косвенно не запрещает адвокату-защитнику отказываться от подписания протокола следственного действия и, следовательно, не противоречит приведённым выше правовым позициям и выводам. Изложенный в указанном Определении довод о том, что «статья 167 УПК Российской Федерации – в системе действующего правового регулирования и во взаимосвязи с другими нормативными правовыми актами – не предусматривает отказ защитника от подписания протокола процессуального действия (в том числе наряду со своим подзащитным) как меру реагирования на действия (бездействие) лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, а также как способ отстаивания прав защищаемого им лица и, наоборот, подразумевает для таких ситуаций активные действия с его стороны (заявление ходатайств об устранении недостатков, подача замечаний, принятие мер к внесению в протокол сведений о допущенных нарушениях и др.)» не означает запрета на такие действия и, следовательно, не нивелирует универсальное право обвиняемого и его защитника «использовать иные не запрещенные настоящим Кодексом средства и способы защиты» (п. 11 ч. 1 ст. 53, п. 21 ч. 4 ст. 47 УПК РФ). Совет вновь повторяет, что, как следует из буквального и системного толкования УПК РФ, положения, которые бы запрещали подобное поведение защитника, в нём отсутствуют.

Совет также считает необходимым отметить, что, исходя из установленных Квалификационной комиссией фактических обстоятельств, действия адвоката Р. были обусловлены воспрепятствованием реализации его профессиональных прав и конституционного права его доверителя на защиту со стороны следователя М., который, в нарушение приведенных выше правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, запретил адвокату Р. и его доверителю реализовать право на ознакомление с протоколом очной ставки путем снятия с него копий своими техническими средствами и за свой счет.

Совет считает необходимым обратить внимание и на некоторые особенности изложения дисциплинарного обвинения и фактических обстоятельств в представлении Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве. В частности, в нем указывается, что «в качестве защитника обвиняемого К. допущен адвокат Р.». Совет отмечает, что вопрос о «допуске» адвоката к участию в уголовном деле в качестве защитника имел для адвокатского сообщества принципиальное значение, поскольку право обвиняемого на участие адвоката не может быть обусловлено решением следователя о «допуске» или «об отказе в допуске» адвоката. Данная проблема была решена на законодательном уровне 17 апреля 2017 года, когда из ч. 2 ст. 49 УПК РФ было исключено указание на «допуск» адвокатов для участия в качестве защитников, а вместо этой архаичной и не соответствующей смыслу

закона процедуры предусмотрен уведомительный характер вступления адвоката в уголовное дело в качестве защитника.

Помимо этого, Совет выражает недоумение дисциплинарным обвинением адвоката Р. во «введении им в заблуждение» своего подзащитного – обвиняемого К. и в «неразъяснении ему процессуальных прав и обязанностей». В связи с этим Совет, прежде всего, отмечает, что в соответствии со ст. 2 Конституции Российской Федерации «признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства». Во исполнение этого конституционного принципа ч. 1 ст. 11 УПК РФ закрепляет правовое положение, согласно которому именно следователь обязан разъяснить обвиняемому его права, обязанности и ответственность, а также обеспечить возможность осуществления этих прав, а ч. 1 ст. 16 УПК РФ обязывает следвателя обеспечить реализацию права обвиняемого на защиту. Применительно к рассматриваемой ситуации именно следователь М. обязан был разъяснить обвиняемому К. его право знакомиться с протоколом очной ставки, в том числе до его подписания, путем снятия с него копий с помощью технических средств, и обеспечить такую возможность, а не препятствовать ей. Во-вторых, Совет подчёркивает, что адвокат Р. никоим образом не вводил своего подзащитного в заблуждение относительно возможности ознакомления с протоколом очной ставки путём его фотографирования с использованием камеры мобильного телефона, о чём подробно сказано выше. Наконец, в-третьих, от доверителя адвоката Р. - К. каких-либо жалоб на ненадлежащее оказание ему адвокатом Р. юридической помощи не поступало, при этом исключительное право оценивать качество юридической помощи адвоката принадлежит именно получателю этой помощи.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы единогласно решил прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Р., возбужденное по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 04 марта 2020 года исх. № ... (вх. № ... от 16.03.2020), основанному на информации старшего следователя по особо важным делам при Председателе Следственного комитета Российской Федерации Б., вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

2. Совет прекратил статус адвоката за негласное сотрудничество с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, втайне от доверителей.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 07 октября 2020 года адвокат К. признан нарушившим положения п. 5 ст. 6

Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 3.1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката и Разъяснений Комиссии Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по этике и стандартам от 28 января 2016 г. № 01/16 «По вопросам применения п. 3.1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката» (утверждены Советом ФПА РФ 28 января 2016 года), что выразилось: (1) в его негласном сотрудничестве в ходе осуществления адвокатской деятельности с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность (ФСБ России), в период с 29 октября 2018 года по 16 ноября 2018 года втайне от своих доверителей Кр. и О.; (2) в принятии им участия 19 и 20 ноября 2018 года в проводимом ФСБ России оперативно-розыскном мероприятии «оперативный эксперимент» в отсутствие условий, изложенных в Разъяснениях Комиссии Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по этике и стандартам от 28 января 2016 г. № 01/16 «По вопросам применения п. 3.1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката» (утверждены Советом ФПА РФ 28 января 2016 года).

Адвокат К. в заседании Совета подтвердил, что Заключение Квалификационной комиссии от 07 октября 2020 года он получил, ознакомился с ним, с выводами не согласен. Прежде всего, он не согласен с выводом о том, что осуществлял негласное сотрудничество с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность. По его мнению, это не было сотрудничество, тем более скрытое. По просьбе своих доверителей он готовил позицию по факту вымогательства у них денежных средств. Но, поскольку он не обладал оперативным опытом, то приходилось обращаться к сотрудникам правоохранительных органов за консультацией. Что касается второго вывода Квалификационной комиссии о его участии в оперативном эксперименте, то все оперативные мероприятия, которые были осуществлены с его участием, были согласованы с его доверителями. Прежде всего, с Кр., поскольку именно у него вымогались денежные средства. Согласования также имели место с О., но у нее денежные средства не вымогались. Поэтому, в основном, обсуждение проводилось с Кр. Адвокат К. обладает конфиденциальной информацией по этому поводу и не может ее разгласить. Никакой финансовой или иной выгоды сотрудничество с правоохранительными органами ему не принесло. Считает, что Квалификационная комиссия не учла одних обстоятельств, а другие ошибочно оценила. Он действовал в условиях крайней необходимости. Его доверителям угрожала реальная опасность оказаться под уголовным преследованием. Он также опасался провокаций против самого себя. В материалах уголовного дела в отношении следователей, по его мнению, имеются доказательства, которые подтверждают факт вымогательства со стороны следователей. По этому уголовному делу он «привлечён в качестве свидетеля». Считая себя полностью невиновным, он в то же время не возражает против прекращения дисциплинарного производства в части жалобы от 06 февраля 2020 года в связи с истечением срока применения мер дисциплинарной ответственности.

Заявитель – адвокат П. в заседании Совета также подтвердил, что Заключение Квалификационной комиссии от 07 октября 2020 года он получил, ознакомился с ним, согласен в полном объеме. Со стороны следователей не было угроз и вымогательства. Именно адвокат К. первый и по своей инициативе назвал им сумму предлагаемой взятки. Он полагает, что со стороны адвоката К. имела место провокация взятки. По уголовному делу он является защитником Т. и поэтому, в отличие от адвоката К., знаком с его материалами и имеющимися доказательствами. Если Совет согласится с Заключением Квалификационной комиссии, то он считает, что наиболее справедливым наказанием является лишение статуса. Цель обращения с жалобами – реализация позиции защиты по уголовному делу и убежденность в недопустимости подобного поведения для адвоката. Цель мести отсутствует.

Рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, выслушав его участников, Совет в полном объеме соглашается с Заключением Квалификационной комиссии от 07 октября 2020 года и её выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных фактических обстоятельствах.

Так, установлено, что в производстве следственной группы Следственного комитета Российской Федерации, в состав которой входили следователи Д. и Т., находилось уголовное дело № ..., по которому в качестве свидетелей допрашивались Кр. и О., юридическую помощь которым оказывал адвокат К. Помимо адвоката К., интересы О. в качестве адвоката свидетеля представляла также адвокат К.С.

28 сентября 2018 года следователем СК РФ Д. был проведен допрос свидетеля О. с участием адвокатов К. и К.С. Адвокат К. осуществлял аудиозапись допроса.

В непродолжительный период времени после 28 сентября 2018 года было проведено еще одно следственное действие – допрос свидетеля Кр. с участием адвоката К.

21 октября 2018 года между О., Кр. и адвокатами К., К.С. состоялась встреча в ресторане, в ходе которой обсуждалась ситуация, связанная с риском привлечения О. и Кр. к уголовной ответственности, а также с признаками коррупционных проявлений со стороны следователей Т. и Д. На этой встрече со стороны адвоката К. имели место фразы, из которых следовало, что следователь «обозначил» сумму взятки в размере (сумма) долларов США.

23 октября 2018 года в помещении следственного изолятора следователем Т. проведена очная ставка между свидетелем Кр. и находящимся под стражей свидетелем А. После окончания очной ставки между адвокатом К. и следователем Т. произошел разговор, касающийся передачи денежных средств. Этот разговор адвокат К. инициативно и скрытно записал на диктофон. Однако по техническим причинам аудиозапись разговора оказалась недоступной для полной и детальной расшифровки.

29 октября 2018 года между адвокатом К. и адвокатом К.С. состоялся телефонный разговор, из содержания которого ясно следует, что адвокат К. общался с оперативными сотрудниками ФСБ РФ и передал им аудиозапись своего разговора со следователем. После изучения аудиозаписи между оперативным сотрудником ФСБ РФ и адвокатом К. состоялся разговор, в ходе которого оперативный сотрудник выразил сомнения в достаточности фактических обстоятельств для возбуждения уголовного дела в отношении следователей и дал рекомендации о проведении дополнительных встреч со следователями, дальнейшем инициировании разговоров с ними и их аудиофиксации. В этом же телефонном разговоре адвокат К. указывает на то, что продолжение начатой работы по выявлению преступной деятельности должностных лиц следственного органа будет иметь для него самого положительный эффект, выражающийся в получении в течение одного года вознаграждения, в частности, от Кр., в связи с представлением его интересов при расследовании уголовного дела в отношении этих лиц.

31 октября 2018 года между адвокатом К. и его доверителем Кр. состоялся телефонный разговор, в ходе которого Кр. высказал просьбу «не провоцировать самостоятельно ситуацию со следователями СК РФ».

В этот же день, 31 октября 2018 года, по инициативе следователя Т. состоялся телефонный разговор с адвокатом К., в ходе которого между ними была назначена встреча.

01 ноября 2018 года между адвокатом К. и следователем Д. состоялась встреча. Содержание встречи скрытно фиксировалось адвокатом К. на диктофон.

03 ноября 2018 года между адвокатом К. и адвокатом К.С. вновь состоялся телефонный разговор, в ходе которого адвокат К. сообщил ей о состоявшемся у него контакте с оперативным сотрудником ФСБ РФ, который попросил сделать стенограмму допроса О. от 28 сентября 2018 года для анализа поведения и эмоционального состояния следователя Д. и его высказываний в ходе допроса.

В период с 01 ноября по 12 ноября 2018 года Кр. и О. находились за пределами Российской Федерации.

13 ноября 2018 года между адвокатом К. и его доверителем Кр. состоялась встреча.

16 ноября 2018 года О. повторно была допрошена в качестве свидетеля. На допросе ее интересы представлял адвокат К. После допроса Кр. и О. приняли решение об обращении в Следственный комитет Российской Федерации с заявлением о возбуждении уголовного дела в отношении следователей.

В этот же день, 16 ноября 2018 года, адвокат К. обратился в Следственный комитет Российской Федерации с заявлением о преступлении по факту вымогательства взятки следователями Т. и Д.

19 ноября 2018 года адвокат К. обратился с письменным заявлением на имя начальника Управления «М» ФСБ России, в котором сообщил, что дает добровольное согласие на участие в проведении оперативно-розыскных мероприятий, направленных на документирование и пресечение преступных действий Д. и Т., а также иных лиц. В этот же день старшим оперуполномоченным ... отдела Управления «М» ФСБ России капитаном С. вынесено постановление о проведении оперативно-розыскного мероприятия «оперативный эксперимент».

19 и 20 ноября 2018 года адвокат К. добровольно и по своей инициативе принял участие в негласном оперативно-розыскном мероприятии «оперативный эксперимент», в ходе которого им была произведена скрытая запись разговоров, состоявшихся между ним и следователем Т. При этом для записи указанных разговоров адвокату К. 19 и 20 ноября 2018 года указанным выше сотрудником управления «М» ФСБ России выдавалось соответствующее техническое звукозаписывающее изделие «Гном Nano 01694».

Сопоставляя достоверно установленные Квалификационной комиссией описанные выше фактические обстоятельства с правовыми положениями, регулирующими участие адвоката в оперативно-розыскных мероприятиях, Совет считает необходимым сначала привести основное содержание этих правовых положений.

Пункт 5 статьи 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» предусматривает, что негласное сотрудничество адвоката с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, запрещается.

В соответствии с п. 3.1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката сотрудничество с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, в ходе осуществления адвокатской деятельности несовместимо со статусом адвоката.

Статья 17 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» запрещает органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, использовать конфиденциальное содействие по контракту депутатов, судей, прокуроров, адвокатов, священнослужителей и полномочных представителей официально зарегистрированных религиозных объединений.

Поскольку положения приведенных выше нормативных актов не полностью соотносятся между собой, *«в Законе запрет для адвокатов сотрудничать с органами, осуществляющими оперативно-розыскную*

деятельность, отнесен только к сотрудничеству негласному, но не ограничивает его одной лишь сферой оказания юридической помощи, а распространяет на любые жизненные ситуации. Кодекс, напротив, расширяет запрет на все формы сотрудничества – как негласное, так и гласное – но сужает сферу его действия пределами адвокатской деятельности. Закон ОРД, употребляя в ст. 17 иную терминологию, запрещает использовать конфиденциальное содействие адвокатов по контракту». Комиссия Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по этике и стандартам приняла Разъяснения от 28 января 2016 г. № 01/16 «По вопросам применения п. 3.1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката» (утверждены Советом ФПА РФ 28 января 2016 года), в которых указала, что:

«В своих разъяснениях Комиссия исходит из того, что в таких ситуациях в противоречие вступают две важные ценности: с одной стороны – безусловная польза действий адвоката для доверителя, с другой – доверие общества к институту адвокатуры и профессии адвоката, основанное на принципах независимости и адвокатской тайны и подрываемое участием адвоката в тайном сыске.

Наиболее разумным и социально полезным для разрешения подобных противоречий – как ориентируют в своих решениях Конституционный Суд РФ и Европейский Суд по правам человека – является поиск баланса, который не приносит один значимый интерес в жертву другому.

Комиссия считает, что такого рода баланс достигается, исходя из общеправового принципа крайней необходимости (в международном праве, например, Европейской конвенции по защите прав человека и основных свобод, употребляется прилагательное «абсолютная»).

Руководствуясь этим принципом, адвокат, столкнувшись с угрозой причинения вреда своему доверителю, обязан:

- убедиться в том, что такая угроза реальна;*
- обсудить с доверителем меры ее ликвидации помимо обращения в правоохранительные органы, в частности, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность;*
- поставить доверителя в известность о запретах для адвоката сотрудничества с органами, осуществляющими ОРД, установленных Законом и Кодексом;*
- если без ОРД эффективно противостоять преступным действиям нельзя, постараться обеспечить участие в оперативно-розыскных мероприятиях других лиц, в частности, самого доверителя;*
- только если без участия самого адвоката в ОРД защитить интересы доверителя не представляется возможным, адвокат вправе разово содействовать (сотрудничать) в ОРД на бесконтрактной основе.*

Следует подчеркнуть, что участие в ОРД для адвоката может быть мотивировано при оказании юридической помощи только защитой интересов доверителя, а за ее пределами противостоянием угроз совершения преступных действий в отношении самого адвоката и его близких родственников. Обоснование участия в ОРД общегражданским долгом, стремлением помочь государству в борьбе с преступностью для адвоката недопустимо, поскольку институт адвокатуры такой цели не преследует, а создан исключительно для оказания профессиональной юридической помощи.

Настоящее Разъяснение вступает в силу и становится обязательным для всех адвокатских палат и адвокатов после утверждения Советом Федеральной палаты адвокатов РФ и опубликования на официальном сайте Федеральной палаты адвокатов РФ в Интернете».

Указанные Разъяснения доведены до сведения членов адвокатского сообщества и других лиц путем опубликования в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на официальном сайте Федеральной палаты адвокатов РФ <<http://www.fparf.ru>>, где доступны по ссылке <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/documents-commissions/the-explanation-of-the-commission-of-the-federal-chamber-of-ethics-and-standards/>.

В соответствии с пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции.

Совет соглашается с оценкой Квалификационной комиссией фактических обстоятельств, связанных с негласным сотрудничеством адвоката К. в ходе осуществления им адвокатской деятельности с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность (ФСБ России), в период с 29 октября 2018 года по 16 ноября 2018 года, втайне от своих доверителей Кр. и О., а также в принятии им участия 19 и 20 ноября 2018 года в проводимом ФСБ России негласном оперативно-розыскном мероприятии «оперативный эксперимент» в отсутствие условий, изложенных в Разъяснениях Комиссии Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по этике и стандартам от 28 января 2016 г. № 01/16 «По вопросам применения п. 3.1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката» (утверждены Советом ФПА РФ 28 января 2016 года).

Прежде всего, Совет обращает внимание на то, что имеющиеся в материалах дисциплинарного производства доказательства подтверждают факт негласного сотрудничества адвоката К. с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность (ФСБ России), в форме предоставления им информации, в том числе скрытно сделанных самим адвокатом К. аудиозаписей, получения рекомендаций о дальнейших действиях и выполнения отдельных просьб об оформлении и предоставлении им дополнительных сведений. Источником доказательств совершения адвокатом

К. этих сведений является, прежде всего, он сам, поскольку сообщил сведения об указанных выше обстоятельствах в ходе телефонных переговоров с адвокатом К.С. 29 октября 2018 года и 03 ноября 2018 года. Условия сообщения им указанной выше информации, тональность разговора свидетельствуют о нахождении адвоката К. в нормальном психоэмоциональном состоянии и об отсутствии факторов, способных усомниться в достоверности сообщённой им информации. Сопоставление содержания этих телефонных переговоров с имевшими установленными фактическими обстоятельствами оказания адвокатом К. юридической помощи Кр. и О. приводит Совет к единственно возможному выводу о том, что предметом негласного сотрудничества адвоката К. с органами ФСБ РФ являлось содействие в сборе сведений о деятельности следователей Т. и Д. при расследовании ими уголовного дела, по которому в качестве свидетелей допрашивались доверители адвоката К. - Кр. и О.

Определяя период такого сотрудничества, Совет соглашается с Квалификационной комиссией в том, что имеющиеся в материалах дисциплинарного производства доказательства позволяют с необходимой достоверностью ограничить его следующими датами: с 29 октября 2018 года (дата телефонных переговоров с адвокатом К.С., в ходе которых адвокат К. впервые самостоятельно сообщил о том, что он «съездил к фейсам», пообщался с ними и передал им аудиозапись) по 16 ноября 2018 года (дата обращения с заявлением о преступлении, поданном в публичном порядке в Следственный комитет РФ).

Совет соглашается и с тем, что в обозначенный выше период адвокат К. осуществлял негласное сотрудничество втайне от своих доверителей – Кр. и О. Анализ имеющихся в материалах дисциплинарного производства доказательств свидетельствуют о том, что общение адвоката К. с доверителями имело место 31 октября 2018 года, 13 и 16 ноября 2018 года. При этом содержание телефонного разговора, имевшего место 31 октября 2018 года, сводилось к просьбе Кр., обращенной к адвокату К., «не провоцировать самостоятельно ситуацию со следователями СК РФ». В свою очередь, 13 и 16 ноября 2018 года (то есть, до и после допроса О.) ими не обсуждались вопросы негласного сотрудничества адвоката К. с органами, осуществляющими оперативную-розыскную деятельность. Опрошенные в заседании Квалификационной комиссии Кр. и О. не сообщили каких-либо сведений, подтверждающих открытый для них и, тем более, предварительно согласованный с ними характер взаимоотношений адвоката К. с органами, осуществляющими оперативную-розыскную деятельность. Совет не находит оснований для сомнений в достоверности указанных объяснений, и в совокупности с анализом содержания протоколов допросов Кр. и О., имеющихся в материалах дисциплинарного производства, считает их достаточными для вывода о сокрытии адвокатом К. своего сотрудничества с органом, осуществляющим оперативную-розыскную деятельность, от своих доверителей. Дополнительно Совет обращает внимание на то, что в ходе

телефонного разговора с адвокатом К.С., имевшего место 29 октября 2018 года, адвокат К. сообщил ей о своей мотивации в продолжении такого сотрудничества, поскольку это, с его слов, принесет ему дополнительное вознаграждение, обусловленное необходимостью для его доверителей (в частности, Кр.) участвовать в следственных и иных процессуальных действиях в течение одного года. Поэтому объяснения и показания Кр. и О. об отсутствии у них сведений о негласном сотрудничестве адвоката К. с органом, осуществляющим оперативную-розыскную деятельность, соотносятся с мотивацией адвоката К. продолжать ее негласно и тайно, чтобы в результате оказывать им юридическую помощь в будущих процессуальных действиях по делу в отношении следователей.

Применительно к участию адвоката К. 19 и 20 ноября 2018 года в проводимом ФСБ России негласном оперативно-розыскном мероприятии «оперативный эксперимент» в отсутствие условий, изложенных в Разъяснениях Комиссии Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по этике и стандартам от 28 января 2016 г. № 01/16 «По вопросам применения п. 3.1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката» (утверждены Советом ФПА РФ 28 января 2016 года), Совет обращает внимание на то, что адвокат может принять решение об участии в оперативно-розыскных мероприятиях только при условии предварительного совершения им всех описанных выше 5 (пяти) действий в совокупности. Неисполнение обязанности по их совершению (даже применительно к одному действию) исключает наличие ситуации крайней необходимости, когда адвокат вынужден принимать участие в оперативном мероприятии, и обеспечивает должный баланс между двумя упомянутыми в Разъяснениях ценностями.

Из материалов дисциплинарного производства не следует, что в отношении доверителей адвоката К. - Кр. и О. имелась реальная угроза причинения вреда. Приходя к такому выводу, Совет не подменяет и не может подменять собой какие-либо правоохранительные или судебные органы, а основывается исключительно на имеющихся в материалах дисциплинарного производства доказательствах и оценивает их в пределах своей компетенции – применительно к решению вопроса о соблюдении или несоблюдении адвокатом К. обязательных требований профессиональной этики. Императивный характер указанных выше Разъяснений обязывает органы адвокатского самоуправления в каждом случае устанавливать наличие условий для участия адвоката в негласной оперативно-розыскной деятельности на основании имеющихся в дисциплинарном производстве сведений с неизменным соблюдением принципа презумпции добросовестности адвоката.

Руководствуясь этими критериями, Совет приходит к выводу о том, что адвокат К. в ходе рассмотрения настоящего дисциплинарного производства Квалификационной комиссией и Советом не обосновал наличие угрозы причинения вреда доверителям, не описал, в чем она выражалась и, тем более,

какими доказательствами подтверждается её наличие. В ходе общения с адвокатом К.С. по телефону 29 октября 2018 года адвокат К. показал, что осознает отсутствие со стороны следователей Т. и Д. реальной угрозы причинения вреда его доверителям, о чем свидетельствуют фразы: «Оно конечно уляжется всё само собой. Может и не стоит это затевать, эту всю фигню»; «Да не будет он прессовать». Из объяснений адвоката К. следует, что следователи Т. и Д. совершили действия, направленные на вымогательство у его доверителей – Кр. и О. через него (К.) денежной суммы в качестве взятки за непривлечение их к уголовной ответственности. Между тем, в материалах дисциплинарного производства отсутствуют какие-либо сведения о действиях следователей Т. и Д., на основании которых органы адвокатского самоуправления могли бы прийти к выводу, что на момент принятия адвокатом К. решения об участии в оперативном мероприятии действительно имела место реальная, а не вымышленная, угроза совершения следователями таких действий. Причем в силу автономного характера дисциплинарного производства, последующие процессуальные решения о возбуждении уголовного дела, привлечении в качестве обвиняемого и т.п. не могут заменить собой необходимости самостоятельного установления органами адвокатского самоуправления фактических обстоятельств и, тем более, влиять на оценку соблюдения условий, изложенных в Разъяснении. Поэтому Совет констатирует, что в материалах дисциплинарного производства отсутствует описание конкретной угрозы причинения вреда доверителям адвоката К., которая вынудила бы последнего принять участие в негласном сотрудничестве с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность (ФСБ России), как в период с 29 октября 2018 года по 16 ноября 2018 года, так и в оперативном мероприятии 19 и 20 ноября 2018 года.

Изложенный выше тезис сам по себе достаточен для оценки анализируемого дисциплинарного обвинения. Отсутствие реальной угрозы причинения вреда доверителям во всех случаях не позволяло адвокату К. участвовать в указанном негласном сотрудничестве. Между тем, Совет отмечает, что изложенный выше тезис не позволяет признать и совершение следующего необходимого действия: обсуждение с доверителем мер ликвидации угрозы, минуя обращения в правоохранительные органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность. Совершение этого действия предопределено наличием реальной угрозы доверителям. А поскольку такая угроза не установлена и не описана, то невозможно и признать состоявшимся обсуждение с доверителем мер по ее ликвидации. Однако, Совет считает необходимым обратить внимание на то, что материалы дисциплинарного производства не содержат достаточных доказательств обсуждения адвокатом К. со своими доверителями каких-либо действий, направленных на ликвидацию этой угрозы и при этом связанных с его негласным сотрудничеством с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность. Источниками таких сведений могли бы быть как сам адвокат К., так и его доверители – Кр. и О. Однако имеющиеся в материалах

дисциплинарного производства объяснения и показания указанных лиц не содержат таких сведений.

В материалах дисциплинарного производства нет и достаточных доказательств того, что адвокат К. поставил доверителей в известность о нормативных запретах для адвоката сотрудничать с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность. Опрошенные по ходатайству адвоката К. его доверители Кр. и О. не сообщили Квалификационной комиссии о получении ими от адвоката К. таких разъяснений.

Также в материалах дисциплинарного производства отсутствуют убедительное обоснование и доказательства того, что доверители адвоката К., в частности, Кр., у которого непосредственно, со слов адвоката К., происходило вымогательство, не имели возможности участвовать в оперативно-розыскных мероприятиях. То обстоятельство, что Кр. не имеет знаний в области оперативно-розыскной деятельности, не свидетельствует о невозможности его участия в оперативном эксперименте. Совет обращает внимание на то, что теория оперативно-розыскной деятельности и её нормативная регламентация не предусматривают особых требований к возрасту, образованию, полу, квалификации для такого участия в негласном оперативном мероприятии, которое осуществил адвокат К. и могло бы осуществить иное лицо (например, Кр.). Совет отмечает, что в период проведения оперативного эксперимента Кр. и О. находились в городе Москве и не были ограничены по состоянию здоровья или в силу иных причин в возможностях содействия правоохранительным органам.

Наконец, указанный выше период негласного сотрудничества адвоката К. с органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность (ФСБ России), и последующее участие адвоката К. в оперативном эксперименте 19 и 20 ноября 2018 года свидетельствуют о нарушении им последнего условия Разъяснения, допускающего возможность лишь разового (единичного) участия адвоката в оперативно-розыскной деятельности.

При указанных обстоятельствах Совет признаёт презумпцию добросовестности адвоката К. опровергнутой, а его умышленную вину в совершении вышеуказанных нарушений установленной.

В соответствии с п. 5 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката «меры дисциплинарной ответственности могут быть применены к адвокату не позднее шести месяцев со дня обнаружения проступка, не считая времени болезни адвоката, нахождения его в отпуске». Жалоба адвоката П. от 06 февраля 2020 года поступила в Адвокатскую палату города Москвы 06 февраля 2020 года (вх. № ... от 06.02.2020). По не зависящим от Адвокатской палаты города Москвы причинам, связанным с введением и действием в городе Москве режима повышенной готовности в связи с угрозой распространения коронавирусной инфекции и соответствующими ограничительными мерами, дисциплинарное производство окончательно

рассмотрено Советом только 29 октября 2020 года. На момент его рассмотрения Советом истек шестимесячный срок применения к адвокату мер дисциплинарной ответственности в части, касающейся доводов жалобы адвоката П. от 06 февраля 2020 года. Сведениями о болезни или нахождении в отпуске адвоката К. в течение указанного срока Совет не располагает.

Подпункт 6 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката предусматривает основание прекращения дисциплинарного производства – вследствие истечения сроков применения мер дисциплинарной ответственности, обнаружившегося в ходе разбирательства Советом или Комиссией. Прекращение дисциплинарного производства по основанию, указанному в подпункте 6 пункта 1 настоящей статьи, не допускается, если адвокат, в отношении которого возбуждено дисциплинарное производство, возражает против этого. В этом случае дисциплинарное производство продолжается в обычном порядке (пункт 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Адвокат К. в заседании Совета сообщил, что он не возражает против прекращения дисциплинарного производства в связи с истечением сроков привлечения к дисциплинарной ответственности. В связи с этим Совет считает необходимым прекратить дисциплинарное производство в части дисциплинарных обвинений, изложенных в жалобе адвоката П. от 06 февраля 2020 года (вх. № ... от 06.02.2020) и признанных установленными, а именно: в части принятия адвокатом К. участия 19 и 20 ноября 2018 года в проводимом ФСБ России оперативно-розыском мероприятии «оперативный эксперимент» в отсутствие условий, изложенных в Разъяснениях Комиссии Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по этике и стандартам от 28 января 2016 г. № 01/16 «По вопросам применения п. 3.1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката» (утверждены Советом ФПА РФ 28 января 2016 года).

Мерами дисциплинарной ответственности, применяемыми к адвокату за нарушение им требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката являются: 1) замечание; 2) предупреждение; 3) прекращение статуса адвоката (п. 6 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Статус адвоката может быть прекращен по решению совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, в региональный реестр которого внесены сведения об адвокате, на основании заключения квалификационной комиссии при нарушении адвокатом норм Кодекса профессиональной этики адвоката (пп. 2 п. 2 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

Избирая, в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, меру дисциплинарной ответственности адвоката К. за совершённое им нарушение в оставшейся части, Совет, прежде всего, принимает во внимание положения п. 3.1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которому сотрудничество с

органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, в ходе осуществления адвокатской деятельности несовместимо со статусом адвоката. Явное и грубое игнорирование адвокатом К. основополагающих начал осуществления профессиональной деятельности свидетельствует об отсутствии у него либо об утрате им необходимых для осуществления адвокатской деятельности профессиональных и этических качеств. При таких обстоятельствах Совет признаёт профессиональное поведение адвоката К. несовместимым с нахождением в составе адвокатского сообщества и приходит к выводу о применении к нему меры дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката.

Совет не находит возможности применения к адвокату К. более мягкой меры дисциплинарной ответственности как в силу требования справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренного п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката, так и в силу того, что оставление К. в составе адвокатского сообщества могло бы дать основание полагать, что совершённые им нарушения совместимы со статусом адвоката.

Определяя в соответствии с п. 7 статьи 18 Кодекса профессиональной этики адвоката срок, по истечении которого К. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена, Совет, с учётом тяжести нарушений и всей совокупности установленных обстоятельств, считает необходимым установить этот срок в 2 (два) года.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 2 п. 2 ст. 17, подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п.п. 1, 4, 5, 6, 7 ст. 18, подп. 1 и 6 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

1. Применить к адвокату К. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката за нарушение п. 5 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 3.1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката и Разъяснений Комиссии Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по этике и стандартам от 28 января 2016 г. № 01/16 «По вопросам применения п. 3.1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката» (утверждены Советом ФПА РФ 28 января 2016 года), что выразилось в его негласном сотрудничестве в ходе осуществления адвокатской деятельности с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность (ФСБ России), в период с 29 октября 2018 года по 16 ноября 2018 года втайне от своих доверителей Кр. и О.

Установить срок, по истечении которого К. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, в 2 (два) года.

2. Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство в отношении адвоката К. вследствие истечения сроков применения мер

дисциплинарной ответственности, обнаружившегося в ходе разбирательства Советом.

3. Адвокаты привлечены к дисциплинарной ответственности за занятие позиции, противоположной позиции доверителя, вступление во внепроцессуальные отношения со следователем и ненадлежащее оформление соглашений с доверителем.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 07 октября 2020 года,

адвокатом С. совершены:

- нарушение взаимосвязанных положений пп. 1, 4 п. 1 ст. 7 и ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», выразившееся во включение в Соглашение об оказании юридической помощи от 19 августа 2019 года № ... пункта 5.3, в соответствии с которым при отмене поручения непосредственно после его заключения (в течение одного рабочего дня) при условии, что Адвокат не начал его выполнять, Доверитель оплачивает Адвокату 3/4 размера вознаграждения, предусмотренного п. 3.1, а если отмена поручения происходит после выполнения Адвокатом действий, направленных на выполнение поручения, предусмотренного п. 1.1 настоящего Соглашения, гонорар не возвращается, а также в передаче доверителю Га. экземпляра указанного Соглашения без подписи адвоката С.;

- неисполнение, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, своих профессиональных обязанностей перед доверителем Г., что выразилось в неприятии адвокатом С. участия в качестве защитника обвиняемого Г. в проведении ... областным судом 29 и 30 октября 2019 года предварительного слушания по уголовному № ...;

- неисполнение, вопреки взаимосвязанным предписаниям пп. 3 п. 4 ст. 6, пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п. 2 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, своих профессиональных обязанностей перед доверителем Г., что выразилось в занятии им 19 марта 2019 года в судебном заседании ... областного суда по уголовному делу в отношении Г. и других позиции по вопросу приобщения к материалам уголовного дела представленного Г. DVD-RW диска, проведения исследования содержащейся на нем информации и назначения фоноскопической экспертизы, противоположной позиции доверителя Г.;

- нарушение п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, что выразилось во внепроцессуальном общении с представителем стороны обвинения по уголовному делу – следователем В. в ходе рассмотрения ... областным судом уголовного дела в отношении Г. и др.;

адвокатом И. совершены:

- неисполнение, вопреки взаимосвязанным положениям пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката и Разъяснений Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката, принятых на заседании Совета Адвокатской палаты города Москвы 29 сентября 2014 года, профессиональных обязанностей перед доверителем Г., выразившееся в невыдаче доверителю Г. второго экземпляра Соглашения об оказании юридической помощи б/н от 12 ноября 2019 года;

- неисполнение, вопреки взаимосвязанным предписаниям пп. 3 п. 4 ст. 6, пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п. 2 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, своих профессиональных обязанностей перед доверителем Г., что выразилось в занятии им 19 марта 2019 года в судебном заседании ... областного суда по уголовному делу в отношении Г. и др. позиции по вопросу о приобщения к материалам уголовного дела представленного Г. DVD-RW диска, проведения исследования содержащейся на нем информации и назначения фоноскопической экспертизы, противоположной позиции доверителя Г.;

- нарушение п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, что выразилось во внепроцессуальном общении с представителем стороны обвинения по уголовному делу – следователем В. в ходе рассмотрения ... областным судом уголовного дела в отношении Г. и других.

Кроме того, Квалификационная комиссия в том же Заключении пришла к выводу о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвокатов С. и И., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвокатов нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат И. в заседании Совета подтвердил своевременное получение им Заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним, поддержал свои письменные возражения. На заданный ему вопрос, почему он в суде возражал против ходатайства его подзащитного Г., ответил, что оно, по его мнению, не соответствовало сути дела и касалось лично его (И.).

В представленном в письменном виде «Объяснении на Заключение Квалификационной комиссии» от 25.10.2020 (вх. № ... от 26.10.2020) адвокат И. указал, что участие в судебном процессе было юридически оформлено им по обоюдному согласию с Г. Второй экземпляр соглашения от 12.11.2019 был выдан Г., хотя отметка об этом действительно проставлена не была. Он возражал против ходатайства Г. о приобщении к делу лазерного диска, так как тот не содержал материалов, имеющих отношение к доказательствам. Признавая факт знакомства со следователем В., адвокат И. отрицает совершение действий, противоречащих интересам своего подзащитного.

Представитель заявителя Г. - адвокат П. в заседании Совета подтвердила своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним, выразила несогласие в части, касающейся вывода Комиссии о прекращении дисциплинарного производства.

Представитель Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве Е. в заседании Совета подтвердила своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним, согласилась с выводами Квалификационной комиссии.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав его явившихся участников, в полном объеме соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и её выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

Так, 19 августа 2019 года Га. заключила с адвокатом С. Соглашение № ... об оказании юридической помощи ее мужу Г., обвиняемому по уголовному делу № ... в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 209, п. «а» ч. 3 ст. 163, ч. 3 ст. 139, п. «а» ч. 3 ст. 163 УК РФ.

29 и 30 октября 2019 года адвокат С. не явился на предварительное слушание в ... областной суд по уголовному делу доверителя Г., вместо него в судебном заседании участвовал адвокат И. Заявитель Г. утверждает, что адвоката И. направил в предварительное слушание адвокат С. В ходе дальнейшего рассмотрения ... областным судом уголовного дела в отношении Г. и других по существу защитники С. и И. попеременно принимали участие в судебных заседаниях.

19 марта 2020 года подсудимые Г. и Пу. в судебном заседании ... областного суда заявили отвод защитникам С. и И. по основанию совершения адвокатами действий, противоречащих интересам подсудимых. Для подтверждения своих доводов подсудимые ходатайствовали в судебном заседании о приобщении к материалам уголовного дела DVD-RW диска с соответствующей информацией, исследовании содержащейся на нем информации и назначении фоноскопической экспертизы. Адвокаты С. и И. при обсуждении в судебном заседании указанного ходатайства отрицали совершение каких-либо действий, противоречащих интересам подсудимых Г. и Пу., указали, что их подзащитные имеют право на отказ от защитников, при этом заняли позицию, противоположную позиции доверителя Г. по вопросу о приобщении к материалам уголовного дела DVD-RW диска, исследовании содержащихся на нем сведений и назначении фоноскопической экспертизы.

... областной суд определением от 19 марта 2020 года удовлетворил заявление подсудимого Г. об отводе защитников С. и И. При этом суд отметил, что не установил данных о недобросовестном исполнении защитниками С. и И. своих обязанностей как в ходе предварительного следствия, так и в судебном заседании, или нарушении ими положений Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодекса профессиональной этики адвоката. В то же время, суд в определении указал на то, что в судебном заседании 19 марта 2020 года защитники С. и И.

высказали противоположную с их подзащитным позицию, касающуюся исследования в судебном заседании сведений о важных, по мнению подсудимых, юридически значимых обстоятельствах и назначении фоноскопической экспертизы, что судом расценено как противоречие в позиции подсудимых Г. и Пу. и защитниками Г. адвокатами С. и И., на основании чего удовлетворил заявленный им отвод.

22 апреля 2020 года следователь СУ СК РФ по ... области П. вынес постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении следователя по особо важным делам данного следственного управления В. по заявлению Г. и др. В постановлении, в том числе указано, что в ходе доследственной проверки следователь СУ СК России по ... области В. дал объяснение о том, что в ходе предварительного следствия по расследуемому им уголовному делу в отношении Г. и других защиту обвиняемого Г. осуществлял, в том числе, и адвокат С., с которым следователь В. стал поддерживать дружеские отношения после направления уголовного дела в отношении Г. и других в ... областной суд для рассмотрения по существу. При общении с адвокатом С. следователь В. старался не обсуждать ход рассмотрения уголовного дела в отношении Г. и других; какой-либо значимой информацией по данному уголовному делу адвокат С. и следователь В. не обменивались. Следователь В. неоднократно по просьбе С. либо по своей инициативе отвозил последнего в аэропорт города ..., что Г. расценивает как проявление гостеприимства. Содержание представленной Г. аудиозаписи В. не смог подтвердить или опровергнуть, а также достоверно идентифицировать свой голос и голоса С. и И. «по причине низкого качества аудиозаписи и наличия в ней посторонних шумов». В постановлении об отказе в возбуждении уголовного дела указано, что в своих пояснениях адвокаты С. и И. подтвердили доводы объяснения следователя В. и также «не смогли распознать свои голоса на аудиозаписи».

В постановлении об отказе в возбуждении уголовного дела также отмечено, что осмотром двух оптических дисков, представленных Г. установлено, что на одном диске содержатся пять файлов с датой изменения «15.03.2020», содержащих фрагменты видеозаписи с камер наружного наблюдения с фиксированием даты и времени записи. Оптический диск содержит фрагменты записи, датированные 12 марта 2020 года и 13 марта 2020 года в различные периоды, с изображением граждан, но без звукового сопровождения. Из заявления Г. следует, что на видеозаписях содержится изображение следователя В., адвокатов И. и С., которые осуществляют внепроцессуальное общение между собой. В постановлении следователя указано, что «на видеозаписи противоправного поведения граждан, нарушающего общественный порядок, не зафиксировано». На втором диске содержатся два файла с датой изменения «22.03.2020». При прослушивании файлов установлено, что на них содержатся фрагменты аудиозаписи голосов, с присутствием посторонних шумов и звуков, речь местами плохо разбираема, непонятно её содержание.

В этом же постановлении об отказе в возбуждении уголовного дела сделан вывод о том, что доводы Г. о внепроцессуальном общении адвокатов И. и С. со следователем В. не свидетельствуют об уголовно-наказуемом деянии, о нарушении законодательства, регламентирующего «профессиональный этикет адвоката и следователя». Действия адвокатов И. и С., связанные с общением со следователем В., не содержат нарушения Кодекса профессиональной этики адвоката, Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

Давая юридическую оценку действиям (бездействию) адвоката С. применительно к дисциплинарным обвинениям, содержащимся в жалобе Г. и в представлении Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве, в том, что адвокат С. 19 августа 2019 года при заключении Соглашения № ... с Га. об оказании юридической помощи ее мужу Г. включил в него п. 5.3 о том, что «если отмена поручения происходит непосредственно после заключения (в течение одного рабочего дня) Соглашения при условии, что Адвокат не начал его выполнять, Доверитель оплачивает 3/4 размера вознаграждения, предусмотренного п. 3.1. Если отмена поручения происходит после выполнения Адвокатом действий, направленных на выполнение поручения, предусмотренного п. 1.1. настоящего Соглашения, гонорар не возвращается», а также дисциплинарным обвинениям в том, что адвокат С. передал доверителю Га. экземпляр Соглашения об оказании юридической помощи, не подписанный адвокатом, Совет отмечает, что в силу положений п. 1 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем. Согласно п. 2 Разъяснений Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката, утверждённых Советом 29 сентября 2014 года, «Доверитель вправе расторгнуть соглашение с адвокатом в любой момент оказания юридической помощи (с особенностями применения ч. 2 ст. 430 ГК РФ). При расторжении доверителем соглашения подлежат оплате фактически оказанная адвокатом юридическая помощь и понесенные им расходы. Недопустимо включать в соглашение условия об обязанности в случае его расторжения доверителем, выплаты адвокату каких-либо сумм в виде неустойки, пени и т.п., либо удержания неотработанной части внесённого гонорара».

Включение адвокатом С. в Соглашение об оказании юридической помощи № ... от 19 августа 2019 года, заключенное с Га. в интересах Г., положений, согласно которым при отмене поручения непосредственно после заключения Соглашения, при условии, что адвокат не начал его выполнять, доверитель оплачивает 3/4 размера вознаграждения; если отмена поручения происходит после выполнения адвокатом действий, направленных на выполнение поручения, гонорар не возвращается, указанным выше требованиям не соответствует.

Совет, как и Квалификационная комиссия, также признаёт установленным, что в переданном адвокатом С. доверителю Га. экземпляре Соглашения об оказании юридической помощи отсутствовала подпись адвоката, поскольку на представленной заявителем Г. светокопии Соглашения об оказании юридической помощи № ... от 19 августа 2019 года отсутствует подпись адвоката С. При этом, как следует из материалов дисциплинарного разбирательства, в заседаниях Квалификационной комиссии 21 июля и 07 октября 2020 года адвокат С. пояснил, что экземпляра Соглашения с подписями обеих сторон нет, с доверителем Га. они обменивались экземплярами Соглашения, в которых стояла подпись или скан подписи одной из сторон.

С учетом изложенного Совет признает дисциплинарные обвинения в отношении адвоката С. в указанной части обоснованными и приходит к выводу о нарушении адвокатом С. взаимосвязанных положений ст.25 и пп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

Вместе с тем, Совет признаёт необоснованным дисциплинарное обвинение в отношении адвоката С. о нарушении им законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре в части включения им в Соглашение об оказании юридической помощи Г. условия, наделяющего поверенного полномочием по назначению другого адвоката для исполнения предмета Соглашения. В соответствии с п. 4 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат вправе с согласия доверителя делить гонорар с лицами, привлекаемыми для оказания юридической помощи. При этом адвокат С. утверждает, что он не применял это условие Соглашения об оказании юридической помощи Г., а адвокат И. заключил самостоятельное соглашение на защиту Г. Данные обстоятельства подтверждаются пояснениями адвоката И., а также представленными им светокопиями Соглашения б/н от 27 октября 2019 года (которое не оспаривает заявитель Г.) и Соглашения б/н от 12 ноября 2019 года, светокопией справки Коллегии адвокатов города Москвы «...» от 26 июня 2020 года № ... о регистрации указанных Соглашений в документации адвокатского образования.

Совет также признает не подтвердившимся дисциплинарное обвинение в адрес адвоката И. в его участии в отсутствие установленных законом оснований (без заключения соглашения об оказании юридической помощи) в качестве защитника Г. при рассмотрении ... областным судом по существу уголовного дела в отношении подсудимого Г. и других. Дисциплинарное обвинение в этой части опровергается пояснениями адвокатов И. и С., светокопией Соглашения б/н от 12 ноября 2019 года о принятии адвокатом И. поручения на защиту подсудимого Г. при рассмотрении ... областным судом по существу уголовного дела (вплоть до вынесения приговора) в отношении Г. и других, светокопией справки Коллегии адвокатов города Москвы «...» от 26 июня 2020 года № ... о регистрации данного Соглашения в документации адвокатского образования. Кроме того, представитель заявителя Г.

подтвердил, что в течение нескольких десятков заседаний ... областного суда по рассмотрению уголовного дела по существу, вплоть до отвода защитников С. и И., подсудимый Г. не заявлял суду о незаконности участия адвоката И. в уголовном деле в качестве защитника.

Несмотря на доводы заявителя Г. о том, что он не заключал с адвокатом И. соглашения об оказании юридической помощи на защиту при рассмотрении ... областным судом уголовного дела по обвинению Г. и других по существу, а также несмотря на возражения заявителя Г. о том, что подпись от его имени в Соглашении без номера от 12 ноября 2019 года ему не принадлежит, Совет, с учетом приведенных выше доказательств, признает презумпцию добросовестности адвоката И. в этой части дисциплинарного обвинения не опровергнутой заявителем Г.

В то же время, поскольку заявителем Г. выдвинуто дисциплинарное обвинение в нарушении адвокатом И. порядка документального оформления его участия в качестве защитника подсудимого Г. при рассмотрении уголовного дела ... областным судом по существу, в том числе и об отсутствии у доверителя Г. копии Соглашения об оказании юридической помощи б/н от 12 ноября 2019 года, Совет отмечает, что в соответствии с пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции. Согласно п. 1 Разъяснений Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката, утвержденных Советом 29 сентября 2014 года, «В соответствии со ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» соглашение заключается между доверителем и адвокатом (адвокатами) в двух экземплярах. Получение, равно как и отказ в получении, доверителем экземпляра соглашения должны быть подтверждены его подписью на экземпляре, остающемся у адвоката». Однако на представленной адвокатом И. светокопии Соглашения об оказании юридической помощи б/н от 12 ноября 2019 года отсутствует отметка доверителя Г. о получении им второго экземпляра указанного Соглашения. С учетом этих установленных обстоятельств Совет приходит к выводу о неисполнении адвокатом И. профессиональных обязанностей перед доверителем Г., выразившемся в том, что, адвокат И. не выдал доверителю Г. второй экземпляр Соглашения об оказании юридической помощи б/н от 12 ноября 2019 года.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в отношении адвоката С. в том, что он не принимал участия в защите доверителя Г. 29 и 30 октября 2019 года в предварительном слушании по уголовному делу в отношении Г. и других в ... областном суде, Совет принимает во внимание, что данные обстоятельства, помимо доводов жалобы заявителя Г., также признаются адвокатом С. и подтверждаются объяснениями адвоката И. Совет признает данные

фактические обстоятельства установленными и расценивает подобное поведение С. как уклонение от защиты и ненадлежащее исполнение им своих обязательств перед доверителем Г.

В части дисциплинарного обвинения в попеременном участии адвокатов С. и И. в судебных заседаниях ... областного суда в качестве защитников подсудимого Г., Совет полагает, что право на защиту Г. этим нарушено не было. Адвокаты С. и И. пояснили, что их поочередное участие в судебных заседаниях в качестве защитников было согласовано с доверителем Г. При этом Г. не представлено доказательств того, что он заявлял суду о необходимости одновременного участия в судебных заседаниях обоих адвокатов в качестве его защитников, равно как и доказательств наступления каких-либо негативных последствий от попеременного участия адвокатов в судебных заседаниях, в связи с чем дисциплинарное обвинение в этой части в отношении адвокатов С. и И. Совет признает необоснованным.

Оценивая дисциплинарное обвинение адвокатов С. и И. в части допущенных ими внепроцессуальных отношений со следователем В., Совет признает установленными факты внепроцессуального общения адвокатов С. и И. со следователем В., являвшимся в соответствии с п. 47 ст. 5 УПК РФ участником судопроизводства со стороны обвинения и расследовавшим уголовное дело в отношении их доверителя Г., по которому адвокаты С. и И. выступали в качестве защитников Г. При этом адвокаты С. и И. в ходе данного внепроцессуального общения со следователем В. поддерживали с последним внеслужебные и даже дружеские отношения в то время, когда в отношении их подзащитного Г. .... областным судом рассматривалось уголовное дело.

Факт наличия внепроцессуальных отношений адвокатов С. и И. со следователем В., в том числе, не менее трех неформальных встреч адвокатов со следователем, оказание следователем В. услуг в виде доставки адвокатов С. и И. автотранспортом в аэропорт города ..., подтверждается пояснениями заявителя Г., объяснениями адвокатов С. и И., а также постановлением следователя второго отдела по расследованию особо важных дел следственного управления Следственного комитета РФ по ... области П. от 22 апреля 2020 года об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении В. При этом объяснения адвоката С. о том, что такие встречи проводились якобы по просьбе Г. и были связаны с темой некоей взятки, не нашли своего подтверждения ни в пояснениях Г., ни в тексте постановления об отказе в возбуждении уголовного дела от 22 апреля 2020 года, вынесенного следователем Следственного управления Следственного комитета РФ по ... области П. В то же время, в ходе дисциплинарного разбирательства адвокат И. по поводу содержания видеозаписи, на которой он «здоровается и обнимается со следователем В. возле подъезда жилого дома...», пояснил, что его коллега адвокат С. не говорил ему, по какой причине он выходил на контакт со следователем В.

Признавая указанные фактические обстоятельства установленными, Совет исходит при их оценке из положений ст. 5 Кодекса профессиональной

этики адвоката о том, что профессиональная независимость адвоката, а также убежденность доверителя в порядочности, честности и добросовестности адвоката являются необходимыми условиями доверия к нему (п. 1 ст. 5 Кодекса); адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре (п. 2 ст. 5 Кодекса); злоупотребление доверием несовместимо со званием адвоката (п. 3 ст. 5 Кодекса), и приходит к выводу о нарушении адвокатами С. и И. указанными действиями требований п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в отношении адвокатов С. и И. в разглашении ими профессиональной (адвокатской) тайны – передаче стороне обвинения сведений, конфиденциально полученных от доверителя Г., а также полученных в ходе оказания или в связи с оказанием ему юридической помощи, Совет, как и Квалификационная комиссия, полагает, что заявителем Г. в этой части дисциплинарных обвинений не была опровергнута презумпция добросовестности адвокатов С. и И., которые категорически отрицают факты разглашения ими следователю В. конфиденциальной информации, полученной от доверителя Г. и составляющей адвокатскую тайну. Совет отклоняет довод представителя Г. о том, что само по себе внепроцессуальное общение адвокатов С. и И. со следователем В. означает разглашение адвокатской тайны, поскольку данное нарушение может выражаться лишь в разглашении адвокатами конкретных сведений, содержащих адвокатскую тайну, а не в факте внепроцессуального общения.

По поводу дисциплинарных обвинений в отношении адвокатов С. и И. в части занятия ими позиции по делу, противоположной позиции доверителя Г., Совет признает установленным, что в ходе судебного разбирательства в ... областном суде по уголовному делу в отношении Г. и других, защитники подсудимого Г. – адвокаты С. и И. заявили суду о своей позиции по заявленному Г. ходатайству, которая полностью противоречила позиции их доверителя по важным и юридически значимым, по мнению подсудимых, обстоятельствам: адвокаты возражали против приобщения к материалам уголовного дела представленного Г. DVD-RW диска, проведения исследования содержащейся на нем информации и назначения фоноскопической экспертизы. Помимо пояснений Г., данные обстоятельства подтверждаются определением ... областного суда от 19 марта 2020 года, которым удовлетворен заявленный Г. отвод защитникам – адвокатам С. и И. на том основании, что «защитники совершили действия, противоречащие их [подзащитных – примечание Совета] интересам, как подсудимых». Не отрицаются данные обстоятельства и самими адвокатами.

При оценке указанных фактических обстоятельств Совет учитывает положения пп. 3 п. 4 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката о том, что адвокат не вправе занимать по делу позицию, противоположную позиции доверителя, и действовать вопреки его воле, за исключением случаев, когда адвокат-защитник убежден в наличии

самоговора своего подзащитного. Изложенные выше фактические обстоятельства в совокупности приводят к выводу о том, что адвокаты С. и И. действовали вопреки позиции и интересам доверителя Г., что, в свою очередь, дает основание для вывода о неисполнении ими профессиональных обязанностей перед доверителем Г. в данной части. Совет отклоняет как несостоятельные доводы адвоката И. о том, что он руководствовался собственной оценкой ходатайства Г., поскольку его собственные оценки не освобождали его от исполнения приведённых выше обязательных требований.

Анализируя дисциплинарные обвинения в отношении адвокатов С. и И. в части их явки в следственное управление Следственного комитета РФ по ... области и дачи ими объяснений без согласования этого с доверителем Г., а также в оказании адвокатами С. и И. некачественной юридической помощи Г., Совет признает, что заявителем Г. в этой части не была опровергнута презумпция добросовестности адвокатов. При этом Совет исходит из того, что на момент проведения доследственной проверки следователем П. адвокаты С. и И. уже не являлись защитниками Г., поскольку заявленный подсудимым Г. отвод защитникам С. и И. был удовлетворен ... областным судом 19 марта 2020 года, заявление П. и Г. в отношении следователя В. зарегистрировано в Книге регистрации сообщений о преступлениях следственного управления Следственного комитета РФ по ... области 23 марта 2020 года за № ..., а постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по этому заявлению вынесено 22 апреля 2020 года.

Несмотря на то, что в заявлении П. и Г. ставился вопрос о привлечении к уголовной ответственности следователя В., в том числе в части его внепроцессуального общения с адвокатами С. и И., данное заявления одновременно является обвинением в адрес адвокатов С. и И. в совершении ими противоправных действий. При таких обстоятельствах, поскольку фактически был поставлен вопрос о возможности уголовного преследования и адвокатов С. и И., Совет полагает необходимым применить положения п. 4 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката, допускающие возможность для адвоката без согласия доверителя использовать сообщенные ему доверителем сведения в объеме, который адвокат считает разумно необходимым для обоснования своей позиции или для своей защиты. Кроме того, в постановлении следователя Пу. от 22 апреля 2020 года об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении В. не приведено конкретное содержание объяснений адвокатов С. и И., которые они дали в ходе доследственной проверки.

Совет также обращает внимание, что каких-либо доказательств или указаний на конкретные факты в подтверждение довода об оказании адвокатами С. и И. некачественной юридической помощи Г. заявителем также не представлено.

Давая оценку тому обстоятельству, что в постановлении ... областного суда от 19 марта 2020 года и в постановлении следователя от 22 апреля 2020 года об отказе в возбуждении уголовного дела указано на отсутствие в

действиях адвокатов С. и И. нарушений требований профессиональной этики, Совет подчёркивает, что исключительной компетенцией по оценке профессионального поведения адвокатов на предмет его соответствия требованиям профессиональной этики наделены законом только органы адвокатского самоуправления. При этом такая оценка может даваться лишь в процедуре дисциплинарного производства.

Определяя в соответствии с требованием пункта 4 статьи 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвокатов С. и И. за совершённые ими дисциплинарные нарушения, Совет учитывает их умышленный и грубый характер, свидетельствующий о явном пренебрежении адвокатами требованиями профессиональной этики. Вместе с тем, Совет принимает во внимание и то, что наиболее тяжкие нарушения совершены адвокатами в условиях острого конфликта с заявителем Г., выдвинувшего в их отношении обвинения, граничащие с обвинением в преступлении. Совет также учитывает отсутствие у адвокатов ранее наложенных дисциплинарных взысканий. При таких обстоятельствах Совет считает возможным сохранить адвокатам С. и И. возможность пересмотреть и скорректировать свое профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества, и полагает необходимым применить к каждому из них меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени соответствующую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Совет также полагает необходимым внести уточнение в реквизиты жалобы Г., указанные в Заключение Квалификационной комиссии. Поскольку жалоба Г. от 13.04.2020, поступившая в Адвокату палату города Москвы 24.04.2020 (вх. № ... от 24.04.2020), не содержала его подписи, Совет полагает правильным указать реквизиты дополнения к жалобе, поступившего в Адвокатскую палату города Москвы 06.05.2020 (вх. № ... от 06.05.2020), в котором Г. подтвердил свое авторство и содержание жалобы от 13.04.2020 и скрепил ее своей подписью.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального Закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 18, пп. 2 п. 6 ст. 18, пп. 1, 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

1. Применить к адвокату С. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы), меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за:

- нарушение взаимосвязанных положений пп. 1, 4 п. 1 ст. 7 и ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», выразившееся во включение в Соглашение об оказании юридической помощи от 19 августа 2019 года № ... пункта 5.3, в соответствии с которым при отмене поручения непосредственно после его заключения (в течение одного рабочего дня) при условии, что Адвокат не

начал его выполнять, Доверитель оплачивает Адвокату 3/4 размера вознаграждения, предусмотренного п. 3.1, а если отмена поручения происходит после выполнения Адвокатом действий, направленных на выполнение поручения, предусмотренного п. 1.1 настоящего Соглашения, гонорар не возвращается, а также в передаче доверителю Га. экземпляра указанного Соглашения без подписи адвоката С.;

- неисполнение, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, своих профессиональных обязанностей перед доверителем Г., что выразилось в непринятии адвокатом С. участия в качестве защитника обвиняемого Г. в проведении ... областным судом 29 и 30 октября 2019 года предварительного слушания по уголовному № ...;

- неисполнение, вопреки взаимосвязанным предписаниям пп. 3 п. 4 ст. 6, пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п. 2 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, своих профессиональных обязанностей перед доверителем Г., что выразилось в занятии им 19 марта 2019 года в судебном заседании ... областного суда по уголовному делу в отношении Г. и других позиции по вопросу о приобщения к материалам уголовного дела представленного Г. DVD-RW диска, проведения исследования содержащейся на нем информации и назначения фоноскопической экспертизы, противоположной позиции доверителя Г.;

- нарушение п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, что выразилось во внепроцессуальном общении с представителем стороны обвинения по уголовному делу – следователем В. в ходе рассмотрения ... областным судом уголовного дела в отношении Г. и других.

2. Применить к адвокату И. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы), меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за:

- неисполнение, вопреки взаимосвязанным положениям пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката и Разъяснений Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката, принятых на заседании Совета Адвокатской палаты города Москвы 29 сентября 2014 года, профессиональных обязанностей перед доверителем Г., выразившееся в невыдаче доверителю Г. второго экземпляра Соглашения об оказании юридической помощи б/н от 12 ноября 2019 года;

- неисполнение, вопреки взаимосвязанным предписаниям пп. 3 п. 4 ст. 6, пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п. 2 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, своих профессиональных обязанностей перед доверителем Г., что выразилось в занятии им 19 марта 2019 года в

судебном заседании ... областного суда по уголовному делу в отношении Г. и других позиции по вопросу приобщения к материалам уголовного дела представленного Г. DVD-RW диска, проведения исследования содержащейся на нем информации и назначения фоноскопической экспертизы, противоположной позиции доверителя Г.;

- нарушение п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, что выразилось во внепроцессуальном общении с представителем стороны обвинения по уголовному делу – следователем В. в ходе рассмотрения ... областным судом уголовного дела в отношении Г. и других.

3. Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката С. и адвоката И. по жалобе Г. от 13 апреля 2020 года (вх. № ... от 06.05.2020) и по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве исх. № ... от 21 мая 2020 года (вх. № ... от 27.05.2020), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвокатов нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

4. Совет объявил предупреждение адвокату, самоустранившемуся от оказания юридической помощи доверителю и перепоручившему её оказание другому адвокату.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 21 октября 2020 года адвокатом Г. допущено неисполнение, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», профессиональных обязанностей перед доверителем Р., выразившееся в том, что он, заключив с ним 01 ноября 2017 года Договор об оказании юридической помощи на представление интересов Р. в судах по гражданскому делу по иску о взыскании с брокерской компании денежных средств в размере (сумма 1), с 01 ноября 2017 года и по 21 октября 2020 года полностью самоустранился от оказания ему квалифицированной юридической помощи, перепоручив защиту интересов доверителя Р. адвокату Ра., действиями которой по оказанию доверителю Р. юридической помощи не интересовался на протяжении более двух лет и не располагает достоверной информацией о том, был ли предъявлен в суд иск в защиту нарушенных прав и законных интересов доверителя Р.

В оставшейся части дисциплинарное производство признано Квалификационной комиссией подлежащим прекращению вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.

Рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства и Заключение Квалификационной комиссии, Совет соглашается с её выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

Так, Квалификационной комиссией установлено, что 01 ноября 2017 года заявитель Р. заключил с адвокатом Г. Договор на оказание юридической помощи, согласно условиям которого адвокат Г. обязался представлять интересы Р. в судах по взысканию с брокерской компании денежных средств в размере (сумма 1) (п. 1 Договора).

Пунктом 3.1 указанного Договора определено, что исполнитель приступает к исполнению поручения после внесения предоплаты в размере (сумма 2), которая является частью вознаграждения адвоката Г., определенного в п. 3 Договора в размере 50% от взыскиваемой суммы, превышающей (сумма 1).

Адвокат Г. в своих письменных объяснениях от 12 августа 2020 года не отрицал факт заключения 01 ноября 2017 года с Р. договора на оказание юридической помощи.

Из жалобы заявителя Р. следует и в ходе дисциплинарного производства адвокатом Г. не отрицалось, что доверитель Р. исполнил свое обязательство по оплате адвокату Г. вознаграждения в размере (сумма 2), а адвокат Г. на момент обращения доверителя Р. с жалобой в Адвокатскую палату города Москвы 16 июля 2020 года так и не приступил и не собирался приступить к исполнению принятого им на себя обязательства по представлению интересов Р. в судах по взысканию с брокерской компании денежных средств, перепоручив оказание юридической помощи адвокату Ра.

В своих письменных объяснениях адвокат Г. указывает, что полученные от доверителя Р. при заключении Договора на оказание юридических услуг от 01 ноября 2017 года денежные средства в сумме (сумма 2) были внесены им в кассу адвокатского образования 06 августа 2020 года, то есть спустя два года и девять месяцев после их получения от доверителя Р., и только после того, как в Адвокатскую палату города Москвы 16 июля 2020 года поступила жалоба Р. В этот же день 06 августа 2020 года в адвокатском образовании была произведена регистрация Договора на оказание юридической помощи от 01 ноября 2017 года.

Вместе с тем, поскольку заявителем Р. в данной части дисциплинарные обвинения в адрес адвоката Г. не выдвигаются, Совет, как и Квалификационная комиссия, считает необходимым, не давая оценки этим фактам, обратить внимание адвоката Г. на необходимость неукоснительного соблюдения требований, установленных п. 15 ст. 22 и п. 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», предусматривающих, что соглашение об оказании юридической помощи заключается адвокатом и регистрируется в документах коллегии адвокатов, а вознаграждение, выплачиваемое адвокату доверителем, подлежит обязательному внесению в кассу адвокатского образования либо перечислению на расчетный счет адвокатского образования в порядке и сроки, которые предусмотрены соглашением.

Адвокат при осуществлении профессиональной деятельности обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально,

своевременно, активно отстаивать и защищать права, свободы и законные интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, законом и Кодексом профессиональной этики адвоката (пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката), что предполагает личное участие адвоката в процессе оказания юридической помощи доверителю.

В Заключении Квалификационной комиссии приведены достаточные обоснования выводов о допущенном адвокатом Г. нарушении, выразившемся в том, что он никаких действий по исполнению принятых им на себя обязательств перед доверителем Р. по Договору на оказание юридической помощи с 01 ноября 2017 года (дата заключения Договора) и по 21 октября 2020 года (дата рассмотрения Квалификационной комиссией дисциплинарного производства) не произвел и производить не собирался, поскольку сразу же после заключения Договора полностью перепоручил представление интересов Р. в суде по иску о взыскании денежных средств с брокерской компании адвокату Ра., действиями которой по оказанию доверителю Р. юридической помощи не интересовался на протяжении более двух лет. В связи с этим адвокат Г. не располагает достоверной информацией о том, был ли предъявлен в суд иск в защиту нарушенных прав и законных интересов доверителя Р.

При таких обстоятельствах Совет соглашается с выводом Квалификационной комиссии о неисполнении адвокатом Г. своих профессиональных обязанностей перед доверителем Р., начиная с 01 ноября 2017 года и по 21 октября 2020 года. Совет признаёт презумпцию добросовестности адвоката Г. опровергнутой, а его вину в совершении данного дисциплинарного проступка доказанной.

Рассматривая доводы жалобы заявителя Р. о том, что адвокат Г. не расторгает с ним Договор на оказание юридической помощи от 01 ноября 2017 года и не возвращает денежные средства в размере (сумма 2), Совет обращает внимание на отсутствие соответствующих полномочий у органов адвокатского самоуправления.

В соответствии с п. 1 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката предметом рассмотрения в дисциплинарном производстве может быть «поступок адвоката, который порочит его честь и достоинство, умаляет авторитет адвокатуры, неисполнение или ненадлежащее исполнение адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем, а также неисполнение решений органов адвокатской палаты».

Таким образом, компетенция органов адвокатского самоуправления строго ограничена и не может быть расширена за счёт рассмотрения других вопросов, отнесённых к компетенции государственных органов или должностных лиц. В случае возникновения разногласий относительно размера

гонорара, его возврата, все спорные вопросы между адвокатом и доверителем разрешаются путём переговоров или в суде в гражданско-правовом порядке.

Избирая, в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, меру дисциплинарной ответственности адвокату Г. за допущенное нарушение, Совет учитывает его умышленный и злостный характер. Вместе с тем, Совет принимает во внимание, что адвокат Г. ранее к дисциплинарной ответственности не привлекался, существенного вреда для интересов доверителя не наступило. При таких обстоятельствах Совет полагает необходимым применить к адвокату меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального Закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 6 ст. 18, пп. 1, 8 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил применить к адвокату Г. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за неисполнение, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», профессиональных обязанностей перед доверителем Р., выразившееся в том, что он, заключив с Р. 01 ноября 2017 года Договор об оказании юридической помощи на представление его интересов в судах по гражданскому делу по иску о взыскании с брокерской компании денежных средств в размере (сумма 1), с 01 ноября 2017 года и по 21 октября 2020 года полностью самоустранился от оказания ему квалифицированной юридической помощи, перепоручив защиту интересов доверителя Р. адвокату Ра., действиями которой по оказанию доверителю Р. юридической помощи не интересовался на протяжении более двух лет и не располагает достоверной информацией о том, был ли предъявлен в суд иск в защиту нарушенных прав и законных интересов доверителя Р.

Прекратить дисциплинарное производство в части претензии Р. к адвокату Г. о возврате (сумма 2) неотработанного вознаграждения, вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства в этой части.

5. Совет прекратил статус адвоката за явку на допрос и дачу показаний в качестве свидетеля об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с обращением к нему за юридической помощью.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 15.07.2020 адвокат М. совершил нарушения:

- части 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката (адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства) во взаимосвязи с п. 2 и п. 3 ч. 3 ст. 56 УПК РФ и п. 2 ст. 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», выразившееся в его явке 26 марта 2020 года на

допрос к следователю в качестве свидетеля по уголовному делу № ..., находящемуся в производстве Главного управления по расследованию особо важных дел Следственного комитета Российской Федерации, и даче показаний об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с обращением к нему за юридической помощью обвиняемого Х.;

- пунктов 2 и 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся в оформлении им ордера от 10 марта 2019 года с предметом поручения «представлять интересы на предварительном следствии в СК РФ Х.» и в посещении 11 марта 2019 года Х. в ФКУ СИЗО-... УФСИН России по городу Москве без цели оказания обвиняемому Х. юридической помощи.

Представители заявителя Х. адвокаты С. и Ч., участвовавшие в заседании Совета посредством видео-конференц-связи пояснили, что Заключение Квалификационной комиссии получили своевременно, ознакомились с ним, с выводами Комиссии полностью согласны. В случае согласия Совета с выводами, изложенными в Заключении Комиссии, определение меры дисциплинарной ответственности адвоката М. оставили на усмотрение Совета.

Адвокат М. и его представитель адвокат К., также участвовавшие в заседании Совета посредством видео-конференц-связи, подтвердили своевременность получения ими Заключения Квалификационной комиссии, ознакомление с ним, высказали свое несогласие с выводами, изложенными в указанном Заключении, указав, что, по их мнению, оценка Квалификационной комиссии действий М. как адвоката Х. является ошибочной, так как М. не являлся адвокатом Х. и, следовательно, запрета, предусмотренного пунктами 2 и 3 части 3 ст. 56 УПК РФ, нарушить не мог. Кроме этого, ими было отмечено, что, по их мнению, Квалификационная комиссия в нарушение пункта 4 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката изменила основания жалобы Х., построив дисциплинарные обвинения на ошибочном толковании обстоятельств о днях встреч адвоката М. с Х. в ноябре 2018 года и марте 2019 года. Одновременно с этим адвокат М. просил учесть, что впервые оказался в подобной ситуации, не исключает ошибочности каких-то своих действий, сожалеет, что не использовал возможность до явки на допрос и дачи показаний в качестве свидетеля по уголовному делу № ... обратиться за советом в Адвокатскую палату города Москвы.

Рассмотрев и обсудив Заключение Квалификационной комиссии от 15.07.2020 и материалы дисциплинарного производства, выслушав его участников, Совет соглашается с выводами Квалификационной комиссии об установленных ею фактических обстоятельствах в связи с их законностью, обоснованностью и мотивированностью.

Вместе с тем, Совет считает необходимым частично изменить правовую оценку, содержащуюся в Заключении Квалификационной комиссии.

Кроме того, Совет расценивает дату 26 марта 2020 года, указанную в резолютивной части Заключения Квалификационной комиссии как день явки адвоката М. для допроса и дачи им показаний, как техническую ошибку

(опечатку), так как в действительности датой допроса адвоката М. в качестве свидетеля по уголовному делу № ..., согласно протоколу его допроса, копия которого имеется в материалах дисциплинарного производства, является 26 марта 2019 года. В описательно-мотивировочной части Заключения Квалификационной комиссии также указана дата допроса 26 марта 2019 года, которую никто из участников дисциплинарного производства не оспаривает. Помимо этого, жалоба Х. от 27 февраля 2020 года поступила в Адвокатскую палату города Москвы 16 марта 2020 года (входящий № ...), что само по себе исключает возможность указания на 26 марта 2020 года как на дату совершения адвокатом М. дисциплинарного нарушения. Учитывая изложенное, Совет приходит к выводу о том, что дату 26 марта 2020 года, указанную в резолютивной части Заключения Квалификационной комиссии, следует читать как 26 марта 2019 года.

Совет признаёт, что Квалификационной комиссией на основании достаточной совокупности достоверных доказательств, позволяющей считать презумпцию добросовестности адвоката опровергнутой, а его вину доказанной, установлены факты явки 26 марта 2019 года адвоката М. на допрос к следователю в качестве свидетеля по уголовному делу № ..., находящемуся в производстве Главного управления по расследованию особо важных дел Следственного комитета Российской Федерации, и даче показаний об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с обращением к нему за юридической помощью обвиняемого Х.

Совет также признаёт правильно установленными Квалификационной комиссией фактические обстоятельства, касающиеся оформления адвокатом М. ордера от 10 марта 2019 года с предметом поручения «представлять интересы на предварительном следствии в СК РФ Х.» и посещения 11 марта 2019 года Х. в ФКУ СИЗО-... УФСИН России по городу Москве на основании этого ордера.

Совет отмечает, что, вопреки утверждениям адвоката М. и его представителя адвоката К., разбирательство в Квалификационной комиссии осуществлялось в пределах тех требований и по тем обстоятельствам, которые изложены в жалобе Х., а также с учётом объяснений самого адвоката М. и других материалов дисциплинарного производства. Выхода за пределы дисциплинарного разбирательства Квалификационной комиссией не допущено, поскольку существо выдвинутого Х. дисциплинарного обвинения заключается в явке адвоката М. на допрос и даче им показаний в качестве свидетеля об обстоятельствах, ставших ему известными в результате конфиденциального общения с заявителем Х., без согласования с последним. При этом факт и содержание этого общения, равно как и свидетельских показаний адвоката М., материалами дисциплинарного производства достоверно установлены и не отрицаются самим адвокатом М. То обстоятельство, что заявитель Х. в своей жалобе не указывает на первоначальную встречу с адвокатом М. в ФКУ СИЗО-... УФСИН России по городу Москве в ноябре 2018 года, факт которой также установлен

материалами дисциплинарного производства и подтверждается самим адвокатом М., не влияет на существо дисциплинарного обвинения и не означает выхода за его пределы.

Как было достоверно установлено Квалификационной комиссией, поводом для вызова адвоката М. 26 марта 2019 года на допрос в качестве свидетеля, произведённый следователем следственной группы Главного управления по расследованию особо важных дел Следственного комитета Российской Федерации А. по уголовному делу № ... по обвинению Х., явился разговор адвоката М. со следователем К., состоявшийся 23 ноября 2018 года, содержание которого было зафиксировано правоохранительными органами в рамках проводившихся оперативно-розыскных мероприятий.

Квалификационной комиссией установлен, и адвокатом М. не отрицается, тот факт, что в указанном разговоре между ним и следователем К. обсуждались результаты встречи адвоката М. с заявителем жалобы Х. в помещении ФКУ СИЗО-... УФСИН России по городу Москве в ноябре 2018 года, в ходе которой Х., будучи ранее знаком с адвокатом М. и в силу этого достоверно зная, что перед ним именно адвокат, сообщил ему существенные сведения, связанные с позицией по уголовному делу, по которому он (Х.) привлечен в качестве обвиняемого, а также высказал заинтересованность в изменении ему меры пресечения на более мягкую. Со своей стороны, адвокат М., выступая в именно в этом качестве, предложил Х. заключить с ним соглашение о представлении его интересов на предварительном следствии, а также дал ряд подробных консультаций, касающихся возможной позиции по делу, тактики, стратегии и способов защиты, выстраивания взаимоотношений со следственным органом, способов решения задачи по изменению Х. меры пресечения с содержания под стражей на домашний арест. Х., в свою очередь, по результатам полученной им от адвоката М. консультации, обещал подумать над его предложением о заключении с ним Соглашения.

Квалификационной комиссией, путём сопоставления содержания стенограммы оперативной аудиозаписи разговора, состоявшегося 23 ноября 2018 года между следователем К. и адвокатом М., с содержанием протокола допроса адвоката М. в качестве свидетеля от 26 марта 2019 года, достоверно установлено, что адвокат М. допрашивался в качестве свидетеля именно по обстоятельствам, обсуждавшимся им в указанной беседе со следователем К.

Принимая во внимание приведённые выше обстоятельства, Комиссией сделан обоснованный вывод, с которым Совет соглашается, о том, что первая встреча адвоката М. и Х. в помещении ФКУ СИЗО-... УФСИН России по городу Москве состоялась именно в ноябре 2018 года, что следует и из пояснений адвоката М. в настоящем дисциплинарном производстве.

Как указано выше и признано установленным Квалификационной комиссией, в ходе этой встречи адвокат М. и заявитель Х. обсуждали вопрос о возможном заключении между ними соглашения на защиту Х. на предварительном следствии. Кроме того, согласно пояснениям самого адвоката М., им в ходе встречи давались заявителю Х. юридические

консультации и рекомендации, которые, по мнению адвоката М., могли бы улучшить положение Х., привлеченного в качестве обвиняемого по уголовному делу и заключенного под стражу.

Совет также соглашается с выводом Комиссии о том, что еще до встречи в ноябре 2018 года в помещении ФКУ СИЗО-... УФСИН России по городу Москве заявитель Х. был знаком с адвокатом М. и достоверно знал о наличии у М. статуса адвоката, так как последний осуществлял защиту обвиняемого Ка. по уголовному делу, находившемуся в производстве следователя Х. Поэтому, общаясь с адвокатом М. об обстоятельствах своего уголовного дела, обвиняемый Х. воспринимал его именно как адвоката и в силу этого вправе был рассчитывать на соблюдение последним обязанности по сохранению в тайне всей сообщенной ему информации.

При таких обстоятельствах Совет признаёт установленным, что между адвокатом М. и Х. возникли и установились отношения адвоката и лица, обратившегося к адвокату за юридической помощью. Следовательно, адвокат М. был обязан исполнить обязанность по сохранению в тайне всей сообщенной ему Х. информации, а также о факте и содержании их общения.

Однако эта обязанность адвокатом М. не исполнена. Более того, содержание показаний, которые он дал 26 марта 2019 в качестве свидетеля по уголовному делу № ... по обвинению Х., об имевшем место факте обращения к нему Х. и состоявшемся между ними обсуждении возможности оказания последнему юридической помощи, а также о сведениях, полученных от Х. в ходе данного обсуждения, свидетельствует о заведомых для адвоката М. действиях против интересов Х. При этом материалами дисциплинарного производства установлено, и адвокатом М. не отрицается, что он не обсуждал и не согласовывал с Х. (в том числе, при встрече с ним в ФКУ СИЗО-... УФСИН России по городу Москве 11 марта 2019 года, а также в дальнейшем) ни вопрос о своей явке для допроса в качестве свидетеля по делу Х., ни содержание своих показаний.

В этой связи Совет отмечает, что согласно п. 1 ст. 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» любые сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи своему доверителю, являются адвокатской тайной.

Пункт 2 ст. 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» устанавливает, что адвокат не может быть вызван и допрошен в качестве свидетеля об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с обращением к нему за юридической помощью или в связи с ее оказанием.

Согласно п. 5 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката правила сохранения профессиональной тайны распространяются на: факт обращения к адвокату, включая имена и названия доверителей; все доказательства и документы, собранные адвокатом в ходе подготовки к делу; сведения, полученные адвокатом от доверителей; информацию о доверителе, ставшую известной адвокату в процессе оказания юридической помощи; содержание

правовых советов, данных непосредственно доверителю или ему предназначенных; все адвокатское производство по делу; условия соглашения об оказании юридической помощи, включая денежные расчеты между адвокатом и доверителем; любые другие сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи.

В соответствии с п. 6 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат не вправе давать свидетельские показания об обстоятельствах, которые стали ему известны в связи с исполнением профессиональных обязанностей.

В силу пп. 5 п. 4 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокат не вправе разглашать сведения, сообщенные ему доверителем в связи с оказанием последнему юридической помощи, без согласия доверителя.

Согласно п. 3 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат не может быть освобожден от обязанности хранить профессиональную тайну никем, кроме доверителя. Согласие доверителя на прекращение действия адвокатской тайны должно быть выражено в письменной форме в присутствии адвоката в условиях, исключающих воздействие на доверителя со стороны адвоката и третьих лиц.

Срок хранения тайны не ограничен во времени (п. 2 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката).

В соответствии с п. 4 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката допускается использование адвокатом сообщенных ему доверителем сведений без согласия последнего в объеме, который адвокат считает разумно необходимым для своей защиты по возбужденному против него дисциплинарному производству или уголовному делу. Совет признаёт установленным, что таких обстоятельств у адвоката М. на момент его допроса 26 марта 2019 года не имелось.

Согласно ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, участвуя в судопроизводстве, а также представляя интересы доверителя в органах государственной власти и органах местного самоуправления, адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства.

Согласно п. 2 ч. 3 ст. 56 УПК РФ не подлежит допросу в качестве свидетеля адвокат, защитник подозреваемого, обвиняемого – об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с обращением к нему за юридической помощью или в связи с ее оказанием, за исключением случаев, если о допросе в качестве свидетеля ходатайствует адвокат с согласия лица, которому он оказывал юридическую помощь.

Согласно п. 3 ч. 3 ст. 56 УПК РФ не подлежит допросу в качестве свидетеля адвокат – об обстоятельствах, которые стали ему известны в связи с оказанием юридической помощи, за исключением случаев, если о допросе в качестве свидетеля ходатайствует адвокат с согласия лица, которому он оказывал юридическую помощь.

Поскольку между заявителем Х. и адвокатом М. во время встречи в помещении ФКУ СИЗО-... УФСИН России по городу Москве в ноябре 2018 года, обсуждались вопросы, касающиеся возможного вступления адвоката М. в уголовное дело в качестве защитника Х. с заключением соответствующего соглашения, а также подробно обсуждались конкретные обстоятельства уголовного дела и возможная защитительная позиция Х. по делу, вопросы тактики, стратегии и способов взаимоотношений со следственным органом, в том числе и с целью изменения Х. меры пресечения с содержания под стражей на домашний арест (а согласно позиции самого адвоката М., обвиняемый Х. якобы даже сообщил ему сведения о своей причастности к совершенному преступлению, о чём адвокат М. также дал показания на допросе), то при таких обстоятельствах Совет признаёт обоснованным сделанный Квалификационной комиссией в Заключении вывод о том, что приведенные выше правовые положения, включая требования п. 2 и п. 3 ч. 3 ст. 56 УПК РФ, в полной мере распространяются на адвоката М.

Однако и эти, и все другие приведённые выше обязательные требования о сохранении адвокатской тайны адвокатом М. были проигнорированы и нарушены.

С учетом изложенного Совет признаёт опровергнутой презумпцию добросовестности адвоката М. и доказанной его вину в нарушении требований п. 2 и п. 3 ч. 3 ст. 56 УПК РФ, п. 2 ст. 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившемся в том, что адвокат М., в отсутствие соответствующего ходатайства адвоката-защитника обвиняемого Х. и согласия самого обвиняемого, явился 26 марта 2019 года по вызову следователя для допроса в качестве свидетеля и дал показания, сообщив об имевшем место факте обращения к нему за оказанием юридической помощи со стороны Х. и о сведениях, полученных от последнего в ходе данной беседы. При этом адвокат М. заведомо для него действовал не в интересах обвиняемого Х., а вопреки им.

Квалификационной комиссией также достоверно установлен факт посещения 11 марта 2019 года адвокатом М. заявителя Х. в ФКУ СИЗО-... УФСИН России по городу Москве. В целях прохода в СИЗО и получения свидания адвокат М. предъявил ордер от 10 марта 2019 года, в соответствии с которым ему поручается с 10 марта 2019 года «представлять интересы Х. на предварительном следствии в СК РФ».

Согласно пояснениям адвоката М., 11 марта 2019 года он посетил Х. в ФКУ СИЗО-... УФСИН России по городу Москве, исполняя поручение К. по заключённому между ними Соглашению на оказание юридической помощи от 10 марта 2019 года № 8, предметом которого является дача Х. юридической консультации «по условиям содержания в СИЗО-... г. Москвы». Копия этого соглашения представлена адвокатом М. в материалы дисциплинарного производства.

Совет соглашается с критической оценкой Квалификационной комиссией объяснений адвоката М. и его представителя – адвоката К. относительно указанной цели посещения Х. в следственном изоляторе 11 марта 2019 года, поскольку мера пресечения в виде заключения под стражу была избрана в отношении Х. еще 29 сентября 2018 года, и к тому моменту, когда адвокат М. якобы собрался консультировать Х. об условиях содержания в ФКУ СИЗО-... УФСИН России по городу Москве, последний уже содержался там почти шесть месяцев. При этом об обстоятельствах задержания Х. адвокату М. было известно, так как он являлся защитником Ка. по уголовному делу, которое расследовал Х., а также, как указано выше, встречался и общался с Х. в следственном изоляторе еще в ноябре 2018 года. Кроме того, Х., являясь следователем Следственного департамента МВД РФ, и до своего ареста был вполне осведомлен об условиях содержания обвиняемых в СИЗО и в консультациях адвоката М. по этому вопросу явно не нуждался.

Учитывая, что адвокат М. ранее обсуждал как с Х., так и с К. возможность своего вступления в уголовное дело по обвинению Х. в качестве его защитника, и Х. обещал ему подумать над этим предложением, Совет приходит к выводу о том, что у адвоката М. имелись основания для посещения Х. в целях получения согласия на осуществление его защиты (ч. 4.1. ст. 49 УПК РФ) и, соответственно, такое свидание он мог получить на основании удостоверения и ордера. Кроме того, поскольку адвокат М. осуществлял защиту Ка., у родственников которого пропала значительная сумма денег, изъятая в ходе расследования уголовного дела, находившегося в производстве следователя Х., а также учитывая приятельские отношения адвоката М. с К., который, согласно имеющейся в материалах дисциплинарного производства стенограмме их разговора, интересовался защитительной позицией Х., Совет, как и Квалификационная комиссия, не исключает, что, посещая Х. в следственном изоляторе, адвокат М. мог также преследовать цель оказания содействия перечисленным лицам в удовлетворении их интересов во взаимосвязи с интересами Х. Однако это обстоятельство не влияет на вывод о наличии у адвоката М. оснований для посещения Х. в целях получения согласия на осуществление его защиты.

При таких обстоятельствах Совет считает избыточной квалификацию действий адвоката М., выразившихся в оформлении им ордера от 10 марта 2019 года с предметом поручения «представлять интересы на предварительном следствии в СК РФ Х.» и в посещении 11 марта 2019 года Х. в ФКУ СИЗО-... УФСИН России по городу Москве, как совершённых без цели оказания обвиняемому Х. юридической помощи и, тем самым, нарушающих требования п.п. 2 и 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката. Совет приходит к выводу о прекращении в указанной части дисциплинарного производства, вопреки Заклчению Квалификационной комиссии, по основанию, предусмотренному пп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Адвокат при осуществлении профессиональной деятельности обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально, своевременно, активно отстаивать и защищать права, свободы и законные интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, законом и Кодексом профессиональной этики адвоката. Адвокат обязан соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката (пп. 1 и 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката).

За неисполнение либо ненадлежащее исполнение своих обязанностей адвокат несет ответственность, предусмотренную Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (п. 2 ст. 7 названного Закона).

Определяя в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвоката М. за совершенное дисциплинарное нарушение, Совет принимает во внимание следующие важные обстоятельства.

Адвокатом М. проявлено умышленное, злостное, грубое и нарочитое игнорирование основополагающих требований УПК РФ, Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодекса профессиональной этики адвоката. Его действиями причинён существенный вред законным интересам заявителя Х. Кроме того, эти действия адвоката М. направлены к подрыву доверия как к нему самому, так и к институту независимой адвокатуры, существование и деятельность которого являются гарантией реализации конституционного права граждан, в том числе обвиняемых в уголовном судопроизводстве, на получение квалифицированной юридической помощи (ст. 48 Конституции РФ, постановление Конституционного Суда РФ от 28 января 1997 г. № 2-П).

Правовые гарантии независимости адвоката и адвокатуры обеспечивают самостоятельность адвоката и невмешательство в его профессиональную деятельность. Законодатель максимально гарантировал свободу адвоката в общении с доверителем и в представительстве интересов последнего перед государственными и иными органами и третьими лицами. Зная об этих положениях федерального законодательства, граждане доверяют адвокатам. Адвокат, будучи независимым советником по правовым вопросам и профессиональным юристом, обязан соблюдать требования закона и не вправе использовать средства защиты, противоречащие закону, а также действовать вопреки интересам лиц, обратившихся к ним за юридической помощью. Эти требования адвокатом М. также грубо проигнорированы.

В соответствии с преамбулой Кодекса профессиональной этики адвоката «Существование и деятельность адвокатского сообщества невозможны без ...заботы адвокатов о своих чести и достоинстве, а также об авторитете адвокатуры».

В соответствии с п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат должен избегать действий, направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре.

Действия адвоката М., связанные с его явкой 26 марта 2019 года на допрос к следователю в качестве свидетеля по уголовному делу № ... и дачей показаний об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с обращением к нему за юридической помощью обвиняемого Х., совершённые без согласия Х., представляют собой умышленное злоупотребление доверием и свидетельствуют о злостном пренебрежении адвокатом М. адвокатской тайной и обязанностями адвоката по её сохранению. Данные действия адвоката М., являющиеся по существу предательством интересов Х., умышленно совершены им против интересов последнего.

Таким образом, совершение адвокатом М. указанных действий порочит не только его честь и достоинство, но и подрывает авторитет адвокатуры в целом в глазах представителей как гражданского общества, так и профессионального сообщества, так как *«достоинство адвоката, есть достоинство всего сословия»* (Ф.Э. Молло).

При таких обстоятельствах Совет признает профессиональное поведение адвоката М. несовместимым с нахождением в составе адвокатского сообщества и приходит к выводу о необходимости применения к нему меры дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката.

Совет считает, что более мягкая мера дисциплинарной ответственности не только не отвечала бы требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката, но и давала бы основание полагать, что адвокатское сообщество считает подобное профессиональное поведение адвоката допустимым.

Определяя в соответствии с пунктом 7 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката срок, по истечении которого М. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена, Совет, учитывая особую тяжесть нарушения и все его негативные последствия, указанные выше, считает необходимым установить его в виде 5 (пяти) лет.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 ФЗ "Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации", пп. 3 п. 6, п. 7 ст. 18 и пп. 1 и 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты г. Москвы решил применить к адвокату М. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката за нарушение требований части 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката (адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства) во взаимосвязи с п. 2 и п. 3 ч. 3 ст. 56 УПК РФ и п. 2 ст. 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», выразившееся в явке 26 марта 2019 года на допрос к следователю в качестве свидетеля по уголовному делу № ...,

находящемуся в производстве Главного управления по расследованию особо важных дел Следственного комитета Российской Федерации, и даче показаний об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с обращением к нему за юридической помощью обвиняемого Х.

Установить в отношении М. срок, по истечении которого он может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена, в 5 (пять) лет.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката М. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) по жалобе Х. от 27 февраля 2020 года (вх. № ... от 16.03.2020), в связи с отсутствием в иных действиях адвоката нарушений законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

2021 год

6. Совет прекратил дисциплинарное производство в отношении трёх адвокатов, признав необоснованными дисциплинарные обвинения в действиях в условиях конфликта интересов по одному уголовному делу.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 18 ноября 2020 года дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвокатов А., Г., С. по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 12 августа 2020 года № ... (вх. № ... от 17.08.2020, далее Представление), подлежит прекращению вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвокатов нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Рассмотрев и обсудив Заключение Квалификационной комиссии и материалы дисциплинарного производства, Совет соглашается с выводами Квалификационной комиссии, поскольку они основаны на правильно и полностью установленных фактических обстоятельствах. Приходя к такому выводу, Совет исходит из следующего.

Согласно Представлению, «В Главное управление Министерства юстиции Российской Федерации по Москве из Главного управления по расследованию особо важных дел Следственного комитета Российской Федерации поступили обращения старшего следователя по особо важным делам при Председателе Следственного комитета Российской Федерации Б. о нарушении адвокатами С., Г. и А. требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, Кодекса профессиональной этики адвоката, принятого первым Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003 (далее – Кодекс). Из обращений усматривается, что в Главном управлении по расследованию особо важных дел Следственного комитета Российской Федерации осуществляется расследование уголовного дела в отношении группы лиц, причастных к совершению на территории Х. края и А. области

ряда особо тяжких преступлений против жизни и здоровья граждан. В ходе предварительного следствия 09.07.2020 в порядке статьи 91 УПК РФ задержан Ф., для обеспечения защиты которого допущены адвокаты С. на основании ордера № ... от 09.07.2020, Г. на основании ордера № ... от 09.07.2020. При производстве расследования по данному уголовному делу установлено, что согласно ордеру № ... от 16.12.2019, предоставленному в Московский городской суд, адвокатом С. заключено соглашение на защиту М., в связи с этим он был ознакомлен с материалами, предоставленными в суд в обоснование ходатайства о продлении срока содержания под стражей обвиняемого М., интересы которого находятся в существенном противоречии с интересами защищаемого им обвиняемого Ф. Согласно ордеру № ... от 23.11.2019, предоставленному органу предварительного расследования, адвокатом Г. заключено соглашение на защиту М. Интересы последнего противоречат интересам защищаемого ей обвиняемого Ф.

Согласно подпункту 2 пункта 4 статьи 6 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее – Закон об адвокатуре) адвокат не вправе принимать от лица, обратившегося к нему за оказанием юридической помощи, поручение в случае, если он оказывает юридическую помощь доверителю, интересы которого противоречат интересам данного лица.

В связи с выявленными фактами нарушения законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре 21.07.2020 вынесены постановления об отводе от участия в уголовном деле адвокатов С. и Г. как защитников Ф.».

В описанных действиях адвокатов С. и Г. Главное управление Министерства юстиции Российской Федерации по Москве усматривает нарушение пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, пп. 10 п. 1 ст. 9, пп. 10 п. 1 ст. 9, п. 1 ст. 11 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Также в Представлении указывается, что «20.11.2019 в рамках указанного уголовного дела между свидетелем П. и подозреваемым М. проведена очная ставка с участием адвоката А., представившего ордер № ... от 19.11.2019, выданный Адвокатским кабинетом «...» на защиту М. Однако в ходе предварительного расследования выявлены обстоятельства, свидетельствующие о том, что 17.05.2005 А. был допрошен в качестве свидетеля по тому же уголовному делу.

В соответствии с подпунктом 2 пункта 4 статьи 6 Закона об адвокатуре адвокат не вправе принимать от лица, обратившегося к нему за оказанием юридической помощи, поручение в случае, если он участвовал в деле в качестве судьи, третейского судьи или арбитра, посредника, прокурора, следователя, дознавателя, эксперта, специалиста, переводчика, является по данному делу потерпевшим или свидетелем.

В связи с выявленным фактом нарушения законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре 21.07.2020 вынесено постановление об отводе от участия в уголовном деле адвоката А.».

В описанных действиях адвоката А. Главное управление Министерства юстиции Российской Федерации по Москве усматривает нарушение пп. 2 п. 4 ст. 6, пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

В результате дисциплинарного разбирательства установлено следующее.

Правовой основой для оценки дисциплинарного обвинения адвокатов Г. и С. в осуществлении ими защиты Ф. в условиях конфликта интересов последнего и иного их подзащитного по тому же делу - М., являются требования:

пп. 10 п. 1 ст. 9 и п. 1 ст. 11 Кодекса профессиональной этики адвоката о недопустимости для адвоката быть защитником нескольких лиц в одном деле, если их интересы противоречат друг другу;

ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которым адвокат, участвуя в судопроизводстве, должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства;

пп. 3 п. 1 ст. 72 УПК РФ, согласно которому адвокат не вправе участвовать в качестве защитника по уголовному делу, если он оказывает или ранее оказывал юридическую помощь лицу, интересы которого противоречат интересам защищаемого им подозреваемого, обвиняемого;

ч. 6 ст. 49 УПК РФ, согласно которому одно и то же лицо не может быть защитником двух подозреваемых или обвиняемых, если интересы одного из них противоречат интересам другого;

ч. 4 ст. 49 УПК РФ, согласно которому адвокат вступает в уголовное дело (а не «допускается» к участию в нём, как неверно указано в обращении следователя Б.) в качестве защитника по предъявлении удостоверения адвоката и ордера. Вступив в уголовное дело в качестве защитника, адвокат реализует полномочия защитника, предусмотренные ст. 53 УПК РФ.

Как следует из представленных в материалы дисциплинарного производства документов, адвокат Г. на основании соглашения об оказании юридической помощи, заключенного с М. 23 ноября 2019 года, приняла обязательства по защите М. по уголовному делу, находящемуся в производстве следователя Следственного комитета России, получив в тот же день и представив следователю Б., в чьем производстве находилось уголовное дело № ..., ордер № ... на защиту М., выданный Адвокатской конторой № ... Коллегии адвокатов «...», вместе с ходатайством об ознакомлении ее с материалами уголовного дела, подлежащими в соответствии процессуальным законодательством предъявлению защитнику, непроведении в ее отсутствие следственных и иных процессуальных действий с М., направлении в

следственный изолятор уведомления о ее статусе защитника М. для беспрепятственного получения свиданий с ним.

Однако никакие протоколы следственных либо иных процессуальных действий, в которых адвокат Г. участвовала бы в качестве защитника М., заявления, ходатайства (за исключением указанного выше), жалобы, иные документы, поданные в защиту М., сведения о проведении адвокатом Г. встреч с последним, а также доказательства ознакомления адвоката Г. в качестве защитника М. с материалами уголовного дела, Главным управлением Минюста РФ по Москве в материалы дисциплинарного производства не представлены. Напротив, адвокатом Г. представлены в материалы дисциплинарного производства её жалобы в порядке ст.ст. 124, 125 УПК РФ, в которых ставился вопрос о признании незаконными действий (бездействия) следователя Б. по фактическому недопуску ее к участию в уголовном деле в качестве защитника М., что выразилось, в частности, в непредоставлении ей возможности реализовать полномочия защитника, о которых адвокат Г. заявляла в ходатайстве от 23 ноября 2019 года.

Факт неучастия адвоката Г. в каких-либо процессуальных действиях в качестве защитника М. подтверждается также содержанием постановления следователя Б. от 21 июля 2020 года об отводе адвоката Г. от участия в уголовном деле. В указанном постановлении следователь Б. в качестве доказательства приобретения адвокатом Г. статуса защитника М. сослался лишь на факт ее обращения с ходатайством о вступлении в уголовное дело, не указав ни одного действия адвоката Г., которое она бы предприняла в качестве защитника М.

Как следует из писем следователя Ми. от 02 декабря 2019 года № ... и следователя Б. от 03 декабря 2019 года № ... с приложенным постановлением от 03 декабря 2019 года, следователем Б. адвокат Г. не была допущена к участию в уголовном деле в качестве защитника М. на основании заявления, поступившего от последнего 02 декабря 2019 года.

Таким образом, из материалов дисциплинарного производства следует, что адвокат Г., предприняв на основании заключённого соглашения действия ко вступлению в уголовное дело № ... в качестве защитника М., фактически защиту М. не приняла, поскольку не была допущена к участию в уголовном деле. Соответственно, она и не могла нарушить ни интересы М., ни требования законодательства о недопустимости защиты подозреваемых, обвиняемых в условиях конфликта интересов в связи с наличием конфликта интересов обвиняемых М. и Ф.

О каком-либо конфликте интересов, связанных с М. в качестве лица, заключившего с адвокатом Г. соглашение на оказание юридической помощи М., в Представлении не указывается.

Адвокат С., как и адвокат Г., заключив с М. 23 ноября 2019 года соглашение на защиту М. и оформив в тот же день ордер № ..., также обратился к следователю Б. с ходатайством об ознакомлении его с материалами, которые в соответствии с законодательством должны предъявляться защитнику, непроведении в его отсутствие следственных и иных процессуальных действий с М., направлении в следственный изолятор уведомления о наличии у него статуса защитника М. для беспрепятственного получения свиданий с ним. Как и адвокат Г., адвокат С. не был фактически допущен следователем к защите М. и обращался с жалобами в суд, прокурору и руководителю следственного органа в порядке, предусмотренном ст.ст. 124, 125 УПК РФ, на соответствующее бездействие следователя.

Письмами следователя Ми. от 02 декабря 2019 года № ... Б. от 03 декабря 2019 года № ... с приложенным постановлением от 03 декабря 2019 года, адвокат С. также был проинформирован, что на основании поступившего от М. 02 декабря 2019 года заявления он не допущен к участию в уголовном деле в качестве защитника последнего.

Вместе с тем, в материалы дисциплинарного производства представлен ордер от 16 декабря 2019 года № ..., выданный адвокату С. на защиту М. в ... суде, а также расписка адвоката С. об ознакомлении 17 декабря 2019 года в ... суде с материалом № ... по рассмотрению апелляционных жалоб на постановление ... суда города М. от 19 ноября 2019 года об избрании М. меры пресечения в виде заключения под стражу. При этом сведений об участии адвоката С. в заседании суда апелляционной инстанции 18 декабря 2019 года в материалах дисциплинарного производства не имеется, сам адвокат С. такое участие отрицает. Ознакомление с материалом № ... означает, что адвокат С. к защите М. фактически приступил. Таким образом, при оценке его действий применимы положения законодательства о недопустимости защиты лиц с конфликтными интересами. При этом предметом настоящего дисциплинарного производства не является вопрос о правомерности ознакомления адвоката С. с указанными материалами в суде с учётом его недопуска следователем к участию в уголовном деле в качестве защитника. Каких-либо жалоб или иных обращений по данному вопросу в Адвокатскую палату города Москвы не поступало.

Как следует из материалов дисциплинарного производства, М., будучи задержан 18 ноября 2019 года и допрошен в качестве подозреваемого в присутствии защитника адвоката К., от дачи показаний отказался, сославшись на ст. 51 Конституции РФ. Далее М. было предъявлено обвинение, он был допрошен в качестве обвиняемого. Постановление о привлечении М. в качестве обвиняемого, а также протокол его допроса в качестве обвиняемого в материалы дисциплинарного производства не представлены. Будучи

дополнительно допрошен в качестве обвиняемого 29 ноября 2019 года, М. признал вину в инкриминируемых деяниях и указал на Ф. как на соучастника.

Будучи допрошен 09 июля 2020 года с участием защитника адвоката Ко. в качестве подозреваемого, Ф. вину в инкриминируемых ему в группе с М. деяниях не признал. Сведения о последующем изменении позиции Ф. в части признания вины отсутствуют.

Следовательно, начиная с 29 ноября 2019 года в уголовном деле имеет место конфликт интересов обвиняемых М. и Ф.

При этом в соответствии п. 1 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката состав дисциплинарного проступка образует нарушение адвокатом законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, совершенное умышленно или по грубой неосторожности. Применительно к дисциплинарному проступку, который заключается в оказании юридической помощи доверителям в условиях конфликта интересов, это означает, что адвокат, на основании сведений, которыми он располагал либо должен был располагать, мог и должен был вне разумных сомнений установить наличие конфликта интересов его доверителей.

Материалы, представленные следователем в суд в обоснование ходатайства об избрании М. меры пресечения в виде заключения под стражу, с которыми адвокат С. 17 декабря 2019 года ознакомился в суде апелляционной инстанции, поступили в суд первой инстанции - ... суд города М. 19 ноября 2019 года. В тот же день ходатайство следователя было рассмотрено судом. Таким образом, протокол дополнительного допроса обвиняемого М. от 29 ноября 2019 года на момент рассмотрения материалов по избранию М. меры пресечения в виде заключения под стражу отсутствовал. Сведений о том, что протокол дополнительного допроса обвиняемого М. от 29 ноября 2019 года был приобщен к материалам на стадии их рассмотрения судом апелляционной инстанции, в материалах дисциплинарного производства не содержится.

Никаких протоколов следственных либо иных процессуальных действий, в которых адвокаты Г. и С. участвовали бы в качестве защитников Ф., Главным управлением Министерства юстиции Российской Федерации по Москве в материалы дисциплинарного производства также не представлено.

Вместе с тем, адвокатом С. в письменных объяснениях, представленных в Квалификационную комиссию, признано, что он участвовал 10 июля 2020 года в заседании ... суда города М. при рассмотрении ходатайства следователя об избрании Ф. меры пресечения в виде заключения под стражу, а также 16 июля 2020 года в заседании апелляционной инстанции ... суда при рассмотрении апелляционных жалоб на постановление ... города М. от 10 июля 2020 года.

Именно в ... суде города М. при подготовке к рассмотрению ходатайства следователя об избрании Ф. меры пресечения в виде заключения под стражу адвокат С. ознакомился с протоколом дополнительного допроса обвиняемого М. от 29 ноября 2019 года, в котором тот дал показания о причастности Ф. к совершению преступлений в то время как последний настаивал на собственной невиновности. Таким образом, адвокат С. на момент участия в качестве защитника Ф. в заседании суда города М. 10 июля 2020 года, а также в заседании ... суда 16 июля 2020 года был осведомлен о наличии конфликта интересов М. и Ф.

Однако эти обстоятельства также не свидетельствуют о нарушении адвокатом С. норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, совершённом умышленно или по грубой неосторожности, в силу следующего.

Приведённые выше требования уголовно-процессуального законодательства и законодательства об адвокатской деятельности (включая Кодекс профессиональной этики адвоката) о недопустимости осуществления адвокатом защиты лиц в условиях конфликта интересов основываются на доверительном характере отношений адвоката с лицом, которому адвокат оказывает юридическую помощь, и направлены на исключение возможности использования указанных доверительных отношений в ущерб интересам получателя юридической помощи, в частности, подзащитного по уголовному делу.

В этой связи Совет отмечает, что ни от М., ни от Ф. какие-либо претензии в отношении адвоката С. в связи с оказанием юридической помощи Ф. в ситуации конфликта их интересов в Адвокатскую палату города Москвы не поступали.

Адвокат С., как и адвокат Г., заключив с М. соглашение на защиту М., с последним не встречались, ни в каких следственных и иных процессуальных действиях в качестве его защитника не участвовали, обладателями какой-либо конфиденциальной информации, полученной от М. не стали и, следовательно, злоупотребить доверительными отношениями с М. в какой бы то ни было форме не могли в силу того, что таковые отношения между ними не возникли.

Адвокат С. ознакомился с материалом № ..., предоставленным следствием в обоснование ходатайства об избрании М. меры пресечения в виде заключения под стражу, формально приобретя, таким образом, статус защитника М. Однако эти же самые материалы впоследствии стали ему доступны и при ознакомлении с аналогичным ходатайством следствия, поданным по тому же уголовному делу, уже в обоснование ходатайства об избрании меры пресечения Ф. Самому Ф. эти материалы также были доступны. При этом Ф. в силу изложенных выше причин не мог получить от

адвоката С. никакой другой, недоступной ему самому (Ф.) иным образом, информации относительно позиции М.

Кроме того, после получения информации о наличии конфликта интересов М. и Ф. адвокат С. участвовал только в заседаниях ... суда города М. 10 июля 2020 года и апелляционной инстанции ... суда 16 июля 2020 года, предметом которых было рассмотрение ходатайства следователя об избрании меры пресечения Ф. в первом случае и жалоб на постановление суда первой инстанции по этому же вопросу – во втором. Никакие вопросы, которыми затрагивались бы интересы М., не являлись предметом рассмотрения в указанных судебных заседаниях. Следовательно, отсутствовала даже гипотетическая возможность причинения ущерба интересам М. вследствие участия адвоката С. в указанных судебных заседаниях, являвшихся обособленной судебной процедурой осуществления судебного контроля избрания меры пресечения.

При таких обстоятельствах Совет признаёт не опровергнутой презумпцию добросовестности адвокатов С. и Г. и приходит к выводу об отсутствии в их действиях (бездействии) нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре в связи с дисциплинарным обвинением в осуществлении защиты в условиях конфликта интересов подзащитных М. и Ф., поскольку на момент обращения к следователю Б. с заявлениями (ходатайствами) о вступлении в уголовное дело № ... в качестве защитников Ф. они не были осведомлены о наличии указанного конфликта интересов М. и Ф., а впоследствии прекратили своё участие в деле, не совершив каких-либо действий по осуществлению защиты в условиях конфликта интересов их подзащитных.

Одновременно Совет обращает внимание на противоречивость позиции следователя Б., который на момент обращения к нему адвокатов Г. и С. о вступлении в дело в качестве защитников Ф. располагал всеми материалами уголовного дела, в том числе протоколом дополнительного допроса обвиняемого М. от 29 ноября 2019 года, из которого следует конфликт интересов М. и Ф., однако вынес постановление об отводе обоих адвокатов от участия в уголовном деле в качестве защитников Ф. только 21 июля 2020 года. При этом в период с 09 по 21 июля 2020 года никаких препятствий для осуществления ими защиты Ф. следователь Б., очевидно, не усматривал.

В части, касающейся дисциплинарного обвинения в отношении адвоката А., Совет, как и Квалификационная комиссия, исходит из прямого запрета адвокату принимать поручение на оказание юридической помощи по делу, где он является свидетелем, предусмотренный в пп. 2 п. 4 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

В материалы дисциплинарного производства Главным управлением Министерства юстиции Российской Федерации по Москве представлены

ордер от 19 ноября 2019 года № ..., выданный адвокату А. на защиту М., а также первый и последний листы протокола очной ставки между свидетелем П. и подозреваемым М., проведенной 20 ноября 2019 года следователем Главного управления по расследованию особо важных дел Следственного комитета России Ми. по уголовному делу № ... с участием адвоката А. в качестве защитника М. Кроме того, представлены первый и последний листы протокола допроса по уголовному делу № ... свидетеля – директора ООО «...» А., произведенного 17 мая 2005 года следователем отдела по расследованию особо важных дел прокуратуры Х. края Ч.

Вместе с тем, никаких доказательств того, что адвокат А. и директор ООО «...» А. – это одно и то же лицо, в материалы дисциплинарного производства не представлено. Кроме того, отсутствуют доказательства тождественности предметов расследования, проводившегося в 2005 году по уголовному делу № ... следователем прокуратуры Х. края, и по уголовному делу № ..., находящемуся в 2019-2020 годах в производстве следователя Главного управления по расследованию особо важных дел Следственного комитета Российской Федерации. Представленные в дисциплинарное производство материалы не позволяют прийти к какому-либо определённом выводу по этому вопросу. Как указано выше, протоколы допроса директора ООО «...» А. и очной ставки между свидетелем П. и подозреваемым М. поступили в Адвокатскую палату города Москвы в составе первого и последнего листов, поэтому их содержание, за исключением формальных реквизитов и сведений об участниках следственных действий, из представленных документов установить невозможно. Адвокат А. в ходе дисциплинарного разбирательства затруднился подтвердить либо опровергнуть факт его допроса в 2005 году, равно как и указать его предмет.

При таких обстоятельствах Совет признаёт не опровергнутой презумпцию добросовестности адвоката А. и приходит к выводу о недоказанности дисциплинарного обвинения в нарушении им норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре.

На основании изложенного, руководствуясь п. 9 ч. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвокатов А., Г., С. по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 12 августа 2020 года № ... (вх. № ... от 17.08.2020), вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвокатов нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

7. Совет признал, что отказ адвокатов-защитников от подписания документа о неразглашении данных предварительного расследования, не соответствующего требованиям закона, не образует дисциплинарного нарушения.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 11 ноября 2020 года дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвокатов Е., К., М., Н. по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 28 июля 2020 года № ..., основанному на обращении врио начальника Следственного управления ФСБ России П. от 14 июля 2020 года (вх. № ... от 03.08.2020, далее Представление), подлежит прекращению вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвокатов нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат К. в заседании Совета подтвердил своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии, с выводами Комиссии согласился, подтвердил свои предыдущие объяснения. Полагает, что претензии следственного органа к нему и другим адвокатам – защитникам С., ставшие предметом настоящего дисциплинарного разбирательства, не основаны на законе и направлены на воспрепятствование адвокатам в осуществлении защиты их доверителя С. всеми не запрещёнными законом средствами и способами.

Рассмотрев и обсудив Заключение Квалификационной комиссии и материалы дисциплинарного производства, выслушав адвоката К., Совет признаёт, что Квалификационной комиссией правильно и полно установлены фактические обстоятельства, и сделан правильный вывод об отсутствии в действиях адвокатов нарушений законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката. Вместе с тем Совет считает необходимым изменить и дополнить правовое обоснование этого вывода, приведённое Комиссией, исходя из следующего.

Согласно Представлению, «В Главное управление Министерства юстиции Российской Федерации по Москве (далее – Главное управление) поступила информация от врио начальника Следственного управления ФСБ России П. о нарушении адвокатами М., К., Е., Н. требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, Кодекса профессиональной этики адвоката, принятого первым Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003 (далее - Кодекс).

Из информации усматривается, что в производстве Следственного управления ФСБ России находится уголовное дело № ... по обвинению С. в совершении преступления, предусмотренного статьей 275 УК РФ. Защиту обвиняемого С. осуществляют адвокаты М., К., Е., Н.

Как следует из информации, 13.07.2020 адвокатам М., К., Е., Н. в присутствии понятых Мо. и Се. разъяснено следователем об уголовной

ответственности по статье 310 УК РФ за разглашение данных предварительного следствия.

В соответствии с частью 3 статьи 53 УПК РФ защитник не вправе разглашать данные предварительного расследования, ставшие ему известными в связи с осуществлением защиты, если он был об этом заранее предупрежден в порядке, установленном статьей 161 УПК РФ. За разглашение данных предварительного расследования защитник несет ответственность в соответствии со статьей 310 УК РФ.

Согласно требованиям части 3 статьи 161 УПК РФ следователь или дознаватель предупреждает участников уголовного судопроизводства о недопустимости разглашения без соответствующего разрешения данных предварительного расследования, о чем у них берется подписка с предупреждением об ответственности в соответствии со статьей 310 УК РФ. Однако в нарушение требования части 3 статьи 161 УПК РФ адвокаты М., К., Е., Н. отказались заверить своей подписью факт предупреждения их об ответственности в соответствии со статьей 310 УК РФ.

Изложенные в информации обстоятельства могут свидетельствовать о нарушении адвокатами М., К., Е., Н. требований пункта 1 статьи 4; статьи 12 Кодекса, которые предписывают адвокату: соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства, проявлять уважение к лицам, участвующим в деле; при всех обстоятельствах сохранять честь и достоинство, присущие профессии адвоката».

В результате дисциплинарного разбирательства установлено следующее.

В производстве Следственного управления ФСБ России находится уголовное дело № ... по обвинению С. в совершении преступления, предусмотренного ст. 275 УК РФ. Защиту обвиняемого С. на основании заключённых соглашений осуществляют адвокаты Е., К., М. и Н.

13 июля 2020 года следователь по особо важным делам ... отдела СУ ФСБ России подполковник юстиции Ч. предложил индивидуально каждому из адвокатов: Е., К., М. и Н. поставить подписи под документом, названным «Подписка о неразглашении данных предварительного расследования», содержащим предупреждение об уголовной ответственности по ст. 310 УК РФ за разглашение без разрешения прокурора, следователя, дознавателя данных предварительного расследования - сведений, ставших им известными в ходе участия в следственных действиях по уголовному делу № ... Каждый из указанных адвокатов-защитников отказался поставить подпись под указанным документом, письменно объяснив мотивы отказа отсутствием у защитника такой обязанности, а также наличием уже данных ими ранее, при вступлении в дело в качестве защитников, подписок о неразглашении содержащихся в деле сведений, составляющих государственную тайну, и нарушением следователем их права на осуществление защиты всеми не

запрещёнными законом способами. Отказ адвокатов поставить подписи под «Подписками о неразглашении данных предварительного расследования» был удостоверен следователем и понятыми.

Согласно ч. 3 ст. 161 УПК РФ следователь или дознаватель предупреждает участников уголовного судопроизводства о недопустимости разглашения без соответствующего разрешения данных предварительного расследования, о чем у них берется подписка с предупреждением об ответственности в соответствии со статьей 310 Уголовного кодекса Российской Федерации. В соответствии с ч. 3 ст. 53 УПК РФ защитник не вправе разглашать данные предварительного расследования, ставшие ему известными в связи с осуществлением защиты, если он был об этом заранее предупрежден в порядке, установленном статьей 161 настоящего Кодекса. За разглашение данных предварительного расследования защитник несет ответственность в соответствии со статьей 310 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Однако указанные положения уголовно-процессуального закона не могут пониматься как возлагающие на защитника обязанность дать указанную подписку, в отличие от требования ч. 5 ст. 49 УПК РФ, прямо предусматривающего такую обязанность защитника. При этом в ходе дисциплинарного разбирательства установлено, что каждым из адвокатов при вступлении в уголовное дело в качестве защитников С. были даны подписки о неразглашении содержащихся в деле сведений, составляющих государственную тайну.

Несмотря на это, а также вопреки принципу законности, предусмотренному ст. 7 УПК РФ, следователь не разъяснил адвокатам, какие ещё имеющиеся в уголовном деле сведения, помимо составляющих государственную тайну, не подлежат разглашению, в том числе, с учётом требований частей 4 и 6 статьи 161 УПК РФ, предусматривающих ряд сведений, на которые не может распространяться запрет их разглашения. Более того, документ, названный «Подписка о неразглашении данных предварительного расследования», в действительности не содержит не только никаких упоминаний ни о сведениях, не подлежащих разглашению, ни о сроке действия запрета их разглашения, ни даже самого предупреждения о недопустимости разглашения без соответствующего разрешения данных предварительного расследования, прямо предусмотренного требованиями ч. 3 ст. 161 и ч. 3 ст. 53 УПК РФ. Он содержит лишь предупреждение об уголовной ответственности по ст. 310 УК РФ, а также удостоверенный понятыми и следователем факт отказа адвокатов Е., К., М. и Н. поставить под ним подписи и пояснения мотивов отказа, данные самими адвокатами.

Совет обращает внимание на то, что претензий в разглашении каких-либо материалов предварительного следствия в отношении адвокатов Е., К., М. и Н. в Представлении не выдвигается. Кроме того, Совет обращает внимание на

следующий довод, содержащийся в обращении врио начальника Следственного управления ФСБ России П., положенного в основу Представления: «отказ защитников от дачи следователю подписки о неразглашении данных предварительного расследования препятствует реализации ст. 310 УК РФ».

Оценивая эти обстоятельства в совокупности, Совет приходит к выводу, что попытка следователя отобрать у адвокатов подписи под документом, не соответствующим требованиям закона и содержащим предупреждение об уголовной ответственности за не идентифицированные надлежащим образом действия, в действительности не могла способствовать обеспечению законных интересов предварительного следствия (которые, к тому же, уже были обеспечены подписками адвокатов о неразглашении сведений, составляющих государственную тайну). В то же время эта попытка могла быть направлена на воспрепятствование адвокатам в осуществлении их профессиональной деятельности по осуществлению защиты их доверителя С. всеми не запрещёнными законом средствами. Одним из способов такого воспрепятствования может являться инициирование уголовного преследования адвокатов-защитников по статье 310 УК РФ. В этой связи Совет вновь подчёркивает, что в соответствии со ст. 18 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» вмешательство в адвокатскую деятельность, осуществляемую в соответствии с законодательством, либо препятствование этой деятельности каким бы то ни было образом запрещаются.

Соглашаясь с Квалификационной комиссией в том, что удостоверенный понятыми отказ адвокатов-защитников от подписания указанных документов не повлек за собой каких-либо правовых последствий, создающих препятствия проведению следственных и иных процессуальных действий по настоящему уголовному делу, Совет вместе с тем полагает, что таких последствий не наступило бы вне зависимости от удостоверения этого отказа понятыми, а оценка профессионального поведения адвокатов в сложившейся ситуации должна основываться на иных доводах, указанных выше.

Совет не может согласиться с доводом представителя Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве Ер., выдвинутым ею в заседании Квалификационной комиссии Адвокатской палаты города Москвы 11 ноября 2020 года, о том, что требования ч. 5 ст. 49 УПК РФ обязывают защитника давать как подписку о неразглашении содержащихся в материалах дела сведений, составляющих государственную тайну, так и подписку в порядке, предусмотренном ч. 3 ст. 161 УПК РФ. Вопреки данному доводу, указанными нормами УПК РФ установлены два различных вида подписок и соответствующие каждому из них различные основания и порядок предупреждения о неразглашении.

При таких обстоятельствах Совет признаёт не опровергнутой презумпцию добросовестности адвокатов Е., К., М. и Н. и приходит к выводу об отсутствии в их действиях (бездействии) нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре.

На основании изложенного, руководствуясь п. 9 ч. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвокатов Е., К., М., Н. по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 28 июля 2020 года № ..., основанному на обращении врио начальника Следственного управления ФСБ России П. от 14 июля 2020 года (вх. № ... от 03.08.2020), вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвокатов нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

8. Совет прекратил статус адвоката, признав его профессиональное поведение несовместимым с принадлежностью к адвокатскому сообществу.

За отказ возвратить неотработанные денежные средств, злостное уклонение от исполнения обязательств перед доверителем, учитывая умышленный, длительный и грубый характер нарушений, Совет прекратил статус адвоката, признав его профессиональное поведение несовместимым с принадлежностью к адвокатскому сообществу и указав, что ненадлежащее исполнение адвокатом профессиональных обязанностей перед доверителем ведёт к подрыву доверия к адвокатуре как институту гражданского общества.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 20 января 2021 года, адвокатом Р. совершено:

- ненадлежащее, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение своих профессиональных обязанностей перед доверителем С., выразившееся в уклонении адвоката Р. до настоящего времени от исполнения в полном объеме добровольно принятого ею на себя обязательства по возврату ... рублей, ранее полученных в счет оплаты вознаграждения по Соглашению об оказании юридической помощи от 01 июня 2020 года, при том, что обязательство по возврату денежных в размере ... рублей было дано адвокатом Р. гражданке С. именно как доверителю, то есть в связи с исполнением ею профессиональных обязанностей;

- нарушение положений пп. 1 и 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката («профессиональная независимость адвоката, а также убежденность доверителя в порядочности, честности и добросовестности адвоката являются необходимыми условиями доверия к нему» и «адвокат должен избегать

действий (бездействия), направленных к подрыву доверия»), выразившееся в сообщении С. в переписке в мессенджере «WhatsApp» в период с 10 по 20 августа 2020 года заведомо недостоверной причины (поломка сейфа) неисполнения принятого обязательства по возврату неотработанного вознаграждения, полученного по Соглашению об оказании юридической помощи от 01 июня 2020 года.

Кроме того, в том же Заключении Квалификационная комиссия пришла к выводу о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Заявитель С. в заседании Совета пояснила, что с Заключением Квалификационной комиссии ознакомилась и с его выводами согласна. Считает, что совершённые адвокатом Р. нарушения несовместимы со статусом адвоката.

Адвокат Р. в заседании Совета подтвердила своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии, ознакомление с ним, с выводами Комиссии не согласилась, представила письменные возражения.

Указанные «Возражения» адвоката Р. от 24.02.2021 поступили в Адвокатскую палату города Москвы (вх. № ... от 24.02.2021), и в них указано, что она с Заключением полностью не согласна, так как Комиссия сделала неверные выводы. Она не уклонялась и не уклоняется от возврата денежных средств, и еще 10.08.2020 ею была возвращена С. часть гонорара. Она намерена вернуть всю сумму, о чём много раз говорила С., но сейчас у нее нет денежных средств.

Также в «Возражениях» указано, что С. приняла решение расторгнуть соглашение только 20.07.2020 в то время как адвокат Р. «заказала по делу» почерковедческую экспертизу и рецензию на судебную экспертизу, затраты на проведение которых составили в общей сложности ... рублей. Невозможность вернуть всю сумму в полном объеме, по мнению адвоката Р., не является уклонением от их возврата. Она также не согласна с тем, что Квалификационная комиссия усмотрела в переписке в мессенджере «WhatsApp» в период с 10 по 20 августа 2020 г. указание ею на заведомо недостоверные причины (поломка сейфа). Адвокату Р. непонятно, каким образом Квалификационная комиссия пришла к выводу, что в переписке между нею и доверительницей содержится недостоверная информация. Адвокат Р. сотрудничала с С. с 2019 г. и вела для нее несколько дел, при этом С. была удовлетворена результатами сотрудничества.

В завершение «Возражений» адвокат Р. утверждает: *«Довожу до сведения Совета Палаты адвокатов, что я, как и согласовала с С., при первой же возможности, с ней полностью рассчитаюсь, не уклонялась и не собираюсь этого делать, доверие доверительницы С. не подрывала!»*. Адвокат Р. просит «отменить Заключение Квалификационной комиссии от 20 января 2021 г. и отказать С. полностью в удовлетворении жалобы».

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав заявителя С., адвоката Р., в полном объеме соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и её выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

Так, 12 мая 2020 года в ... областной суд поступило гражданское дело № ... по апелляционным жалобам С. и Т. на решение ... городского суда ... от 23 мая 2019 года. С целью осуществления представительства при рассмотрении указанного дела заявитель С. обратилась к адвокату Р. Как указывают оба участника дисциплинарного производства, адвокат Р. участвовала в заседании М. областного суда по указанному делу 25 мая 2020 года, по результатам которого судебное разбирательство было отложено на 10 июня 2020 года.

01 июня 2020 года между адвокатом Р. и С. было заключено Соглашение об оказании юридической помощи, в п. 1.1.1 которого принятое адвокатом Р. поручение было определено следующим образом: *«Проработать правовую позицию, подготовить процессуальные документы в интересах Доверителя и представлять интересы Доверителя в М. областном суде по гражданскому делу № ... до вынесения апелляционного определения»*. В п. 4.1 Соглашения размер вознаграждения адвоката Р. определен в размере ... рублей, при этом срок его оплаты установлен до 30 июня 2020 года.

Участниками дисциплинарного производства не оспаривается, что С. в соответствии с Соглашением уплатила адвокату Р. денежные средства в размере ... рублей, включая ... рублей наличными денежными средствами, что подтверждается квитанцией к приходному кассовому ордеру от 04 июня 2020 года № ..., и ... рублей перечислением безналичных денежных средств на счет адвокатского кабинета Р.

В заседание Московского областного суда 10 июня 2020 года адвокат Р. не явилась, пояснив затем, что это было вызвано ее болезнью и подтверждается листком нетрудоспособности № ..., выданным 09 июня 2020 года. Представленной ею при рассмотрении дисциплинарного производства распечаткой электронного письма, отправленного 09 июня 2020 года с электронного почтового адреса адвоката Р. на электронный почтовый адрес <...> с приложенным текстом ходатайства об отложении судебного заседания, подтверждается, что адвокат Р. уведомила ... областной суд об уважительности причины неявки в судебное заседание 10 июня 2020 года, просила об отложении судебного разбирательства. На основании изложенного Совет, как и Квалификационная комиссия, полагает, что неявка адвоката Р. в судебное заседание 10 июня 2020 года была вызвана объективными причинами, при этом адвокат Р. предприняла действия для отложения судебного заседания, а потому дисциплинарные обвинения в данной части являются необоснованными. Вместе с тем Совет отмечает, что адвокатом Р. не предпринималось никаких действий, направленных на получение подтверждения получения судом её письменного обращения и приложенного к нему ходатайства об отложении судебного заседания. С протоколом судебного заседания от 10.06.2020 она также не знакомилась. В заседании

Совета адвокат Р. подтвердила эти обстоятельства, затруднившись объяснить причины непринятия ею указанных мер.

В апелляционном определении, вынесенном по результатам судебного заседания 10.06.2020, также не содержится никаких сведений о причине неучастия адвоката Р. в судебном заседании, равно как и о заявленном ею ходатайстве об отложении судебного заседания и результатах его рассмотрения судом.

Совет соглашается с выводом Квалификационной комиссии о том, что в материалах дисциплинарного производства отсутствуют доказательства выдвинутого в жалобе дисциплинарного обвинения в предоставлении адвокатом Р. заявителю С. гарантий положительного для последней результата рассмотрения дела № ... в М. областном суде. Сам по себе значительный размер вознаграждения за осуществление представительства в суде апелляционной инстанции (... рублей) достаточным доказательством такой гарантии не является. По этой причине Совет приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в данной части.

В связи с неявкой адвоката Р. в заседание М. областного суда 10 июня 2020 года и вынесением судом апелляционной инстанции в эту дату итогового решения по делу - определения, означавшего завершение исполнения принятого адвокатом Р. поручения на представление С. в суде апелляционной инстанции, между адвокатом Р. и С. было достигнуто устное соглашение о возврате денежных средств, полученных адвокатом Р. в качестве вознаграждения.

Принятие адвокатом Р. обязательства по возврату полученных в качестве вознаграждения денежных средств подтверждено как заявителем С., так и самой Р. Из содержания представленной в материалы дисциплинарного производства обширной и длительной переписки между адвокатом Р. и заявителем С. в мессенджере «WhatsApp» также следует достижение между ними соответствующей договоренности. В частности, адвокат Р. неоднократно подтверждала С. своё обязательство по возврату ей денежных средств, обсуждала сроки и технические вопросы, связанные с таким возвратом (в наличной либо безналичной форме), приносила извинения в связи с неоднократным неисполнением обязательства по возврату средств, ссылаясь каждый раз на различные причины (занятость, отсутствие в Москве, технические проблемы с сейфом, иные), неоднократно давала обещания оплаты «в ближайшее время», «на днях», «на следующей неделе» и т.п.

10 августа 2020 года адвокат Р. частично, в размере ... рублей, осуществила возврат денежных средств С. посредством безналичного платежа на счет дочери С. – С.

Кроме того, адвокатом Р. был подготовлен и направлен посредством мессенджера «WhatsApp» в адрес С., а также по электронной почте в адрес дочери С. – С., проект Соглашения от 21 июля 2020 года о расторжении Соглашения об оказании юридических услуг от 1 июня 2020 года. В п. 4 этого проекта предусмотрены обязательства адвоката Р. осуществить в адрес С.

«возврат денежных средств за вычетом понесенных при оказании юридической помощи расходов 3-ему лицу, указанному Доверителем – С. безналичными денежными средствами».

С. указанный проект Соглашения подписан не был, так как она не была согласна с включенной п. 2 Соглашения фразой об отсутствии претензий к адвокату Р. Из проекта указанного Соглашения наличие обязательства адвоката Р. о возврате её доверителю С. денежных средств также усматривается без сомнений.

Обязательство по возврату доверителю С. неотработанного вознаграждения, полученного по соглашению об оказании юридической помощи, принято адвокатом Р. по согласованию с её доверителем С. в связи с прекращением исполнения поручения последней, а потому исполнение данного обязательства является профессиональной обязанностью адвоката Р. Однако эта обязанность исполнена адвокатом Р. лишь частично: из полученных ею от доверителя С. и подлежащих возврату ... рублей возвращены лишь ... рублей.

При таких обстоятельствах Совет признаёт невозврат адвокатом Р. оставшейся части неотработанного вознаграждения в размере ... рублей ненадлежащим исполнением своих профессиональных обязанностей перед доверителем С., а презумпцию добросовестности адвоката Р. в данной части Совет признаёт опровергнутой.

Материалами дисциплинарного производства, а именно - перепиской между адвокатом Р. и С., а также её дочерью в мессенджере «WhatsApp», подтверждается, что первая многократно давала второй и третьей неконкретные и не выполнявшиеся впоследствии обещания скорого возврата денежных средств, объясняя это самыми разнообразными причинами и предложениями: «..., я Вам все сообщу!» (сообщение от 20 июля 2020 года в ответ на вопрос С, когда будет сделан перевод?), «Я все еще занята, не было возможности им позвонить!» и далее «Сегодня и узнаю...» (сообщения от 22 июля 2020 года в ответ на вопрос С., уточнила ли она с банком детали платежа для возврата денежных средств?), «Еще не было возможности выехать! Как только я Вам отправлю деньги, сразу выложу в чат» (сообщение от 04 августа 2020 года в ответ на вопрос С., сделан ли перевод?), «Да, все могу объяснить! В пятницу торопилась, сделать, что обещала. У меня возникли тех. проблемы с электрикой сейфа. Сегодня собрала, что было в кассе, отправила Вам. Остальное, как решат вопрос с сейфом, на днях» и далее «Я надеюсь, завтра! У меня несколько раз была похожая ситуация с сейфом!» (сообщения от 10 августа 2020 года в ответ на вопрос С. об отсутствии платежа), «Все верну, я Вам объяснила ситуацию...» (сообщение от 12 августа 2020 года в ответ на вопрос С. о возврате денег), «Я все написала ..., я стараюсь это сделать как можно скорее» (сообщение от 14 августа 2020 года в ответ на вопрос С. о возврате денег), «Сделаю!» (сообщение от 17 августа 2020 года в ответ на вопрос С. о возврате денег), «Я Вам внесу деньги на счет» (сообщение от 17 августа 2020 года в ответ на вопрос С., можно ли подъехать за наличными

деньгами в офис?), «В ближайшее время!» (сообщение от 19 августа 2020 года в ответ на вопрос С., когда будет осуществлен возврат денежных средств?), «...на днях Вы все получите» и далее «Жду, когда вскрыют сейф!») (сообщения от 20 августа 2020 года в ответ на вопрос С. относительно даты возврата денежных средств), «... я на будущей неделе с Вами рассчитаюсь!!» (сообщение от 22 августа 2020 года в ответ на вопрос С. о возврате денежных средств), «...В настоящий момент я в ..., стараюсь организовать передачу денег ... дистанционно. Так как кому-то необходимо быть из моих близких дома, чтобы вскрыть сейф» и далее «...я стараюсь исполнить Ваше требование! И неделю я этим тоже занималась, поверьте!», «Я это сделаю! Будьте уверены, ...!» (сообщение от 28 августа 2020 года в ответ на вопрос С. относительно возврата денежных средств).

Однако, несмотря на многочисленные заверения, за полгода, прошедшие с момента частичного возврата денежных средств в сумме ... руб. (10.08.2020) до дня рассмотрения дисциплинарного производства Советом (25.02.2021), адвокат Р. так ничего и не вернула С., что подтверждает факт длительного и умышленного уклонения адвоката Р. от исполнения добровольно принятого ею на себя обязательства по полному возврату денег, ранее полученных в счет оплаты вознаграждения по Соглашению об оказании юридической помощи от 01 июня 2020 года. При этом в заседании Совета адвокат Р., отвечая на вопросы членов Совета о причине неисполнения обязательства перед доверителем С., сообщила, что деньги, находившиеся в сейфе, после его вскрытия были израсходованы ею на другие нужды, которые считала более срочными.

При таких обстоятельствах Совет признаёт, что описанное поведение адвоката Р. не просто является неисполнением профессиональных обязанностей перед доверителем, но также свидетельствует о совершении адвокатом Р., вопреки положениям пп. 1 и 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, действий, влекущих подрыв доверия к ней и к адвокатуре со стороны доверителя С.

Этот вывод, помимо доказательств, содержащихся в материалах дисциплинарного производства, подтверждается также объяснениями, заявителя С. и адвоката Р. в заседании Совета.

Так, заявитель С., в частности, сообщила, что, по её мнению, Квалификационная комиссия, рассмотрев дисциплинарное производство, возбужденное по её жалобе от 01 октября 2020 года в отношении адвоката Р., проявила профессионализм и непредвзятость и верно установила факты и обстоятельства злоупотребления её (С.) доверием со стороны адвоката Р. Как указывалось в её заявлении в Адвокатскую палату города Москвы и не отрицается адвокатом Р., ею (С.) были выплачены Р. денежные средства безналичным и наличным способами на общую сумму ... рублей за участие в апелляции по вышеуказанному гражданскому делу, слушавшемуся в ... областном суде, по которому адвокат Р. обещала ей победу. Адвокат Р. в своих пояснениях не отрицает и того, что знала о месте и времени судебного

заседания 10 июня 2020 года по вышеуказанному гражданскому делу. После получения гонорара на сумму ... рублей, она не явилась в суд, в связи с чем суд отказал в удовлетворении исковых требований. При этом больничный лист, представленный Р. в материалы дисциплинарного производства, не находится в материалах гражданского дела. Кроме того, заявитель С. подчеркнула, что адвокат Р. систематически выдвигала заведомо недостоверные причины неисполнения принятого ею обязательства по возврату С. неотработанного вознаграждения, полученного по соглашению об оказании юридической помощи, в частности, ссылаясь на неисправность сейфа, что было явной неправдой, отговоркой. Когда С. в первый раз попросила, если возможно, достать эти деньги из сейфа и вернуть ей, то Р. сказала, что находится «на процедурах» и не может приехать к себе домой. Потом адвокат Р. сообщила в их переписке, что собирается попросить помочь каких-то близких людей достать деньги из сейфа для передачи их С. Затем адвокат Р. все-таки добралась до своего сейфа и сообщила, что он якобы сломан и не может быть открыт. Тогда С. направила ей по ссылке контакты фирмы, которая круглосуточно открывает сейфы за ... рублей. После этого Р. исчезла на какое-то время, *«потому что она опять пошла тратить эти же деньги и после этого она не вернула ничего, хотя и моя дочь была в ..., и люди, которые готовы были к ней подъехать, то есть сам факт, если бы у человека были деньги в сейфе, то предположить, что она: первое, не может открыть его; второе, не обратилась в службу, которая может это сделать, и третье, даже по прошествии какого-то времени не достала их оттуда, а прошло уже 8 месяцев, и не вернула их доверителю – мне, это факт неоспоримый»*. После неявки адвоката Р. в суд С. прекратила сотрудничество с ней и уже 11 июня 2020 года, на следующий день после судебного заседания, отозвала доверенность, выданную Р. для представления её интересов. Заявление об отзыве доверенности имеется в материалах дела. При этом адвокат Р. продолжала настаивать, что она вернет эти деньги после того, как с ней рассчитаются другие клиенты, «высокопоставленные», говорила, что они придут «на этой неделе», потом «на следующей» ... После этого прошло еще три месяца, появилась версия с сейфом, и в итоге адвокат Р. не вернула ничего. Также в предпоследнем сообщении в мессенджере Telegram адвокат Р., вместо того, чтобы вернуть ей (С.) денежные средства, которые она удерживает более 8 месяцев, продолжает писать о том, что сейчас она тратит свою энергию на то, чтобы оправдываться перед Квалификационной комиссией Адвокатской палаты, вместо того, чтобы концентрироваться на главном, и что, якобы, ее клиенты обещают с ней рассчитаться.

В свою очередь, адвокат Р., давая пояснения в заседании Совета и отвечая на вопросы членов Совета, заявила следующее: *«Хочу обратить внимание на то, что я не уклоняюсь от возврата денежных средств, ... (С. – примечание Совета) практически через день мне пишет, спрашивает, когда я ей отдам деньги? Я бы с удовольствием ей их отдала, но в настоящий момент нет такой возможности. Я не уклоняюсь, я говорила это на комиссии, я старалась*

тоже предпринять все возможные действия тогда, когда мне комиссия предоставляла время. Кроме того, хочу обратить внимание, что на самом деле приняла решение расторгнуть соглашение, потому что ... намекала. ... не намекала, а говорила конкретно, что вроде как мы идем вместе в кассацию. Потом мы не идем, потому что параллельно она искала других адвокатов, она согласилась расторгнуть со мной соглашение 20-го июля, когда я ей направила соглашение о расторжении, которое она не подписала. Но я не отказываюсь от того, что я приняла на себя обязательства вернуть ... денежные средства, несмотря на то, что я уже даже согласилась в последнем заседании, когда Квалификационная комиссия рассматривала мое дисциплинарное производство, даже вернуть те деньги, которые я потратила, и я проводила, готовясь к судебному процессу, почерковедческую экспертизу и рецензию на судебную экспертизу почерковедческую, которая имела в деле. <...> Я хочу обратить внимание Совета на то, что Квалификационная комиссия почему-то считает, что я уклоняюсь от исполнения своих обязательств, я от них не уклоняюсь. ...Деньги, если бы они были в наличии, с удовольствием (отдала) для того, чтобы эту некрасивую ситуацию завершить. <...> Я хочу сказать, что со своей стороны добросовестно выполняла обязательства, и я не снимаю с себя ответственности, я намерена рассчитаться, как только у меня появятся в наличии деньги, я сразу же сама позвоню ..., и как она скажет, каким способом: перечислить или отдам «наличкой» – рассчитаюсь с ней. И как могла тоже Квалификационная комиссия усмотреть с моей стороны, что я ввожу кого-то в заблуждение... Чем я ввожу в заблуждение? Отсутствием возможности такой? Ну, у меня нет станка напечатать деньги. В сейфе деньги были, я их в тот момент направила тоже на другое дело и клиент, который тоже мне должен деньги, мы до сих пор... Причина была в сейфе вначале, а сейчас причина в том, что их просто нет...».

Давая оценку этим объяснениям участников дисциплинарного производства в совокупности с другими материалами дисциплинарного производства, Совет признаёт, что в результате дисциплинарного разбирательства достоверно установлен факт умышленного и длительного уклонения адвоката Р. от добровольно принятого на себя обязательства вернуть в полном объеме неотработанный гонорар доверителю С., что безусловно является не только ненадлежащим исполнением обязательств перед доверителем, но и действиями, направленными к подрыву доверия и убежденности доверителя в порядочности, честности и добросовестности адвоката. Утверждения адвоката Р. о том, что она не уклоняется от возврата денег, Совет отклоняет как голословные, не соответствующие действительности и опровергнутые материалами дисциплинарного производства.

Совет исходит из того, что уважительность причины невозврата или несвоевременного возврата адвокатом доверителю неотработанных денежных средств может и должна быть учтена при рассмотрении дисциплинарных

обвинений в случае выдвижения таковых. Однако, если такая причина является ложной, надуманной и по сути представляет собой обман доверителя, то, наряду с ненадлежащим исполнением обязанностей перед доверителем, имеет место самостоятельный дисциплинарный проступок, подлежащий квалификации в соответствии с законодательством об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Применительно к настоящему дисциплинарному производству Совет, учитывая достоверно установленные Квалификационной комиссией фактические обстоятельства, а также описанные выше пояснения заявителя С. и адвоката Р. в заседании Совета, признаёт, что ссылка адвоката Р. на неисправность сейфа являлась лишь предлогом, отговоркой для невозврата денег С. Таким образом, Совет, признавая презумпцию добросовестности адвоката Р. опровергнутой, приходит к выводу о том, что, вопреки её многократным декларациям намерения и стремления рассчитаться с доверителем С., не отсутствие доступа к деньгам было причиной их невозврата, а злостное уклонение от исполнения своих собственных обязательств перед доверителем.

В соответствии со ст. 1 Кодекса профессиональной этики адвоката Совет учитывает и традиции присяжной адвокатуры. Так, в работе А.Н. Маркова «Правила адвокатской профессии в России» (Москва, 1913) приводятся решения Московского Совета присяжных поверенных, в которых, в частности, указывалось:

«- Продолжительное и упорное промедление в денежных расчетах с доверителями возбуждает вопрос о применении высшей меры дисциплинарного взыскания [842];

- Присяжный поверенный, употребивший во зло доверие тех лиц, которые к нему обращаются, не может оставаться в сословии [848];

- Сообщение доверителю неверных сведений, для того, чтобы достигнуть получение следовавшего ему гонорара, представляется поступком неприличным [920];

- Присяжный поверенный сам пообещал доверителю возвратить определенную сумму. Совет находит, что обещание присяжного поверенного – закон для него. Так должно быть, и в этом должны быть уверены все, кому приходится обращаться к членам присяжной адвокатуры или соприкасаться с ними. Если обещание не исполнено, все объяснения излишни и бесплодны, оправдание невозможно [923].»

Совет, полагая, что изложенные позиции Московского Совета присяжных поверенных не утратили своей актуальности и в настоящее время, также последовательно придерживается позиции о недопустимости для адвокатов нарушать принятые на себя обязательства по возврату доверителю неотработанных денежных средств, полученных в качестве гонорара.

Определяя в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности

адвоката Р. за совершённые нарушения, Совет принимает во внимание их тяжесть, а именно: умышленный, длительный и грубый характер, и отмечает, что профессиональное поведение адвоката Р., выразившееся как в ненадлежащем, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении своих профессиональных обязанностей перед доверителем С., так и в нарушении положений пп. 1 и 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката («профессиональная независимость адвоката, а также убежденность доверителя в порядочности, честности и добросовестности адвоката являются необходимыми условиями доверия к нему» и «адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия»), направлено и ведёт к подрыву доверия к адвокатуре как институту гражданского общества со стороны лиц, обращающихся к адвокатам за квалифицированной юридической помощью, а также со стороны государства, которое наделило адвокатов правом создать публично-правовую корпорацию, основанную на принципах законности, независимости, самоуправления, корпоративности, и предоставило адвокатам широкие права как гарантию их независимости в выполнении основной профессиональной функции - оказывать физическим и юридическим лицам квалифицированную юридическую помощь способами, не противоречащими закону.

Учитывая совокупность указанных обстоятельств, Совет приходит к выводу о несовместимости профессионального поведения адвоката Р. с принадлежностью к адвокатскому сообществу и, следовательно, о необходимости применения к ней меры дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката. Совет считает, что более мягкая мера дисциплинарной ответственности из числа предусмотренных п. 6 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката не только не отвечала бы требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката, но и давала бы основание полагать, что адвокатское сообщество считает подобное профессиональное поведение адвоката допустимым.

В соответствии с п. 2 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» статус адвоката может быть прекращен по решению совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, в региональный реестр которого внесены сведения об адвокате ..., на основании заключения квалификационной комиссии при:

- 1) неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем;
- 2) нарушении адвокатом норм Кодекса профессиональной этики адвоката...

Определяя в соответствии с пунктом 7 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката срок, по истечении которого Р. может быть допущена к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, Совет,

учитывая все вышеуказанные обстоятельства, а также отсутствие каких-либо признаков осознания адвокатом Р. тяжести совершённых ею нарушений, и вместе с тем, принимая во внимание, что она, имея длительный стаж адвокатской деятельности, ранее к дисциплинарной ответственности не привлекалась, считает необходимым установить в отношении неё данный срок продолжительностью в 2 (два) года.

Совет также соглашается с Заключением Квалификационной комиссии о необходимости прекращения дисциплинарного производства в оставшейся части. В Заключении приведены достаточные обоснования этого вывода, с которыми Совет также соглашается.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 3 п. 6 ст. 18, пп. 1, 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил применить к адвокату Р. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката за:

- ненадлежащее, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение своих профессиональных обязанностей перед доверителем С., выразившееся в уклонении адвоката Р. до настоящего времени от исполнения в полном объеме добровольно принятого ею на себя обязательства по возврату ... рублей, ранее полученных в счет оплаты вознаграждения по Соглашению об оказании юридической помощи от 01 июня 2020 года, при том, что обязательство по возврату денежных в размере ... рублей было дано адвокатом Р. гражданке С. именно как доверителю, то есть в связи с исполнением ею профессиональных обязанностей;

- нарушение положений пп. 1 и 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката («профессиональная независимость адвоката, а также убежденность доверителя в порядочности, честности и добросовестности адвоката являются необходимыми условиями доверия к нему» и «адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия»), выразившееся в сообщении С. в переписке в мессенджере «WhatsApp» в период с 10 по 20 августа 2020 года заведомо недостоверной причины (поломка сейфа) неисполнения принятого обязательства по возврату неотработанного вознаграждения, полученного по Соглашению об оказании юридической помощи от 01 июня 2020 года.

Установить в отношении Р. срок, по истечении которого она может быть допущена к сдаче квалификационного экзамена на повторное приобретение статуса адвоката, продолжительностью в 2 (два) года.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Р. по жалобам С. от 01 октября 2020 года (вх. № ... от 02.10.2020) и от 15 декабря 2020 года (вх. № ... от 16.12.2020), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения

норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

9. Адвокат, имея приостановленный статус, оказывал юридическую помощь по гражданским делам, при этом подал в суд и в следственный орган заявления о фальсификации доверителем доказательств по делу. Совет применил к адвокату меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса и установил срок, по истечении которого он может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, в пять лет.

Квалификационная комиссия 20 января 2021 года вынесла Заключение, в соответствии с которым адвокатом М. совершены:

- нарушение п. 3.1. ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», выразившееся в том, что адвокат М., имея с 31 января 2017 года приостановленный статус адвоката, оказывал доверителю К. с 15 марта 2019 года юридическую помощь по трем гражданским делам, находившимся на рассмотрении Н. районного суда города Москвы;

- нарушение п. 2 и 3 ст. 5, п. 1, 2, 3, 4, 5, 6 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся в том, что адвокат М., считая, что в действиях его доверителя К. содержатся признаки преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 303 УК РФ (фальсификация доказательств по гражданскому делу в суде лицом, участвующим в деле), подал 21 мая 2019 года в Н. районный суд города Москвы и 21 августа 2019 года в Н. межрайонный следственный отдел Следственного комитета РФ заявления о фальсификации К. доказательств по гражданскому делу.

Одновременно с этим в Заключении Квалификационной комиссии указано на необходимость прекращения дисциплинарного производства: в части выдвинутого дисциплинарного обвинения в том, что адвокат М. угрожал, что в случае, если К. не откажется от исковых требований о взыскании денежных средств по договору займа (гражданское дело № ...) и не выплатит адвокату М. ... (...) рублей, то адвокат М. обратится в правоохранительные органы с заявлением о возбуждении уголовного дела - вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства, в оставшейся части - вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Заявитель жалобы К. в заседании Совета сообщил, что Заключение Квалификационной комиссии получил и с ним полностью согласен. Считает нарушения, допущенные адвокатом М., злостными, и поэтому он не должен оставаться в адвокатуре.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав явившихся участников, соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и её

выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

Так, в результате рассмотрения дисциплинарного производства установлено, что статус адвоката М. был приостановлен с 31 января 2017 года Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 10 марта 2017 года № ... и до настоящего времени не возобновлялся, что подтверждается указанным Решением Совета, уведомлением Президента Адвокатской палаты города Москвы Полякова И.А. от 10 марта 2017 года № ... о приостановлении статуса адвоката М., направленным, в том числе и самому адвокату М., который не отрицает ни факт приостановления статуса адвоката с указанной выше даты, ни факт своей осведомлённости об этом.

Несмотря на это, адвокат М., вопреки прямому законодательному запрету, 28 марта 2019 года заключил с К. Соглашение об оказании юридических услуг без номера, предметом которого в п. 1 данного Соглашения указано обязательство адвоката М. представлять интересы истца К. в Н. районном суде города Москвы и при необходимости в Московском городском суде по гражданскому делу о взыскании долга по договору займа. Согласно п. 2 того же Соглашения адвокат М. обязался подготовить и подать исковое заявление, подготовить запросы «в финансовые учреждения, а также в регистрирующие органы о наличии у истца и ответчика недвижимого имущества», подготовить ходатайства об обеспечении иска. Также данным пунктом предусмотрено, что в обязанности адвоката М. входит: «грамотная защита интересов истца и аргументированное разрушение доводов ответчика; в случае обращения сторон по делу в вышестоящие судебные инстанции выполнение в полном объеме работы по делу в этих инстанциях». Вознаграждение адвоката М. определено сторонами Соглашения в размере 10 процентов от суммы фактически взысканных в пользу К. денежных средств и имущества в рамках гражданского дела (п. 3 Соглашения). Аналогичное вознаграждение должно быть выплачено К. адвокату М. в случае «вынужденного заключения К. с клиентом мирового соглашения под неумолимым юридическим воздействием юриста». При этом в тексте Соглашения отсутствует указание на наличие у М. статуса адвоката.

Вместе с тем, ещё до заключения Соглашения об оказании юридических услуг от 28 марта 2019 года адвокат М. оформил ордер от 15 марта 2019 года № 9, в котором указал, что ему, как адвокату, поручается с 15 марта 2019 года представлять интересы К. в Н. районном суде города Москвы по гражданскому делу о расторжении брака и разделе имущества, основанием для выдачи ордера указал Соглашение от 14 марта 2019 года. На ордере стоит подпись адвоката М. и печать Адвокатского кабинета «...». По утверждению представителя К. – адвоката З., данный ордер был представлен адвокатом М. в материалы гражданского дела Н. районного суда города Москвы № ... по иску К. к К. Соглашение об оказании юридической помощи от 14 марта 2019 года в материалы дисциплинарного производства не представлено. 17 марта 2019 года адвокат М. получил от К. аванс в размере ... (...) рублей за оказание

юридических услуг по гражданскому делу о расторжении брака и разделе имущества с К., что подтверждается его собственноручной распиской, в которой также указано, что уточненный текст соглашения будет подписан не позднее 22 марта 2019 года. 18 марта 2019 года К. оформил доверенность ..., удостоверенную нотариусом города Москвы С., которой уполномочил М. на представление его интересов в судебных, административных и правоохранительных органах со всеми правами, какие предоставлены законом заявителю, истцу, ответчику, третьему лицу, подозреваемому, обвиняемому, подсудимому. Распоряжением ... от 30 апреля 2019 года, удостоверенным нотариусом города Москвы С., К. отменил указанную доверенность.

В своих письменных объяснениях без даты и без личной подписи (вх. № ... от 21.10.2020) адвокат М. признал, что он «...оказывал помощь заявителю в разрешении его судебных споров в Н. суде города Москвы». Соглашения с К. он «заключал как частное лицо, работал по нотариальной доверенности от него. Всего соглашений было 3 (три), равно, как и дел в суде – 3 (три). Первое дело: о расторжении его брака и разделе имущества по иску его жены. Второе дело: о взыскании долга по договору займа по иску К. Третье дело: о разделе имущества после расторжения брака по его же иску. 17 марта 2017 года мы впервые встретились, достигли предварительного соглашения по ведению первого дела».

Кроме того, в материалах дисциплинарного производства содержатся сведения о том, что 21 мая 2019 года представитель истца К. – М., не указывая свой адвокатский статус, подал в Н. районный суд города Москвы заявление о фальсификации доказательств в гражданском деле № ... [*в 2020 году делу был присвоен № ... – примечание Совета*], в котором сообщил суду следующее: «К. поделился со мной, что у него было несколько чистых листов бумаги с подписями жены ... долговую расписку от имени бывшей жены К. он выполнил с помощью компьютера и принтера путем наложения на чистый лист, содержащий подписи К., текста долговой расписки. Изготовление фальсифицированной расписки было проведено К., с его слов, где-то в середине марта 2019 года.

Я неоднократно предлагал К. немедленно отозвать данный иск о взыскании долга, в основу которого положена сфабрикованная (фальсифицированная) расписка, объяснял ему противоправность и уголовные последствия его действий в этой связи, но жажда наживы в особо крупном размере, видимо, оказалась сильнее.

Считаю, что данная информация поможет более справедливому и объективному рассмотрению данного дела».

На указанном заявлении адвоката М. проставлена отметка экспедиции Н. районного суда города Москвы о его получении 21 мая 2019.

Аналогичное по содержанию заявление было подано адвокатом М. 21 августа 2019 года в Н. межрайонный следственный отдел Следственного комитета РФ, что подтверждается штампом «Н. МРСО города Москвы» с рукописной записью «с личного приема». Просительная часть этого заявления

изложена следующим образом: «Прошу принять оперативные меры реагирования по предотвращению преступления гр. К., предусмотренного ст. 303 УК РФ».

В своих письменных объяснениях адвокат М. указал, что К. ему «проговорился, что договор займа с его женой на самом деле изготовлен им ... с помощью наложения компьютерного текста фиктивного договора на чистые листы бумаги, где имелись подписи его жены ... после настойчивых предложений К отозвать иск по долговой расписке на ... млн. рублей, я обратился в Н. суд с заявлением о выходе из дела в качестве представителя К. по причине сомнительности расписки, а также подал заявление в следственные органы о предупреждении преступления со стороны К.» [цитата из письменных объяснений адвоката М. (вх. № ... от 21.10.2020)].

Совет признаёт изложенные выше фактические обстоятельства достоверно установленными Квалификационной комиссией и отмечает отсутствие каких-либо существенных противоречий в их изложении участниками дисциплинарного производства.

Адвокатской деятельностью является квалифицированная юридическая помощь, оказываемая на профессиональной основе лицами, получившими статус адвоката в порядке, установленном настоящим Федеральным законом, физическим и юридическим лицам (далее - доверители) в целях защиты их прав, свобод и интересов, а также обеспечения доступа к правосудию (п. 1 ст. 1 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

Существование и деятельность адвокатского сообщества невозможны без соблюдения корпоративной дисциплины и профессиональной этики, заботы адвокатов о своих чести и достоинстве, а также об авторитете адвокатуры. Поступок адвоката, который порочит его честь и достоинство, умаляет авторитет адвокатуры; неисполнение или ненадлежащее исполнение адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем должны стать предметом рассмотрения соответствующих квалификационной комиссии и Совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, заседания которых проводятся в соответствии с процедурами дисциплинарного производства, предусмотренными Кодексом профессиональной этики адвоката (преамбула и п. 2 ст. 19 Кодекса).

Адвокатская деятельность является многообразной и осуществляется в различных видах, которые могут быть классифицированы следующим образом: консультационная помощь доверителю, составление документов правового характера и выступление в качестве представителя или защитника доверителя в судах, иных государственных органах и организациях, а также коммерческих, некоммерческих организациях и в отношениях с гражданами и их объединениями.

Адвокат, приостановивший свой статус в установленном законом порядке, является лицом, внесенным в региональный реестр адвокатов, чья адвокатская деятельность временно приостановлена.

Приостановление статуса адвоката влечет за собой приостановление действия в отношении данного адвоката гарантий, предусмотренных Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», за исключением гарантий, предусмотренных пунктом 2 статьи 18 данного Федерального закона. (п. 3 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

В соответствии с п. 3.1. ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»:

«Лицо, статус адвоката которого приостановлен, не вправе осуществлять адвокатскую деятельность, а также занимать выборные должности в органах адвокатской палаты или Федеральной палаты адвокатов. Нарушение положений настоящего пункта влечет за собой прекращение статуса адвоката».

Статус адвоката возобновляется по решению совета, принявшего решение о приостановлении статуса адвоката, на основании личного заявления адвоката, статус которого был приостановлен (п. 5 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

Кодекс профессиональной этики адвоката устанавливает обязательные для каждого адвоката правила поведения при осуществлении адвокатской деятельности, основанные на нравственных критериях и традициях адвокатуры, на международных стандартах и правилах адвокатской профессии, а также основания и порядок привлечения адвоката к ответственности (ст. 1 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Пунктом 1 статьи 3 Кодекса профессиональной этики адвоката предусмотрено, что действие настоящего Кодекса распространяется на адвокатов.

Адвокат при всех обстоятельствах должен сохранять честь и достоинство, присущие его профессии. Необходимость соблюдения правил адвокатской профессии вытекает из факта присвоения статуса адвоката (п. 1, 2 ст. 4 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Адвокат не вправе разглашать без согласия доверителя сведения, сообщенные им адвокату в связи с оказанием ему юридической помощи, и использовать их в своих интересах или в интересах третьих лиц. В любой ситуации, в том числе вне профессиональной деятельности, адвокат обязан сохранять честь и достоинство, избегать всего, что могло бы нанести ущерб авторитету адвокатуры или подорвать доверие к ней, при условии, что принадлежность адвоката к адвокатскому сообществу очевидна или это следует из его поведения (пп.4 п. 1, п. 5 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Из приведённых выше нормативных положений со всей очевидностью следует, что адвокат, приостановивший свой статус, не освобождается от обязанности соблюдать законодательство об адвокатской деятельности и

адвокатуры, включая Кодекс профессиональной этики адвоката. При этом адвокат с приостановленным статусом не вправе заниматься адвокатской деятельностью, и в этот период на него не распространяется действие ряда гарантий, предусмотренных Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Однако обязанности адвоката, включая запреты и ограничения, предусмотренные указанным Федеральным законом и Кодексом профессиональной этики адвоката, он исполнять обязан. Кроме того, нарушение положений пункта 3.1 статьи 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» является самостоятельным основанием прекращения статуса адвоката советом адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, в региональный реестр которого внесены сведения об адвокате (пп. 6 п. 1 ст. 17 того же Федерального закона).

Рассматривая дисциплинарное обвинение, выдвинутое К. в отношении адвоката М., в том, что он, не имея права оказывать квалифицированную юридическую помощь в период, когда его статус адвоката был приостановлен, участвовал в судебном разбирательстве гражданских дел К., чем ввел в заблуждение как К., так и Н. районный суд города Москвы, не сообщив о факте приостановления статуса адвоката, Совет приходит к выводу, что оно нашло свое подтверждение. Адвокат М. с момента приостановления его статуса адвоката 31 января 2017 года и по день рассмотрения настоящего дисциплинарного производства не подавал в Адвокатскую палату города Москвы личное заявление о возобновлении статуса адвоката, решение о возобновлении его адвокатского статуса Советом Адвокатской палаты города Москвы не выносилось, что, в свою очередь, означает, что адвокат М., оказывая К. с 15 марта 2019 года юридическую помощь по трем гражданским делам, находившимся на рассмотрении Н. районного суда города Москвы, нарушил положение п. 3.1. ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

Рассматривая действия адвоката М., выразившиеся в подаче в Н. районный суд города Москвы 21 мая 2019 года и в Н. межрайонный следственный отдел Следственного комитета РФ 21 августа 2019 года письменных заявлений о фальсификации К. доказательств по гражданскому делу, Совет, сопоставляя действия адвоката М. с приведенными выше требованиями Кодекса профессиональной этики адвоката, а также Разъяснения Комиссии Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации (далее ФПА РФ) по этике и стандартам № ... по вопросу допустимости обращения адвокатов в правоохранительные органы, утвержденного Решением Совета ФПА РФ от 17 апреля 2019 года, и Разъяснения Комиссии ФПА РФ по этике и стандартам от 28 июня 2017 года № ... по вопросу предания адвокатом огласке сведений о преступлениях или иных правонарушениях, утвержденного Решением Совета ФПА РФ от 28 июня 2017 года, расценивает указанные действия адвоката М. как недопустимые и направленные на подрыв доверия к адвокатуре.

Так, в Разъяснении Комиссии ФПА РФ по этике и стандартам от 28 июня 2017 года № ... по вопросу предания адвокатом огласке сведений о преступлениях или иных правонарушениях, утвержденном Решением Совета ФПА РФ от 28 июня 2017 года, указано:

«1. ...При оказании доверителю юридической помощи адвокат становится обладателем конфиденциальной информации. Такая информация может касаться как непосредственно предмета поручения, так и иных аспектов жизни или деятельности доверителей и (или) связанных с ними лиц. Как поверенный, допущенный к конфиденциальной информации, адвокат может стать носителем сведений, которые могут определяться как свидетельствующие о том, что доверителем или связанными с ним лицами в прошлом было совершено преступление или иное правонарушение. Доверительные отношения с лицом, которому адвокатом оказывается юридическая помощь, имеют приоритет перед не свойственными институту адвокатуры задачами.

Предание адвокатом таких сведений огласке без согласия доверителя, в том числе путем их опубликования или путем обращения в правоохранительные органы, недопустимо ни при каких обстоятельствах. Данное правило касается сведений о любых совершенных доверителем адвоката или связанных с ним лицами преступлениях или правонарушениях, полученных адвокатом в связи с осуществлением им адвокатской деятельности. При этом не имеет значения, была указанная информация связана с предметом поручения или нет; доверена она адвокату доверителем или получена адвокатом самостоятельно; касается она непосредственно доверителя или связанных с ним лиц.

Действия адвоката по преданию таких сведений огласке, в том числе посредством публичных выступлений адвоката, их публикации, обращения в правоохранительные органы направлены к подрыву доверия к адвокату и являются тяжким дисциплинарным проступком.

2. Кроме того, Кодекс профессиональной этики адвоката предусматривает, что доверия к адвокату не может быть без уверенности в сохранении профессиональной тайны (пункт 1 статьи 6). Профессиональная тайна адвоката (адвокатская тайна) обеспечивает иммунитет доверителя, предоставленный последнему Конституцией Российской Федерации. Соблюдение профессиональной тайны является безусловным приоритетом деятельности адвоката.

В связи с этим предание огласке адвокатом полученных им в связи с осуществлением адвокатской деятельности сведений является нарушением законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) Кодекса профессиональной этики адвоката в части обязанности по сохранению адвокатской тайны.

В качестве исключения из данного правила Кодекс профессиональной этики адвоката предусматривает право адвоката использовать без согласия доверителя сообщенные ему сведения в объеме, который адвокат считает

разумно необходимым для обоснования своей позиции при рассмотрении гражданского спора между ним и доверителем или для своей защиты по возбужденному против него дисциплинарному производству или уголовному делу. К иным исключениям могут быть отнесены ситуации, по отношению к которым международными актами и федеральным законодательством установлен особый правовой режим с учетом требований соблюдения адвокатской тайны.

В остальных случаях действия адвоката по преданию огласке сведений, составляющих адвокатскую тайну, в том числе посредством публичных выступлений адвоката, их публикации, обращения в правоохранительные органы, могут быть квалифицированы как тяжкий дисциплинарный проступок».

Указанные Разъяснения приняты Комиссией ФПА РФ по этике и стандартам и утверждены Советом ФПА РФ в пределах их компетенции, и их соблюдение является обязанностью адвоката, предусмотренной пп. 4 п. 1 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката.

При указанных обстоятельствах Совет приходит к выводу о нарушении адвокатом М. п.п. 2 и 3 ст. 5, п.п. 1, 2, 3, 4, 5, 6 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившемся в том, что адвокат М., считая, что в действиях его доверителя К. содержатся признаки преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 303 УК РФ (фальсификация доказательств по гражданскому делу в суде лицом, участвующим в деле), подал 21 мая 2019 года в Н. районный суд города Москвы и 21 августа 2019 года в Н. межрайонный следственный отдел Следственного комитета РФ заявления о фальсификации К. доказательств по гражданскому делу.

Определяя в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвоката М. за совершённые нарушения, Совет, прежде всего, руководствуется приведённым выше положением пп. 6 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», в соответствии с которым нарушение пункта 3.1 статьи 16 того же Федерального закона является самостоятельным основанием прекращения статуса адвоката советом адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, в региональный реестр которого внесены сведения об адвокате. При этом прекращение статуса по данному основанию даже не требует проведения дисциплинарного разбирательства в отношении адвоката. Тем не менее, Совет, как и Квалификационная комиссия, признал необходимым рассмотреть все выдвинутые против адвоката М. дисциплинарные обвинения в процедуре дисциплинарного производства, обеспечив тем самым полное соблюдение всех гарантий и прав адвоката М., в том числе и как участника дисциплинарного производства, на справедливое разбирательство.

Признавая презумпцию добросовестности адвоката М. опровергнутой в отношении указанных выше дисциплинарных обвинений, Совет принимает во внимание умышленный и грубый характер совершённых адвокатом М. нарушений и отмечает, что его действия, выразившиеся как в оказании доверителю юридической помощи с приостановленным статусом адвоката, то есть, в нарушение прямого законодательного запрета, так и в предании огласке сведений, полученных от доверителя в процессе оказания ему юридической помощи, в том числе, посредством обращения в суд и в правоохранительные органы, посягают на принцип доверительности (фидуциарности) отношений адвоката и доверителя, являющийся основой адвокатской деятельности. Такие действия адвоката М. направлены и ведут к подрыву доверия к адвокатуре как институту гражданского общества как со стороны лиц, обращающихся к адвокатам за квалифицированной юридической помощью, так и со стороны государства, которое наделило адвокатов правом создать публично-правовую корпорацию, основанную на принципах законности, независимости, самоуправления, корпоративности, и предоставило адвокатам широкие права как гарантию их независимости в выполнении основной профессиональной функции – оказывать физическим и юридическим лицам квалифицированную юридическую помощь способами, не противоречащими закону.

Учитывая совокупность указанных обстоятельств, Совет приходит к выводу о несовместимости профессионального поведения адвоката М. с принадлежностью к адвокатскому сообществу и, следовательно, о необходимости применения к нему меры дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката. Применение более мягкой меры дисциплинарной ответственности из числа предусмотренных п. 6 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката Совет считает невозможным как в силу императивных требований п. 3.1 ст. 16 и пп.6 п.1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», так и по той причине, что это давало бы основание считать подобное поведение допустимым для адвоката.

В соответствии с п. 2. ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» статус адвоката может быть прекращен по решению совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, в региональный реестр которого внесены сведения об адвокате ..., на основании заключения квалификационной комиссии при:

1) неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем;

2) нарушении адвокатом норм Кодекса профессиональной этики адвоката;

2.1) незаконном использовании и (или) разглашении информации, связанной с оказанием адвокатом квалифицированной юридической помощи своему доверителю, либо систематическом несоблюдении установленных

законодательством Российской Федерации требований к адвокатскому запросу;

3) неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом решений органов адвокатской палаты, принятых в пределах их компетенции.

Определяя в соответствии с пунктом 7 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката срок, по истечении которого М. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, Совет, учитывая все вышеуказанные обстоятельства, а также отсутствие каких-либо признаков осознания адвокатом М. тяжести совершённых им нарушений, считает необходимым применить в отношении него максимальный размер данного срока - 5 (пять) лет.

Одновременно Совет соглашается с Квалификационной комиссией о необходимости прекращения дисциплинарного производства в отношении адвоката М. вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства в части, касающейся дисциплинарного обвинения в том, что адвокат М. угрожал, что в случае, если К. не откажется от исковых требований о взыскании денежных средств по договору займа (гражданское дело № ...) и не выплатит адвокату М. ... (...) рублей, то адвокат М. обратится в правоохранительные органы с заявлением о возбуждении уголовного дела. Оценка этого дисциплинарного обвинения находится вне компетенции органов адвокатского самоуправления, поскольку адвокатская палата субъекта Российской Федерации и ее органы не уполномочены федеральным законодательством делать выводы о наличии в поведении адвоката признаков уголовно-наказуемого деяния или административного правонарушения. Установление в поведении адвоката (как и любого другого лица) признаков уголовно-наказуемого деяния или административного правонарушения возможно лишь в порядке, предусмотренном соответствующим законодательством. Порядок уголовного судопроизводства на территории Российской Федерации устанавливается Уголовно-процессуальным кодексом (УПК) РФ и является обязательным для судов, органов прокуратуры, органов предварительного следствия и органов дознания, а также иных участников уголовного судопроизводства (ч. 1 и 2 ст. 1 УПК РФ). Следовательно, вопрос о наличии в действиях (бездействии) адвоката М. признаков уголовно наказуемого деяния может быть решен только в порядке, определенном УПК РФ, а дисциплинарное обвинение, выдвинутое заявителем К. в этой части, является недопустимым поводом для возбуждения дисциплинарного производства.

Совет также соглашается с Квалификационной комиссией о необходимости прекращения дисциплинарного производства в оставшейся части вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Так, в части доводов жалобы К. о том, что адвокат М., получив от К. денежные средства в качестве аванса в размере ... рублей, не выдал ему

кассовый чек, ограничившись лишь выдачей расписки от 17 марта 2019 года, Совет отмечает, что адвокат М., приостановив статус адвоката, был не вправе осуществлять адвокатскую деятельность, а потому не мог и оформить в установленном порядке кассовый чек или иной финансовый документ, подтверждающий получение им от доверителя К. денежных средств в качестве вознаграждения за оказание ему юридической помощи, и не мог внести их на расчетный счет или в кассу адвокатского образования. Следовательно, адвокат М. был не вправе в период приостановления статуса адвоката как оказывать доверителю К. юридическую помощь, так и получать от него денежное вознаграждение. По этой причине допущенное адвокатом М. нарушение в этой части полностью охватывается п. 3.1. ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и дополнительной оценки по ст. 25 этого же закона не требует.

Кроме того, адвокат М. не признал претензии К. в том, что он без ведома К. и в его отсутствие отказался от встречного иска и подал новый встречный иск, который не был принят судом. Возражая против этого дисциплинарного обвинения, адвокат М. представил в материалы дисциплинарного производства светокопию заявления К. от 22 марта 2019 года в Н. районный суд города Москвы об отказе от встречного иска. Следовательно, презумпция добросовестности адвоката М. в этой части осталась неопровергнутой.

К аналогичному выводу Совет приходит и при оценке претензий К. в том, что адвокат М. не вернул ему оригиналы заграничных паспортов, банковских документов и доверенности. Адвокат М. отрицает нахождение у него этих документов, а заявитель К. не представил достоверных и достаточных доказательств того, что эти документы были переданы адвокату М. и находятся у него.

На основании изложенного, руководствуясь п. 3.1 ст. 16, пп. 6 п. 1 и пп. 1, 2, 2.1, 3 п. 2 ст. 17, пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 3 п. 6 и п. 7 ст. 18, пп. 1, 2, 8 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил применить к адвокату М. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката за:

- нарушение п. 3.1. ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», выразившееся в том, что адвокат М., имея с 31 января 2017 года приостановленный статус адвоката, оказывал доверителю К. с 15 марта 2019 года юридическую помощь по трем гражданским делам, находившимся на рассмотрении Н. районного суда города Москвы;

- нарушение п. 2 и 3 ст. 5, п.п. 1, 2, 3, 4, 5, 6 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся в том, что адвокат М., считая, что в действиях его доверителя К. содержатся признаки преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 303 УК РФ (фальсификация доказательств по гражданскому делу в суде лицом, участвующим в деле), подал 21 мая 2019

года в Н. районный суд города Москвы и 21 августа 2019 года в Н. межрайонный следственный отдел Следственного комитета РФ заявления о фальсификации К. доказательств по гражданскому делу.

Установить в отношении М. срок, по истечении которого он может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, в 5 (пять) лет.

2. Прекратить дисциплинарное производство, возбуждённое в отношении адвоката М по жалобе К. от 29 сентября 2020 года (вх. № ... от 14.10.2020):

в части, касающейся дисциплинарного обвинения в том, что адвокат М. угрожал, что в случае, если К. не откажется от исковых требований о взыскании денежных средств по договору займа (гражданское дело № ...) и не выплатит адвокату М. ... (...) рублей, то адвокат М. обратится в правоохранительные органы с заявлением о возбуждении уголовного дела, - вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

в оставшейся части - вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

10. Совет применил к адвокату меру дисциплинарной ответственности в виде замечания за нарушение п. 1 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся в том, что в ходе свидания с обвиняемым в следственном изоляторе адвокат передала ему книгу.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 20 января 2021 года адвокат Б. допустила нарушение ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката («никакие пожелания, просьбы или требования доверителя, направленные к несоблюдению закона... не могут быть исполнены адвокатом»), выразившееся в том, что 10 февраля 2020 года в ходе свидания с обвиняемым Т. в ФКУ СИЗО-... УФСИН России по городу Москве, она передала ему книгу Бадиуззамана Саида Нурси «Великое знамение. Часть первая. Наблюдения одного путешественника, спрашивающего у вселенной про своего Создателя» из собрания сочинений «Рисале-и Нут» (издательство Sozler Publications, Istanbul, Turkiye, 1992, 160 с.).

Рассмотрев дисциплинарное производство, Совет соглашается с Заключением Квалификационной комиссии, поскольку оно основано на правильно и полно установленных фактических обстоятельствах.

Так, в Заключении Квалификационной комиссии от 20.01.2019 признаны установленными следующие фактические обстоятельства.

10 февраля 2020 года адвокатом Б. при проведении свидания с обвиняемым Т. в помещении ФКУ СИЗО-... УФСИН России по городу Москве была передана ему книга Бадиуззамана Сида Нурси «Великое

знамение. Часть первая. Наблюдения одного путешественника, спрашивающего у вселенной про своего создателя» из собрания сочинений «Рисале-и Нур». Факт передачи книги при указанных выше обстоятельствах не оспаривается и адвокатом Б.

Квалификационная комиссия верно отметила, что передача адвокатом Б. содержащемуся под стражей обвиняемому Т. указанной книги является нарушением норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, а также о порядке содержания под стражей подозреваемых, обвиняемых в совершении преступлений, в частности, п. 2 ст. 3 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката, ст. 18 Федерального закона от 15 июля 1995 года № 103-ФЗ (ред. от 22.12.2014) «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», п.п. 145, 147 Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, утверждённых Приказом Министерства юстиции России от 14 октября 2005 года № 189 (ред. от 31.05.2018 № 96) (Зарегистрировано в Минюсте России 08.11.2005 № 7139).

При этом адвокат Б. обвиняется заявителем в передаче Т. не просто книги, но материалов, включенных в Федеральный список экстремистских материалов. Однако компетенция Квалификационной комиссии и Совета ограничена установлением в действиях (бездействии) адвоката только признаков дисциплинарного проступка и применением к адвокату мер дисциплинарной ответственности. Установление же в действиях адвоката (как и любого другого лица) признаков уголовно-наказуемого деяния или административного правонарушения возможно лишь в порядке, предусмотренном соответствующим законодательством.

В связи с изложенным установление идентичности книги, переданной адвокатом Б. обвиняемому Т., и книг, включенных в Федеральный список экстремистских материалов, к компетенции органов адвокатского самоуправления не относится. Соответствующий вывод может быть сделан только компетентным государственным органом в порядке, предусмотренном законодательством.

При этом адвокат Б. отрицает свою осведомлённость о включении переданной своему подзащитному книги в Федеральный список экстремистских материалов, утверждая, что считала её книгой религиозного содержания. Каких-либо доказательств обратного в материалах дисциплинарного производства не имеется.

С учетом этого Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признаёт презумпцию добросовестности адвоката Б. в данной части дисциплинарных обвинений не опровергнутой, а дисциплинарное производство в данной части - подлежащим прекращению.

Кроме того, Совет полагает необходимым уточнить квалификацию нарушения, допущенного адвокатом Б., поскольку Квалификационная комиссия, правильно указав в мотивировочной части Заключения на

нарушение п. 1 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката, в резолютивной части не указала на соответствующий пункт указанной статьи. Совет квалифицирует действия Б. как нарушение именно п. 1 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката, поскольку вопрос о нарушении иных требований этой статьи предметом настоящего дисциплинарного производства не является.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвокату Б. за допущенное нарушение, Совет принимает во внимание отсутствие существенного вреда для интересов правосудия и авторитета адвокатуры. Кроме того, Совет учитывает совершение адвокатом Б. дисциплинарного нарушения впервые. При таких обстоятельствах Совет полагает необходимым применить к адвокату Б. меру дисциплинарной ответственности в виде замечания как в наибольшей степени отвечающую требованиям соразмерности и справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренным п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь п. 9 ч. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 1 п. 6 ст. 18, пп.пп. 1, 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил применить к адвокату Б. меру дисциплинарной ответственности в виде замечания за нарушение п. 1 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката («никакие пожелания, просьбы или требования доверителя, направленные к несоблюдению закона... не могут быть исполнены адвокатом»), выразившееся в том, что 10 февраля 2020 года в ходе свидания с обвиняемым Т. в ФКУ СИЗО-... УФСИН России по городу Москве она передала ему книгу Бадиуззамана Саида Нурси «Великое знамение. Часть первая. Наблюдения одного путешественника, спрашивающего у вселенной про своего Создателя» из собрания сочинений «Рисале-и Нут» (издательство Sozler Publications, Istanbul, Turkiye, 1992, 160 с.).

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Б. по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 20 октября 2020 года № ... (вх. № ... от 23.10.2020), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

11. Совет признал презумпцию добросовестности адвоката неопровергнутой и прекратил дисциплинарное производство, поскольку адвокат не совершал действий, направленных на передачу либо попытку передачи флэш-накопителя лицу, содержащемуся под стражей. Предположение администрации СИЗО о намеренном сокрытии

адвокатом флэш-накопителя при проходе в СИЗО является голословным и ничем не подтверждено.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 03 февраля 2021 года дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката В. по представлению Главного управления Министерства юстиции РФ по Москве от 21 октября 2020 года № ..., основанному на информации от начальника ... ФСИН России П. (вх. № ... от 29.10.2020) подлежит прекращению вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушений законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре.

Рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, Заключение Квалификационной комиссии, Совет признаёт фактические обстоятельства правильно установленными Квалификационной комиссией, однако с её выводами соглашается не в полной мере.

Квалификационной комиссией достоверно установлено, что 11 сентября 2020 года в помещении ... ФСИН России в ходе досмотра находящихся при адвокате В. личных вещей до её прохода в следственный кабинет для свидания с подзащитным К. сотрудником следственного изолятора был обнаружен флэш-накопитель «Migex» объемом 4 Gb. Адвокат В. вышеописанные обстоятельства не оспаривает, поясняя, что забыла о том, что этот флэш-накопитель находится в пенале вместе с другими канцелярскими предметами, при этом на нём отсутствует какая-либо информация, относящаяся к К., и она не намеревалась передавать последнему этот флэш-накопитель.

При таких обстоятельствах Квалификационная комиссия пришла к обоснованному выводу о том, что указанный флэш-накопитель был пронесен адвокатом В. на территорию ФКУ СИЗО-... ФСИН России.

Главное управление Министерства юстиции РФ по Москве усматривает в факте проноса адвокатом В. флэш-накопителя на территорию ... ФСИН России нарушение законодательства о порядке содержания подозреваемых и обвиняемых, находящихся под стражей.

Квалификационная комиссия в своем Заключении, сославшись на содержание ст. 18 Федерального закона «О порядке содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», согласно которой защитнику при проведении свидания с подзащитным запрещается проносить на территорию места содержания под стражей технические средства связи, а также технические средства (устройства), позволяющие осуществлять киносъемку, аудио- и видеозапись, пришла к выводу, что флэш-накопитель, являющийся техническим средством (устройством) для хранения в электронном виде информации и не позволяющий при помощи него осуществлять киносъемку, аудио- и видеозапись, не является запрещённым для проноса на территорию следственного предметом.

Совет не может согласиться с этим выводом Квалификационной комиссии в силу следующего.

Приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 14 октября 2005 года № 189 утверждены Правила внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, согласованные с Генеральной прокуратурой Российской Федерации.

Согласно пункту 25 Правил внутреннего распорядка, к запрещенным к хранению и использованию подозреваемыми и обвиняемыми относятся предметы, вещества и продукты питания, которые представляют опасность для жизни и здоровья или могут быть использованы в качестве орудия преступления либо для воспрепятствования целям содержания под стражей, а также не включенные в Перечень предметов первой необходимости, обуви, одежды и других промышленных товаров, а также продуктов питания, которые подозреваемые и обвиняемые могут иметь при себе, хранить, получать в посылках, передачах и приобретать по безналичному расчету (Приложение № 2 к Приказу Министерства юстиции Российской Федерации от 14 октября 2005 года № 189). Флэш-накопитель в указанный Перечень не включен.

При этом в соответствии с абзацем 3 указанного Перечня предметы и вещи, не предусмотренные данным Перечнем, являются запрещенными.

Таким образом, вопреки выводу Квалификационной комиссии, флэш-накопитель, представляющий собой компактное электронное запоминающее устройство, предназначенное для хранения и использования информации в электронных устройствах, включая сотовые телефоны, и не включённый в указанный Перечень предметов, приобретение, хранение или использование которых подозреваемым или обвиняемым, содержащимся в следственных изоляторах, разрешено, является предметом, запрещённым для проноса на территорию следственного изолятора.

Вместе с тем Совет, руководствуясь п. 1 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которому применение мер дисциплинарной ответственности, предусмотренных законодательством об адвокатской деятельности и адвокатуре и настоящим Кодексом, влечёт только нарушение адвокатом требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и настоящего Кодекса, совершенное умышленно или по грубой неосторожности, приходит к выводу об отсутствии доказательств наличия в действиях адвоката В. умысла или грубой неосторожности, а следовательно, и дисциплинарного нарушения.

Квалификационная комиссия правильно указала в Заключение на то, что каких-либо действий, направленных на передачу либо попытку передачи флэш-накопителя лицу, содержащемуся под стражей, адвокатом В. не совершено. Из документов, составленных сотрудниками следственного изолятора, а также из объяснений адвоката В. следует, что флэш-накопитель был обнаружен в добровольно представленном ею для досмотра пенале и изъят у неё до прохода в следственный кабинет и начала свидания с обвиняемым К.

Какие-либо доказательства намеренного сокрытия адвокатом В. указанного флэш-накопителя при проходе в СИЗО также отсутствуют. Предположение об этом администрации СИЗО, ссылка на которое содержится в представлении Главного управления Министерства юстиции РФ по Москве, является голословным и ничем не подтверждено. Объяснения же адвоката В. о том, что она просто забыла о находящемся в её пенале вместе с другими предметами флэш-накопителе, и о том, что на нём отсутствует какая-либо информация, относящаяся к лицу, для свидания с которым она пришла в СИЗО, не опровергнуты.

Запись видеорегистратора, на которой, как следует из Протокола личного досмотра, досмотра вещей, находящихся при физическом лице от 11 сентября 2020 года, запечатлен досмотр вещей адвоката В., в материалах дисциплинарного производства не представлена.

При таких обстоятельствах Совет признаёт презумпцию добросовестности адвоката В. неопровергнутой, а дисциплинарное производство – подлежащим прекращению.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального Закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката В. по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 21 октября 2020 года № ..., основанному на информации начальника ... ФСИН России П. (вх. № ... от 29.10.2020), вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре.

12. Адвокату объявлено предупреждение за неучастие в производстве следственного действия с участием подзащитного и подписание протокола этого следственного действия постфактум.

Квалификационная комиссия 03 февраля 2021 года вынесла Заключение, в соответствии с которым адвокатом М. допущено ненадлежащее, вопреки предписаниям пп. 1, п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение своих профессиональных обязанностей перед доверителем П. («честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителей...» и «Участвуя... в судопроизводстве..., адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства..., следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав доверителя ходатайствовать об их устранении»), выразившееся в его неучастии 10 марта 2020 года в производстве очной ставки между обвиняемым П. и потерпевшей Р. и в подписании протокола очной ставки между

обвиняемым П. и потерпевшей Р. по уголовному делу № ... от 10 марта 2020 года уже после окончания ее производства.

Заявитель жалобы П. в заседании Совета сообщил, что Заключение Квалификационной комиссии получил и с ним полностью согласен. Считает нарушения, допущенные адвокатом М. грубыми и несовместимыми со статусом адвоката.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав заявителя П., соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и её выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

Так, в результате рассмотрения дисциплинарного производства установлено, что в производстве СО ОМВД России по району ... города Москвы находилось уголовное дело № ... .

10 августа 2020 года в помещении ФКУ СИЗО-... УФСИН России по городу Москве следователем СО ОМВД России по району ... города Москвы С. оформлен протокол очной ставки между обвиняемым П. и потерпевшей Р. В протоколе указано, что очная ставка проводилась 10 августа 2020 года в период с 16.00 час. до 17.20 час. с участием защитника – адвоката М.

13 августа 2020 года П. подал следователю СО ОМВД России по району ... города Москвы С. ходатайство следующего содержания: *«Прошу Вас поменять мне адвоката. В связи с тем, что мой адвокат М. неквалифицированно проводит свою работу. А именно на очной ставке 10.08.2020 г. не присутствовал, опоздал, и следователь С. допрашивал меня без его участия, сказав, что встретит М на выходе из СИЗО-... и что нужно потом подпишет. Данный факт можно подтвердить по журналу пропусков СИЗО-... . Тем самым исходя из других доводов, которые у меня есть, считаю их, М. и С., сговор, чтоб запутать следствие, тем самым нарушены мои права. Отказываюсь от адвоката М.»*.

После 13 августа 2020 года адвокат М. защиту П. не осуществлял, о чем сообщил в своих письменных объяснениях.

22 сентября 2020 года адвокат Л. направил на имя начальника ФКУ СИЗО-... УФСИН России по городу Москве М. письменный запрос № ... , содержащий просьбу предоставить сведения о посещении П. 10 августа 2019 года в следственном изоляторе адвокатом-защитником М.

В представленном совместно с жалобой П. ответе начальника ФКУ СИЗО-... УФСИН России по городу Москве М. № ... от 29 сентября 2020 года на Адвокатский запрос адвоката Л. № ... от 21 сентября 2020 года указано: *«На Ваш запрос № ... сообщаем о том, что согласно данным «Журнала вызова подозреваемых, обвиняемых и осужденных в следственную часть ФКУ СИЗО-... УФСИН России по г. Москве» П., 1977 г.р. за период 10.08.2020 г. с 14:40 по 17:20 посещения осуществляли следователь С. и потерпевшая Р.»*.

02 февраля 2020 года П. был дополнительно допрошен следователем СО ОМВД России по району ... города Москвы С. в качестве обвиняемого по уголовному делу № ... . В своих дополнительных показаниях он пояснил, что

10 августа 2020 года очная ставка между ним и потерпевшей Р. производилась следователем С. в отсутствие адвоката М. Дополнительный допрос П. производился при участии адвоката Л. В этот же день следователем С. была произведена очная ставка между обвиняемым П. и 3 потерпевшей Р. При этом в протоколе очной ставки от 10 августа 2020 года и протоколе очной ставки от 02 февраля 2021 года участниками очных ставок даны аналогичные показания. Очная ставка производилась при участии адвокатов Л. и Л.

Из протокола очной ставки между обвиняемым П. и потерпевшей Р. от 10 августа 2020 года усматривается, что он подписан без замечаний всеми лицами, участвующими в очной ставке, в том числе адвокатом-защитником М. При этом заявитель П. в своей жалобе указывает, что очная ставка проходила в отсутствие защитника М.

Как указано выше, своё ходатайство от 13 августа 2020 года об отказе от защитника М., заявленное следователю СО ОМВД России по району ... города Москвы С., П. мотивировал тем, что последний не участвовал 10 августа 2020 года при производстве очной ставки.

Это утверждение П. подтверждается ответом начальника ФКУ СИЗО- ... УФСИН России по городу Москве М. № ... от 29 сентября 2020 года, из которого следует, что 10 августа 2020 года в период с 14.40 по 17.20 час. П. посещали только следователь СО ОМВД России по району ... города Москвы С. и потерпевшая Р.

02 февраля 2021 года П. в ходе дополнительного допроса еще раз подтвердил, что адвокат М. 10 августа 2020 года не участвовал в производстве очной ставки между ним и потерпевшей Р. В этот же день следователем СО ОМВД России по району ... города Москвы С. повторно была проведена очная ставка между обвиняемым П. и потерпевшей Р.

Совет признаёт изложенные выше фактические обстоятельства достоверно установленными Квалификационной комиссией и приходит к выводу о том, что 10 августа 2020 года в помещении ФКУ СИЗО-... УФСИН России по городу Москве СО ОМВД России по району ... города Москвы С. произвел очную ставку между обвиняемым П. и потерпевшей Р. в отсутствие адвоката М., после чего, представил последнему протокол уже состоявшейся очной ставки для ознакомления и подписания, и этот протокол был подписан адвокатом М.

Доводы адвоката М. о том, что 10 августа 2020 года он прибыл на территорию ФКУ СИЗО-... УФСИН России по городу Москве и подписал протокол очной ставки между обвиняемым П. и потерпевшей Р., Советом не принимаются, поскольку они не только ничем объективно не подтверждены, но и опровергаются документами, содержащимся в материалах дисциплинарного производства. Сам по себе факт повторного проведения очной ставки между обвиняемым П. и потерпевшей Р. также свидетельствует о фактическом признании органом следствия в качестве недопустимого доказательства протокола очной ставки между обвиняемым П. и потерпевшей Р. от 10 августа 2020 года.

Подпунктом 1 пункта 1 статьи 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и пунктом 1 статьи 8 Кодекса профессиональной этики адвоката предусмотрена обязанность адвоката честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные 4 интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами.

Участвуя или присутствуя на судопроизводстве, адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства (ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката).

При указанных обстоятельствах Совет считает презумпцию добросовестности адвоката М. опровергнутой заявителем П., а вину адвоката в ненадлежащем, вопреки предписаниям пп. 1, п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении своих профессиональных обязанностей перед доверителем П., что выразилось в неучастии адвоката М. 10 марта 2020 года в производстве очной ставки между обвиняемым П. и потерпевшей Р. и в подписании протокола очной ставки между обвиняемым П. и потерпевшей Р. по уголовному делу № ... от 10 марта 2020 года уже после окончания ее производства, доказанной.

Определяя в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвоката М. за неисполнение, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, своих профессиональных обязанностей перед доверителем П., Совет учитывает умышленный, грубый характер данного нарушения, свидетельствующий об игнорировании адвокатом М. требований уголовно-процессуального законодательства.

Одновременно с этим Совет учитывает то обстоятельство, что адвокат М. ранее к дисциплинарной ответственности не привлекался. Каких-либо данных, свидетельствующих о том, что положение заявителя П. в результате этих действий адвоката М. существенно и необратимо ухудшилось, в материалах дисциплинарного производства не имеется.

При таких обстоятельствах Совет полагает необходимым применить к адвокату М. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 6 ст. 18, пп. 1 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил применить к адвокату М. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы), меру

дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за ненадлежащее, вопреки предписаниям пп. 1, п. 1 ст. 7 5 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение своих профессиональных обязанностей перед доверителем П. («честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителей...») и «Участвуя... в судопроизводстве..., адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства..., следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав доверителя ходатайствовать об их устранении»), выразившееся в его неучастии 10 марта 2020 года в производстве очной ставки между обвиняемым П. и потерпевшей Р. и в подписании протокола очной ставки между обвиняемым П. и потерпевшей Р. по уголовному делу № ... от 10 марта 2020 года уже после окончания ее производства.

13. Совет прекратил дисциплинарное производство, поскольку доводы представления о том, что адвокаты отказались от ознакомления с протоколом следственного действия, не нашли своего подтверждения.

Помимо этого, не нашли своего подтверждения доводы о том, что адвокат пыталась незаконно, минуя администрацию СИЗО, вынести из учреждения лист бумаги с текстом, написанным доверителем.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 03 марта 2021 года дисциплинарное производство в отношении адвокатов С. и Р. подлежит прекращению вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвокатов нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат С. в заседании Совета подтвердила своевременность получения Заключения, ознакомление с ним, с выводами Комиссии согласилась. Адвокат Р. в заседании Совета также подтвердил своевременность получения Заключения, ознакомление с ним, с выводами Комиссии согласился. Отвечая на вопросы членов Совета, адвокаты С. и Р. пояснили, что по уголовному делу сейчас происходит ознакомление с материалами в порядке ст. 217 УПК РФ; они по-прежнему продолжают осуществлять защиту.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав адвокатов С., Р., в полном объеме соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и её выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

Так, установлено, что в производстве Следственного комитета РФ находится уголовное дело № ..., возбужденное 21 февраля 2012 года по признакам преступлений, предусмотренных п. «а», «в» и «ж» ч. 2 ст. 126, п. «а» и «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ. По данному уголовному делу М. предъявлено обвинение в совершении преступлений, предусмотренных ст. 210.1, ч. 4 ст.

210, ч. 1 ст. 209, п. «а», «ж» и «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ. С 09 июля 2020 года защиту М. осуществляют защитники по соглашению – адвокаты С. и Р.

29 октября 2020 года с 13.54 час. по 17.45 час. и 03 ноября 2020 года с 13.40 час. по 17.11 час. в помещении ФКУ СИЗО-... ФСИН России следователями следственной группы Б., Б.К и Н. производилась очная ставка с ведением видеозаписи между обвиняемыми К. и М. при участии защитника К. – адвоката С.А. и защитника М. – адвоката С. В протоколе очной ставки имеется отметка следователя о том, что обвиняемый М. и адвокат С. от подписи отказались.

В этот же день в ходе проведения личного досмотра адвоката С. заместителем начальника дневной смены отдела режима и охраны ФКУ СИЗО-... ФСИН России Г.А. был обнаружен лист формата А4 с рукописным текстом следующего содержания: *«Я, М. 1964 г.р. 19 июля. Даю согласие своему защитнику С. на выступление, интервью, публикации в СМИ и социальных сетях по моему делу с указанием данных о моей личности и иных данных на её усмотрение. 3 ноября 2020 года»*, о чем был составлен соответствующий протокол, к которому адвокат С. приобщила собственноручное объяснение следующего содержания: *«По факту обнаружения рукописного заявления М. о представлении мне полномочий выступать в СМИ и публиковать материалы в соц. сетях хочу пояснить, что на столе в следственном кабинете № 7 наши бумаги – мои и М. – листы А4 перемешались. Данное заявление было подготовлено им себе, в качестве образца. И видимо, неумышленно, случайно, тем более ввиду резкого ухудшения состояния здоровья, из-за поведения сотрудников СК и сотрудников ФСИН, в частности Г.А., который в течении 2,5 часов игнорировал мои просьбы по вызову врача и необходимости посещения туалета. Данные обстоятельства могли повлиять на то, что я могла случайно взять на столе что-то из бумаг М. помимо своих документов»*. На указанном объяснении указано время 21.00 час.

19 ноября 2020 года с 12.37 час. по 14.52 час. в кабинете № 318 СК РФ следователем М. Д. производилась очная ставка между обвиняемыми И. и М., в ходе которой осуществлялась видеозапись. Очная ставка производилась при участии защитника И. – адвоката О. и защитников М. – адвокатов С. и Р.

В 19.45 час. следователь М.Д. предоставил обвиняемому М. для ознакомления протокол очной ставки. В 20.11 час. несколько листов протокола очной ставки были предоставлены для ознакомления адвокату С. В протоколе очной ставки между обвиняемыми И. и М. имеется отметка следователя М.Д. о том, что обвиняемый М. и адвокат Р. от подписи отказались. Адвокат С. подписала первые девять листов протокола очной ставки.

Рассматривая доводы представления о том, что адвокат С. 03 ноября 2020 года отказалась от продолжения ознакомления с протоколом очной ставки между обвиняемыми К. и М., видеозаписью к нему и в 19.00 час. покинула помещение следственного кабинета, не подписав протокол очной ставки и не удостоверив факт отказа от подписи ее подзащитного М., Совет признаёт, что

они не нашли своего подтверждения в ходе рассмотрения настоящего дисциплинарного производства.

В своих устных и письменных объяснениях адвокат С. указывает, что 03 ноября 2020 года она и обвиняемый М. не отказывались от ознакомления и подписания протокола очной ставки между обвиняемыми К. и М., а наоборот, следователи Б., Б.К. и Н. покинули следственный кабинет и территорию ФКУ СИЗО-... ФСИН России.

Как указано выше, очная ставка между обвиняемыми К. и М. производилась два дня (29 октября и 03 ноября 2020 года) и фиксировалась на видеозапись. 03 ноября 2020 года очная ставка была возобновлена в 13.40 час. и с перерывами фактически продолжалась до 17.11 час. После окончания очной ставки в 17.58 час. следователем был составлен её протокол, затем адвокату С. и обвиняемому М. было предложено ознакомиться с ним и видеозаписью очной ставки продолжительностью восемь часов, после чего подписать протокол очной ставки.

Поскольку в период времени с 17.58 час. до 22.00 час. 03 ноября 2020 года, учитывая необходимость объявления перерыва для принятия М. пищи, было очевидно невозможно ознакомиться в полном объеме с протоколом очной ставки на сорока листах и видеозаписью продолжительностью восемь часов, адвокат С., действуя разумно и добросовестно, ходатайствовала о приостановлении и отложении ознакомления с протоколом очной ставки на другую дату, в чем ей было отказано, а в протоколе очной ставки следователем было указано, что адвокат С. и обвиняемый М. от подписи отказались.

Из объяснений адвоката С. также следует, что после того, как М. увели из следственного кабинета для приема пищи, ей стало плохо, и она попросила вызвать врача. Спустя продолжительное время вместо врача в следственный кабинет пришел сотрудник ФКУ СИЗО-... ФСИН России, который представился медицинским работником и дал адвокату С. две таблетки валерианы. После этого адвокат С. сообщила следователям следственной группы, что дальше не может продолжать знакомиться с протоколом очной ставки в связи с плохим самочувствием.

Объяснения адвоката С. в указанной части заявителем не опровергнуты.

Вместе с тем, из протокола личного досмотра, досмотра вещей, записей, находящихся при адвокате С., усматривается, что он был составлен 03 ноября 2020 года в 19.50 час., что опровергает доводы представления о том, что адвокат С. в 19.00 час. покинула следственный кабинет. К этому протоколу адвокат С. приобщила собственноручные объяснения, в которых, в том числе, указала, что у нее резко ухудшилось состояние здоровья из-за поведения сотрудников СК РФ и сотрудников ФКУ СИЗО-... ФСИН России. На заявлении стоит время 21.00 час. Кроме того, 04 ноября 2020 года адвокат С. была вынуждена обратиться в Городскую поликлинику № ... Департамента Здравоохранения города Москвы за оказанием медицинской помощи.

Учитывая установленные обстоятельства, Совет приходит к выводу о том, что адвокат С. 03 ноября 2020 года не отказывалась подписывать протокол

очной ставки между обвиняемыми К. и М. и не нарушила нормы законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Рассматривая доводы представления о том, что 03 ноября 2020 года после окончания свидания с обвиняемым М., в ходе досмотра вещей, у адвоката С. был обнаружен и изъят лист бумаги формата А4 с указанным выше текстом, написанным М., который адвокат С. незаконно, минуя администрацию ФКУ СИЗО-... ФСИН России, пыталась вынести с территории учреждения, Совет отмечает, что согласно Федеральному закону от 15 июля 1995 года № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», подозреваемым и обвиняемым в совершении преступлений, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, разрешается вести переписку с родственниками и иными лицами без ограничения числа получаемых и отправляемых телеграмм и писем; переписка подозреваемых и обвиняемых осуществляется только через администрацию места содержания под стражей и подвергается цензуре; цензура осуществляется администрацией места содержания под стражей, а в случае необходимости лицом или органом, в производстве которых находится уголовное дело (ч. 1 и 2 ст. 20). При этом частью 4 ст. 32 того же закона установлено, что переговоры, передача каких-либо предметов и переписка подозреваемых и обвиняемых с лицами, находящимися на свободе, осуществляются в соответствии с требованиями настоящего Федерального закона.

Органы адвокатского самоуправления в своей дисциплинарной практике, ориентируясь на утвержденные Министерством юстиции РФ «Правила внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы» (Приказ от 14 октября 2005 г. № 189 с последующими изменениями и дополнениями), исходят из запрета на передачу адвокатом подзащитному сведений, которые могут препятствовать установлению истины по уголовному делу или способствовать совершению преступления (см., например, Вестник Адвокатской палаты города Москвы. Выпуск №2 (132) за 2016. С. 73-74). Но документы и записи, относящиеся к уголовному делу, либо касающиеся вопросов реализации прав и законных интересов обвиняемых, не относятся к запрещенным предметам, и обвиняемый вправе иметь их при себе и хранить. Наличие у содержащегося под стражей лица при себе и/или передача защитнику таких документов и записей, которые как самостоятельная правовая категория прямо исключены законодателем из числа так называемых запрещенных предметов, не может рассматриваться как нарушение законодательства и Правил внутреннего распорядка СИЗО, в частности, как незаконная переписка.

На обнаруженном у адвоката С. листе формата А4, содержится заявление доверителя адвоката С. - М., адресованное ей и освобождающее её от обязанности хранить профессиональную тайну, а именно разрешающее ей выступать, давать интервью и делать публикации в средствах массовой

информации и социальных сетях по уголовному делу, в котором М. является обвиняемым.

В этой связи Совет обращает внимание на то, что в соответствии с п. 3 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката согласие доверителя на прекращение действия адвокатской тайны должно быть выражено в присутствии адвоката в условиях, исключающих воздействие на доверителя со стороны адвоката и третьих лиц.

С учетом изложенного указанное заявление обвиняемого М. является документом адвокатского производства и не может расцениваться как переписка с родственниками и иными лицами, которая по смыслу ч. 1 и 2 ст. 20 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» осуществляется через администрацию СИЗО и подлежит цензуре. Оно представляет собою документ, связанный с осуществлением адвокатом С. профессиональной деятельности.

Кроме того, Совет обращает внимание на пояснение адвоката С., что изъятый у нее лист бумаги с текстом попал к ней случайно, и этот довод заявителем не опровергнут. При этом дисциплинарная ответственность может наступить, при наличии оснований для этого, только за нарушение, совершённое адвокатом умышленно или по грубой неосторожности.

С учетом изложенного, Совет признаёт не опровергнутой презумпцию добросовестности адвоката С. в части, касающейся дисциплинарного обвинения в том, что она 03 ноября 2020 года после окончания свидания с обвиняемым М. незаконно, минуя администрацию ФКУ СИЗО-... ФСИН России, пыталась вынести с территории учреждения лист бумаги формата А4 с текстом, написанным М.

Рассматривая доводы представления о том, что 19 ноября 2020 года в 19.45 час. защитникам М. – адвокатам С. и Р. представлен для ознакомления протокол очной ставки между обвиняемыми М. и И., однако защитник С. «вместо ознакомления с протоколом следственного действия постоянно пользовалась мобильным устройством, в результате этого по состоянию на 21.19 час., то есть через 1.34 час, она ознакомилась лишь с тремя листами протокола, подписала девять листов протокола, при этом пометив на каждом листе протокола время ознакомления, не соответствующее действительности, а защитник Р. отказался от ознакомления с протоколом очной ставки и от его подписания», Совет обращает внимание на то, что дисциплинарные обвинения в указанной части являются неконкретными и ничем не подтверждены. Так, в представлении не указано, в какой именно момент на представленных в материалы дисциплинарного производства видеозаписях очной ставки между обвиняемыми М. и И. защитник С. вместо ознакомления с протоколом следственного действия пользуется мобильным устройством и в чём именно это «пользование» выражается, вследствие чего проанализировать доводы представления в указанной части не представляется возможным. Адвокат С. указала в своих объяснениях, что пользовалась смартфоном для того, чтобы

делать в нем пометки по мере ознакомления с протоколом очной ставки от 19 ноября 2020 года и смотреть в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» положения УПК РФ, указанные следователем в протоколе очной ставки, что не запрещено уголовно-процессуальным законодательством. Эти доводы адвоката заявителем не опровергнуты.

Как следует из содержания письменных объяснений адвоката Р., 19 ноября 2020 года в 19.45 час. обвиняемому М. для ознакомления был предъявлен протокол очной ставки от 19 ноября 2020 года между ним и обвиняемым И. Обвиняемый М. начал знакомиться с указанным протоколом и передавать по одному листу протокола для ознакомления другому обвиняемому - И. Адвокаты С. и Р. не могли знакомиться с указанным протоколом, поскольку с ним знакомились другие участники процессуального действия.

Протокол очной ставки между обвиняемыми М. и И. в полном объеме был предъявлен для ознакомления адвокату С. только в 21.37 час. Следователь М.Д. предъявил адвокату Р. копию протокола очной ставки, которая не была заверена надлежащим образом, не подписана следователем, а представляла собой «набор разрозненных листов», и предложил адвокату Р. ознакомиться с этой копией. В связи с «неустановленной природой вышеуказанного документа» адвокат Р. попросил у следователя М.Д. лично произвести проверку аутентичности текста светоконии протокола очной ставки с текстом, находящемся в компьютере следователя. Однако следователь М.Д. отказал адвокату Р. в этом.

Как следует из письменных объяснений адвоката С., 19 ноября 2020 года она добросовестно знакомилась с предоставленными листами протокола очной ставки между обвиняемыми М. и И., напечатанном на 41 листе, в спокойном и достаточном темпе, делая необходимые пометки, как рукописно в блокноте, так и в своем мобильном устройстве. Указание о том, что адвокат С. ознакомилась только с тремя листами протокола очной ставки от 19 ноября 2020 года, не соответствует содержанию указанного протокола.

Помимо письменных объяснений адвоката С., указанные обстоятельства подтверждаются представленной адвокатом аудиозаписью событий, произошедших в помещении следственного органа 19 ноября 2020 года. Из содержания аудиозаписей усматривается, что следователь следственной группы М.Д. предоставил для ознакомления адвокату С. все листы протокола очной ставки между обвиняемыми М. и И. только в 21.37 час. Видеозаписи, приложенные к представлению заявителя, также подтверждают обстоятельства, изложенные адвокатами С. и Р. Из указанных видеозаписей усматривается, что протокол очной ставки между обвиняемыми М. и И. 19 ноября 2020 года в 19.45 час. представлен для ознакомления обвиняемому М., а не его защитникам – адвокатам С. и Р. Причем адвокат Р. не отказывался от ознакомления и подписания протокола очной ставки, а просил у следователя М.Д. предоставить ему возможность ознакомиться с теми листами протокола очной ставки между обвиняемыми М. и И., который адвокат Р. в дальнейшем будет подписывать.

С учётом изложенного Совет признаёт установленным, что 19 ноября 2020 года следователь М.Д. не предоставил адвокату Р. для ознакомления протокол очной ставки между обвиняемыми М. и И. от 19 ноября 2020 года.

Совет также отмечает, что в ходе ознакомления адвоката С. с протоколом очной ставки между обвиняемыми М. и И. следователь М.Д. неоднократно сообщал адвокату С., что она не вправе переписывать содержание протокола очной ставки, делать из него какие-либо выписки, предлагал ознакомиться с протоколом только путем личного прочтения, что очевидно было направлено на незаконное ограничение полномочий защитника, предусмотренных пп. 6 ч. 1 ст. 53 УПК РФ.

При таких обстоятельствах Совет признаёт презумпцию добросовестности адвокатов С. и Р. не опровергнутой также и в данной части и приходит к выводу о том, что адвокаты не допустили нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

1. Прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката С. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 25 ноября 2020 года № ..., основанному на обращении врио начальника ФКУ СИЗО-... ФСИН России Г. от 04 ноября 2020 года и старшего следователя по особо важным делам при Председателе СК РФ Х. от 11 ноября 2020 года (вх. № ... от 30.11.2020), и по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 11 января 2021 года № ..., основанному на обращении старшего следователя по особо важным делам при Председателе СК РФ Х. от 07 декабря 2020 года (вх. № ... от 27.01.2021) вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

2. Прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Р. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 11 января 2021 года № ..., основанному на обращении старшего следователя по особо важным делам при Председателе СК РФ Х. от 07 декабря 2020 года (вх. № ... от 27.01.2021), вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

14. Адвокату объявлено предупреждение за указание в адвокатском запросе не соответствующей действительности

информации, связанной с обвинением в совершении тяжкого преступления.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 31 марта 2021 года адвокатом К. нарушены пп. 1 п. 3 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 2 ст. 5 «Кодекса профессиональной этики адвоката, что выразилось в направлении адвокатом 11 августа 2020 года адвокатского запроса в адрес руководителя Второго М. кадетского Корпуса МЧС с просьбой о предоставлении характеристики на учащегося Д. и сведений о его спортивной подготовке с указанием в запросе не соответствующей действительности информации о покушении несовершеннолетним Д. на убийство З. и его жены, допустив тем самым действия, направленные к подрыву доверия к адвокату.

Одновременно с этим Квалификационной комиссией в Заключении указано о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбуждённого в отношении адвоката К. по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 10 декабря 2020 года № ... (вх. № ... от 21.12.2020), основанному на жалобе С. от 19 ноября 2019 года, вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, выслушав адвоката К., Совет соглашается с выводами Квалификационной комиссии, поскольку они основаны на правильно и полно установленных фактических обстоятельствах.

Так, установлено, что 22 июля 2020 года мировым судьёй судебного участка № ... И. судебного района М. области Ш. было рассмотрено дело об административном правонарушении в отношении З., который обвинялся в том, что 1 мая 2020 года в ходе конфликта нанёс один удар кулаком в область головы несовершеннолетнему Д., причинив ему телесные повреждения в виде ушиба и кровоподтёка шеи, повлекшие физическую боль, но не повлекшие последствий, указанных в ст. 115 УК РФ.

Защиту З. осуществляла адвокат К., которая в судебном заседании пояснила, что Д. вместе с группой лиц напал на З., причинив ему телесные повреждения, и, кроме этого, угрожал З. и его жене убийством с применением острого предмета, при этом З. не наносил ударов Д. Просила производство об административном правонарушении в отношении З. прекратить.

В постановлении мирового судьи также указано, что в отделе полиции городского округа И. проводилась проверка по заявлению З. о его избитии Д. и другими лицами, по которому принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела.

Суд, исследовав материалы дела, пришёл к выводу о виновности З. в инкриминированном ему деянии, указав в постановлении: «Вина З. подтверждается видеозаписью, на которой видно, что 01.05.2020 года Д. быстрым шагом направляется к З. и его жене. З., обернувшись и увидев Д.,

также быстрым шагом направился к нему. Подойдя друг к другу, З. первым наносит удар кулаком в область головы Д. ...». По результатам рассмотрения дела об административном правонарушении, З. был признан виновным и подвергнут наказанию в виде штрафа в размере 6 000 рублей.

Решением И. городского суда М. области от 15 сентября 2020 года постановление мирового судьи судебного участка № ... И. судебного района М. области Ш. от 22 июля 2020 года оставлено без изменения, а жалоба З. без удовлетворения.

11 августа 2020 года адвокат К. направила адвокатский запрос во Второй М. кадетский Корпус МЧС с просьбой о предоставлении характеристики на учащегося Д., а также сведений о его спортивной подготовке. При этом, зная об указанных выше результатах рассмотрения дела об административном правонарушении в отношении З., адвокат К. включила в адвокатский запрос не соответствующую действительности информацию о покушении несовершеннолетним Д. на убийство З. и его жены.

В своих объяснениях адвокат К. указала, что сведения, изложенные в адвокатском запросе, не являются тайными, поскольку подтверждаются видеозаписью и соответствуют её позиции, изложенной в жалобе на постановление мирового судьи Ш. от 22 июля 2020 года.

Квалификационной комиссией в Заключении правильно отмечено, что неверные и неподтверждённые сведения, включённые адвокатом К. в адвокатский запрос, о совершении Д. покушения на убийство З. и его жены послужили основанием для обращения с жалобой матери несовершеннолетнего Д. – С. (представлявшей интересы сына в судебном заседании при рассмотрении дела об административном правонарушении в отношении З.) на действия адвоката К. в Главное управление Министерства юстиции Российской Федерации по Москве, с направлением копии жалобы Уполномоченному при Президенте Российской Федерации по правам ребёнка Кузнецовой А.Ю. В жалобе С. указала: «Со мной связались из учебного заведения, в котором обучается мой сын и стали задавать вопросы о том, кого пытался убить мой сын, и почему я об этом не сообщила в Корпус. Я была шокирована, потрясена и потеряла дар речи. Ознакомившись с запросом, я поняла, что К., наверное, специально и умышленно указала в нём заведомо ложные сведения, порочащие честь и достоинство моего сына, обвинив его в покушении на убийство..., оскорбив перед руководством учебного заведения, унизив в глазах коллектива, чем нанесла ему непоправимую психологическую травму».

В соответствии с пп. 1 п. 3 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», адвокат вправе собирать сведения, необходимые для оказания юридической помощи, в том числе запрашивать справки, характеристики и иные документы из органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и иных организаций в порядке, предусмотренном статьей 6.1 настоящего Федерального закона.

«Кодекс профессиональной этики адвоката устанавливает обязательства для каждого адвоката правила поведения при осуществлении адвокатской деятельности, основанные на нравственных критериях и традициях адвокатуры, на международных стандартах и правилах адвокатской профессии...» (ст. 1 Кодекса профессиональной этики адвоката).

«Адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре» (ч. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Квалификационная комиссия по результатам рассмотрения дисциплинарного производства пришла к выводу, что адвокат К., направив адвокатский запрос во Второй М. кадетский Корпус МЧС с просьбой о предоставлении характеристики на учащегося Д. и сведений о его спортивной подготовке, внесла в него не соответствующую действительности информацию о покушении несовершеннолетним Д. на убийство З. и его жены, зная о результатах рассмотрения дела об административном правонарушении в отношении З., чем нарушила пп. 1 п. 3 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, допустив при направлении адвокатского запроса действия, направленные к подрыву доверия к адвокату.

Совет соглашается с выводами Квалификационной комиссии и признаёт презумпцию добросовестности адвоката К. в части указанного выше дисциплинарного обвинения опровергнутой, а её вину в совершении этого нарушения доказанной.

Совет соглашается и с выводом Квалификационной комиссии о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката К. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката. В Заключение Квалификационной комиссии приведены достаточные обоснования этого вывода, с которыми Совет также соглашается.

Адвокат при осуществлении профессиональной деятельности обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально, своевременно, активно отстаивать и защищать права, свободы и законные интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, законом и Кодексом профессиональной этики адвоката. Адвокат обязан соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката (пп. 1 и 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката).

За неисполнение либо ненадлежащее исполнение своих обязанностей адвокат несет ответственность, предусмотренную Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (п. 2 ст. 7 названного Закона).

Нарушение адвокатом требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и настоящего Кодекса, совершенное умышленно или по грубой неосторожности, влечет применение мер дисциплинарной ответственности, предусмотренных законодательством об адвокатской деятельности и адвокатуре и настоящим Кодексом (п. 1 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Определяя в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвоката К. за совершенные дисциплинарные проступки, Совет принимает во внимание их умышленный характер, обусловленный очевидным пренебрежением со стороны адвоката К. требованиям Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодекса профессиональной этики адвоката. Вместе с тем Совет учитывает, что адвокат К. признала допущенное ею нарушение, ранее к дисциплинарной ответственности не привлекалась. Учитывая эти обстоятельства, Совет полагает необходимым применить к адвокату К. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 1 п. 6 ст. 18 и пп. 1, 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

1. Применить к адвокату К. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за допущенные нарушения пп. 1 п. 3 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 2 ст. 5 «Кодекса профессиональной этики адвоката, что выразилось в направлении адвокатом 11 августа 2020 года адвокатского запроса в адрес руководителя Второго М. кадетского Корпуса МЧС с просьбой о предоставлении характеристики на учащегося Д. и сведений о его спортивной подготовке с указанием в запросе несоответствующей действительности информации о покушении несовершеннолетним Д. на убийство З. и его жены, допустив тем самым действия, направленные к подрыву доверия к адвокату.

2. Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката К., возбужденное по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 10 декабря 2020 года № ... (вх. № ... от 21.12.2020), основанному на жалобе С. от 19 ноября 2019 года, вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

15. Совет прекратил дисциплинарное производство, поскольку в действиях адвоката отсутствовали нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая КПЭА.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 31 марта 2021 года дисциплинарное производство в отношении адвоката П. по дисциплинарным обвинениям в ненадлежащем исполнении профессиональных обязанностей в период до 19 января 2019 года, включая обвинения в ненадлежащем оказании юридической помощи при допросах Л. в качестве свидетеля 24 июля 2018 года и 22 августа 2018 года, при проведении 10 сентября 2018 года очной ставки с А., при задержании и допросе Л. в качестве подозреваемого 21 июня 2018 года, при предъявлении Л. 03 декабря 2018 года обвинения и допросе в качестве обвиняемого, при обращении 10 января 2019 года с ходатайством о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, а также в передаче А. перед очной ставкой 10 сентября 2018 года сведений, составляющих адвокатскую тайну, вследствие истечения сроков применения мер дисциплинарной ответственности.

Кроме того, Квалификационная комиссия в том же Заключении пришла к выводу о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката П. по жалобе Л. от 29 декабря 2020 года (вх. № ... от 30.12.2020), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката, и надлежащего исполнения адвокатом профессиональных обязанностей перед доверителем.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, признаёт фактические обстоятельства правильно и полно установленными Квалификационной комиссией, однако считает необходимым частично изменить основания прекращения дисциплинарного производства.

Так, установлено, что в ходе проводившейся оперативными сотрудниками доследственной проверки заявитель Л. 10 августа 2016 года и 14 июля 2017 года давал письменные объяснения об обстоятельствах закупки АО «А.», работником которого он ранее являлся, оборудования у поставщика ООО «Р.». Впоследствии по результатам проверки было возбуждено уголовное дело № ..., находившееся в производстве Следственного департамента МВД РФ.

11 июня 2018 года Л. был допрошен в качестве свидетеля, а 21 июня 2018 года задержан в качестве подозреваемого и в помещении изолятора временного содержания (ИВС) допрошен по уголовному делу, после чего из ИВС был освобожден.

24 июля 2018 года Л. был повторно допрошен в качестве свидетеля. В тот же день, до допроса Л., по указанному уголовному делу в качестве свидетеля была допрошена Д. 22 августа 2018 года Л. был еще раз допрошен по уголовному делу в качестве свидетеля. 10 сентября 2018 года между находящимся в статусе свидетеля Л. и свидетелем А. проведена очная ставка. При указанных следственных действиях юридическую помощь Л. оказывал адвокат П. Он же представлял интересы Д. при ее допросе в качестве свидетеля.

03 декабря 2018 года Л. с участием адвоката П. предъявлено обвинение по ч. 4 ст. 159 УК РФ, и он был допрошен в качестве обвиняемого. В тот же день обвиняемый Л. обратился с поддержанным его защитником адвокатом П. ходатайством о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве со следствием. 10 января 2019 года прокурором с Л. такое соглашение было заключено.

18 июня 2019 года из уголовного дела № ... было выделено уголовное дело № ..., после чего с 21 по 24 июня 2019 года Л. совместно с защитником адвокатом П. осуществлял ознакомление с материалами выделенного уголовного дела.

Впоследствии уголовное дело в отношении Л. поступило для рассмотрения в М. районный суд города Москвы, где, в связи с отказом Л. от ранее заключенного досудебного соглашения о сотрудничестве, было рассмотрено в общем порядке.

Рассматривая доводы жалобы заявителя и оценивая действия адвоката П. в связи с избранной Л. при расследовании уголовного дела позицией, Совет, как и Квалификационная комиссия, обращает внимание на то обстоятельство, что еще до возбуждения уголовного дела Л. был дважды в отсутствие адвоката П. опрошен сотрудниками полиции относительно обстоятельств осуществления ОАО «А.», где Л. работал, закупки оборудования у компаний ООО «Р.» и ООО «М.», и при опросах он подтвердил, что участвовал в оформлении указанной закупки, действуя по указанию своих руководителей К. и Х. На совершение им самим каких-либо противоправных действий Л. при опросах не указывал.

После задержания, имевшего место 21 июня 2018 года, Л. с участием адвоката П. был допрошен в качестве подозреваемого. В ходе допроса Л. признал факты нарушения законодательства при проведении АО «А.» закупок оборудования, сообщив, в частности, что ООО «Р.» было им подобрано в качестве участника и будущего победителя при отборе поставщика по указанию К. При этом оборудование должно было быть закуплено по завышенной цене. За это он получил от А.А. 100.000 рублей. Л. признал, что был осведомлен о том, что многие закупки в АО «А.» фиктивны, «и подстраивались К., который определял заранее победителей».

Затем при допросе в качестве свидетеля 24 июля 2018 года, проводившемся с участием адвоката П., Л. уточнил свою позицию и дал более развернутые показания, сообщив, что поставщиков ООО «Р.» и ООО «М.» для осуществления поставки в адрес АО «А.» подобрал он лично через знакомого В., действуя по указанию А.А. Было согласовано, что указанные поставщики поставят оборудование по «нужной цене», которая являлась завышенной. И далее Л. содействовал В. и А.А. в оформлении закупки у компании ООО «Р.». Также в оформлении закупки участвовали А. и Д. При этом Л. признал, что передавал В. просьбу А.А. о выплате «отката» в размере 3.000.000 рублей, обсуждал с В. и А.А. вопрос об «обналичивании» указанных денежных средств, вместе с А. ездил на встречу для их получения и впоследствии

передал деньги в указанной сумме А.А. и Х., получив от последнего 400.000 рублей.

Также Л. признал, что уже после увольнения из АО «А.» по просьбе А.А. участвовал в организации еще одной закупки оборудования у ООО «Р.» по «нужной цене», передав при этом 1.500.000 рублей вознаграждения А.А. и получив лично 550.000 рублей от руководителя ООО «Р.». Полученные им лично и переданные А.А. денежные средств Л. определил как «похищенные вышеуказанным способом», фактически признав свою причастность к противоправным действиям и высказав готовность «полностью содействовать следствию в изобличении преступной деятельности вышеуказанных лиц в том числе в ходе проведения следственных действий и ОРМ».

Затем при допросе в качестве свидетеля, имевшем место 22 августа 2018 года, также проведенном с участием адвоката П., Л. дал развернутые показания, при этом придерживаясь избранной на допросе 24 июля 2018 года позиции, сообщив, что в АО «А.» существовала практика закупок оборудования по заранее определенной руководством «нужной цене» с имитацией выбора поставщика на основании рыночных критериев, при этом его руководством и им лично от поставщика получалось вознаграждение.

Таким образом, Л. при допросах в качестве свидетеля признал свое участие в противоправных действиях.

Впоследствии Л. придерживался описанной позиции при проведении следственных действий, включая очную ставку с А. 10 сентября 2018 года, допрос в качестве обвиняемого, заключение досудебного соглашения о сотрудничестве с прокурором, и вплоть до 13 февраля 2020 года, когда Л. при рассмотрении М. районным судом города Москвы уголовного дела по существу от досудебного соглашения о сотрудничестве отказался и свою позицию изменил на непризнание вины.

Доказательства какого-либо психологического либо иного воздействия на Л. при формировании им описанной защитительной позиции со стороны адвоката П., равно как и со стороны иных лиц в присутствии либо с участием адвоката П., при рассмотрении дисциплинарного производства не представлены, поэтому утверждение Л. о таком воздействии доказанным считаться не может. Также не является доказанным обещание адвокатом П. доверителю Л. того, что в случае избрания описанной позиции, тот останется в процессуальном статусе свидетеля и к уголовной ответственности привлечен не будет.

На основании изложенного Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что признаки очевидного самоговора в избранной Л. позиции отсутствовали, а значит, адвокат П. должен был при оказании Л. юридической помощи данной позиции придерживаться, что он и делал. При этом следует заметить, что с учетом избранной Л. позиции, адвокатом П. осуществлены необходимые действия по защите прав и интересов доверителя, направленные на смягчение наказания, которое Л. могло быть избрано судом: поддержано ходатайство о заключении

досудебного соглашения о сотрудничестве с прокурором, предоставлены положительно характеризующие личность Л. доказательства, заявлено удовлетворенное следователем ходатайство о признании смягчающих обстоятельств, оказано содействие в погашении Л. ущерба от преступления. При таких обстоятельствах действия адвоката П. по поддержанию позиции Л. по уголовному делу, в частности, при заключении с прокурором досудебного соглашения о сотрудничестве, Совет признаёт соответствующими требованиям законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре.

Кроме того, Совет не усматривает конфликта интересов между Д. и Л., поскольку они на момент допроса Д. они оба имели статус свидетелей. Будучи допрошенной, Д. дала общие показания относительно организации закупок в АО «А.» и своей роли в этом процессе. В отношении Л. сообщила, что он ей известен по работе в АО «А.» и потом – в ООО «ИК «Г.». В АО «А.» Л., в том числе, занимался оформлением закупок. Также она показала, что Л. поставил ее в известность о содержании ранее данных им в качестве подозреваемого показаний, а именно, что он сообщил об осуществлении им подбора организаций – поставщиков оборудования по указанию К. Свое участие в каких-либо противоправных действиях, как и осведомленность о них, Д. отрицала. Никаких утверждений об участии Л. в незаконных действиях Д. при допросе 24 июля 2018 года с участием адвоката П. не делала, показания о своей причастности к противоправным действиям Л. дал сам в тот же день, без какой-либо связи с допросом Д. Впоследствии ни в каких следственных действиях с Д. адвокат П. не участвовал.

Содержащееся в постановлении заместителя Московского прокурора по надзору за исполнением законов на особо режимных объектах Р. от 01 августа 2019 года о возвращении уголовного дела для производства дополнительного следствия указания о нарушении адвокатом П. положений ст. 72 УПК РФ Совет принимает во внимание, однако, не будучи связан позицией прокурора, на основе собственного анализа материалов считает изложенные выше выводы об отсутствии конфликта интересов соответствующими обстоятельствам дела.

Не усматривает Совет и конфликта интересов М. и А. с интересами Л., поскольку доказательства такого конфликта в ходе дисциплинарного разбирательства не представлены.

Кроме того, при рассмотрении дисциплинарного производства установлено, и не отрицается заявителем Л., что при расследовании уголовного дела его фигуранты, включая Л. и А., обсуждали обстоятельства уголовного дела между собой, стараясь выработать с участием адвоката П. не противоречащие друг другу позиции. Представленное Л. электронное письмо с показаниями последнего, направленное адвокатом П. 22 января 2019 года в адрес получателя «А.» <...@icloud.com>, было им получено от адвоката П. именно в рамках описанного взаимодействия. Аналогичным образом адвокат П. направлял Л. показания А. Поскольку описанный обмен информацией происходил с согласия Л., Совет приходит к выводу о том, что разглашение

адвокатом П. сведений, составляющих адвокатскую тайну, в описанных действиях отсутствует.

Довод Л. о фактическом неознакомлении адвоката П. с материалами уголовного дела Совет также признаёт необоснованным, так как представленным Л. графиком подтверждается его совместное с адвокатом П. ознакомление с материалами уголовного дела за четыре дня, в каждый из которых они знакомились с двумя – четырьмя томами. Помимо этого, адвокат П. представил светокпии материалов уголовного дела и продемонстрировал осведомленность относительно его обстоятельств.

Возражая против довода заявителя Л. о незаключении в простой письменной форме соглашения на оказание тому юридической помощи, адвокат П. представил заключенное им в простой письменной форме с М. Соглашение об оказании юридической помощи по уголовному делу от 20 июня 2018 года № ..., согласно которому адвокатом П. принято поручение «...защищать и права, и законные интересы Л., оказывать юридическую помощь на условиях настоящего соглашения. Предмет поручения: представление интересов и защита в правоохранительных органах РФ, в том числе в Четвертом следственном управлении МВД».

Возможность заключения соглашения об оказании юридической помощи не с ее получателем, а с иным лицом, но в пользу получателя, прямо допускается п. 2 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Заявитель Л. при рассмотрении дисциплинарного производства не оспаривал то обстоятельство, что вплоть до 13 февраля 2020 года юридическая помощь оказывалась ему адвокатом П. с его согласия. На основании изложенного Совет соглашается с выводом Квалификационной комиссии о том, что основания для вывода о неисполнении адвокатом П. профессиональных обязанностей перед доверителем Л. в части формализации отношений с последним отсутствуют.

Совет считает необходимым изменить предложенное Квалификационной комиссией основание прекращения дисциплинарного производства в части, касающейся действий адвоката П. в период до 19 января 2019 года, которые заявитель Л. считает ненадлежащим оказанием ему юридической помощи.

Как справедливо отметила Квалификационная комиссия в своём Заключении, с момента начала доследственной проверки в 2016 году и вплоть до 13 февраля 2020 года Л. придерживался первоначально избранной им позиции в отношении являющихся предметом расследования обстоятельств, а также по вопросу о собственной виновности в совершении инкриминируемого деяния. При этом Квалификационная комиссия, признавая необоснованными претензии заявителя к профессиональному поведению адвоката П. после 19 января 2019 года, ссылается, в том числе, на материалы дела, которые относятся к событиям, находящимся за пределами сроков давности: объяснения Л. от 10 августа 2016 года и 14 июля 2017 года, его же показания от 21 июня, 24 июля, 22 августа и 10 сентября 2018 года, показания Д. от 24 июля 2018 года. При этом какой-либо упорности в профессиональном

поведении адвоката П. в течение всего продолжающегося периода оказания юридической помощи Л. в ходе дисциплинарного разбирательства не выявлено.

Совет в своей деятельности исходит из того, что одной из важнейших целей дисциплинарного производства является защита адвокатов от необоснованных обвинений. Подобный подход в полной мере соответствует традициям российской (присяжной) адвокатуры, исходившей из того, что для присяжного поверенного должно быть дорого полное выяснение обстоятельств дисциплинарного дела и снятие нареканий с него; в этом заинтересовано и все сословие, так как нарекания на кого-либо из его членов отражаются на всем сословии (См., например: Марков А.Н. Правила адвокатской профессии в России. - М., 1913, [112]). Поэтому при установлении в процессе разбирательства надлежащего поведения адвоката Совет считает важным отразить данный факт в своём решении, не оставляя в этой части каких-либо сомнений.

При таких обстоятельствах Совет полагает необходимым дать оценку всех взаимосвязанных действий адвоката П. в течение всего периода продолжающегося оказания юридической помощи Л. и приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в полном объёме в связи с отсутствием в действиях адвоката П. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката П. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) по жалобе Л. от 29 декабря 2020 года (вх. № ... от 30.12.2020), вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката, и надлежащего исполнения адвокатом профессиональных обязанностей перед доверителем.

16. Совет объявил защитнику по назначению замечание за то, что она не поддержала позицию доверителя.

12 мая 2021 года Квалификационная комиссия вынесла Заключение о ненадлежащем, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, пп. 2 п. 1 ст. 9 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом Т. профессиональных обязанностей перед доверителем К. (честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя), что выразилось в незаявлении адвокатом Т. ходатайства об отложении судебного заседания после покидания 18 июня 2020 года ее подзащитным К. судебного

заседания апелляционной инстанции М. городского суда по материалу № ... и в неявлении ею возражений против действий председательствующего по продолжению судебного заседания в отсутствие ее подзащитного.

В этом же Заключении Квалификационная комиссия пришла к выводу о необходимости прекращения дисциплинарного производства в остальной части вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Рассмотрев дисциплинарное производство, Совет соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и её выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

Обращаясь с жалобой на действия адвоката, заявитель К. указал, что адвокат Т., представившая удостоверение № ... и ордер № ..., вступила в процесс в качестве его защитника по назначению и тем самым лишила избранного заявителем защитника – адвоката Ф. возможности защищать свою позицию по поданной им апелляционной жалобе, а самого заявителя К. – юридической помощи своего защитника. Адвокат Т., вопреки воле К., не покинула зал судебного заседания суда апелляционной инстанции, хотя и признала, что без Ф. продолжать заседание нельзя. В ходе указанного судебного заседания 18 июня 2020 года протест К. и отказ от участия в заседании не поддержала, не заявила никаких ходатайств или возражений против рассмотрения дела в отсутствие К. и его защитника и свела всю защиту к одной фразе о том, что она поддерживает доводы апелляционных жалоб. Кроме того, адвокат Т. отказалась исследовать материалы дела, которые ей были неизвестны и безразличны, чем позволила суду не исследовать доказательства. В прениях адвокат Т. *«сказала четыре формальных штампа, ничем их не доказывая, и после этого покинула зал суда»*.

В результате рассмотрения дисциплинарного производства установлено, что 17 июня 2020 года посредством Автоматизированной информационной системы Адвокатской палаты города Москвы (АИС АПМ) адвокат Т. приняла заявку № ... от 17 июня 2020 года на осуществление защиты К., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 170.1 УК РФ и ч. 3 ст. 30, ч. 4 ст. 159 УК РФ, в М. городском суде в порядке, предусмотренном ст. 51 УПК РФ. Принимая вышеуказанную заявку на защиту К., адвокат Т. не знала, что у К. имеется защитник по соглашению, и данная информация в заявке отсутствовала. 18 июня 2020 года до начала заседания М. городского суда по материалу № ... по апелляционным жалобам на постановление М. районного суда города М. от 19 мая 2020 года о продлении К. срока содержания под стражей адвокат Т. ознакомилась с материалами обжалуемого постановления суда, что подтверждается имеющимися у адвоката фотокопиями материалов дела и распиской об ознакомлении с ними. Адвокат Т. также позвонила адвокату Ф. для выяснения причин его неявки в судебное заседание, но телефон адвоката Ф. не отвечал. На обращенный к секретарю судебного заседания вопрос последняя сообщила, что адвокат Ф. извещен и сам просит

назначить защитника в порядке, предусмотренном ст. 51 УПК РФ, так как находится в Н. районном суде Н. области и приехать не может. Для того, чтобы не нарушать права К. на защиту, и, тем самым, освободить себя от возложенной на нее судом обязанности по защите К. в порядке, установленном ст. 51 УПК РФ, адвокат Т. в судебном заседании поддержала ходатайство К. об отказе от нее, просила суд отложить судебное заседание для обеспечения участия защитника адвоката Ф. Суд отказал в удовлетворении ходатайства адвоката Т. об отложении судебного заседания и освобождении ее от защиты К., сообщив, что адвокат Ф. был извещен о дате заседания 01 июня 2020 года и не возражает против участия защитника, назначенного в порядке, установленном ст. 51 УПК РФ. Кроме того, суд указал на то, что законом предусмотрены сокращенные сроки рассмотрения материала. В судебном заседании она не только поддержала жалобы, но и просила суд отменить постановление М. районного суда города М. от 19 мая 2020 года, признав его незаконным, избрав К. более мягкую меру пресечения в виде домашнего ареста. В соответствии с доводами апелляционной жалобы К. адвокат Т. в судебном заседании также указывала на то, что мать К. – К.Л. страдает хроническими заболеваниями, а потерпевшие не возражают против изменения избранной в отношении К. меры пресечения на более мягкую.

Совет отмечает, что согласно ч. 11 ст. 108 УПК РФ, «суд апелляционной инстанции принимает решение по жалобе или представлению не позднее чем через 3 суток со дня их поступления». Кроме того, в п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 ноября 2012 года № 26 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции», внимание судов обращается на то, что «в силу части 11 статьи 108, части 3 статьи 107 и части 8 статьи 109 УПК РФ на постановления судьи об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу или домашнего ареста и о продлении срока содержания под стражей или домашнего ареста либо об отказе в этом в течение 3 суток со дня их вынесения могут быть принесены в порядке, установленном статьей 389.3 УПК РФ, апелляционные жалоба, представление, подлежащие рассмотрению в тот же срок со дня поступления жалобы или представления в суд апелляционной инстанции». Таким образом, уголовно-процессуальным законом установлен специальный трехсуточный процессуальный срок для рассмотрения апелляционных жалоб (представлений) на постановление судьи о продлении срока содержания под стражей.

Совет Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации 27 сентября 2013 года утвердил Решение «О “двойной защите”» (с изменениями и дополнениями, внесенными решением Совета ФПА РФ от 28 ноября 2019 г.), в абз. 4 п. 2.1 которого указал, что: «Когда участвующий в уголовном деле защитник по соглашению или по назначению в течение 5 суток, если иное не предусмотрено законом, не может принять участие в уголовном процессе, адвокат, назначенный защитником в соответствии со статьей 50 УПК РФ,

обязан принять на себя защиту подсудимого» (*Вестник Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. 2013. Выпуск № 4 (42), Вестник Адвокатской палаты г. Москвы. 2013. Выпуск № 11-12 (121-122); Вестник Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. 2020. Выпуск № 1 (69). С. 83*).

Учитывая, что из материалов дисциплинарного производства следует, что адвокат Ф. был впервые уведомлен о дате, времени и месте судебного заседания суда апелляционной инстанции 01 июня 2020 года, то есть более чем за 5 суток до даты судебного заседания, но не смог принять в нем участие, ссылаясь на свою занятость в другом судебном процессе в Н. районном суде Н. области, адвокат Т., назначенная в установленном порядке защитником, правомерно приняла на себя защиту подсудимого К. и участвовала 18 июня 2020 года в судебном заседании апелляционной инстанции М. городского суда по материалу № ...

Совет соглашается с выводом Квалификационной комиссии о том, что дисциплинарные обвинения в оказании К. неквалифицированной юридической помощи опровергаются материалами дисциплинарного производства. Согласие адвоката Т. на рассмотрение апелляционных жалоб без проверки доказательств, которые уже были исследованы судом первой инстанции, во-первых, не предопределяло решение суда по данному вопросу, а, во-вторых, не освобождало суд от обязанности по рассмотрению и оценке всех доводов апелляционных жалоб. Следовательно, позиция адвоката Т. по вопросу о необходимости исследования доказательств в судебном заседании не свидетельствует о ненадлежащем исполнении ею своих профессиональных обязанностей. Являются недоказанными и утверждения К. о неквалифицированном выступлении адвоката Т. в прениях сторон. Протокол судебного заседания от 18 июня 2020 года, который не является стенограммой, может не содержать полного изложения выступления адвоката Т. в прениях сторон, а поскольку аудио-видео-запись судебного заседания от 18 июня 2020 года заявителем К. не представлена, презумпция добросовестности адвоката Т. в данном случае также не опровергнута.

Вместе с тем, Совет соглашается с выводом Квалификационной комиссии об обоснованности дисциплинарного обвинения в том, что адвокат Т. не поддержала позицию доверителя о недопустимости продолжения судебного заседания по материалу № ... после того, как он (К.) покинул зал судебного заседания, то есть, действовала вопреки его воле.

Как следует из протокола судебного заседания от 18 июня 2020 года, после покидания подсудимым К. зала судебного заседания, адвокат Т. на вопрос суда о возможности разбирательства материала по жалобам в отсутствие подсудимого К., заявила, что «подзащитный имеет право отказаться от участия в суде апелляционной инстанции».

Совет отмечает, что в данном случае покидание К. судебного заседания было связано не с отсутствием у него желания реализовать свои процессуальные права, а являлось продолжением четко выраженной им

позиции о недопустимости проведения судебного заседания в отсутствие избранного им защитника Ф. При таких обстоятельствах адвокат Т. должна была продолжать отстаивать права своего подзащитного К., требуя отложить судебное заседание и обеспечить участие адвоката Ф., поскольку только такое её процессуальное поведение было бы сообразно реализации права К. на свободный выбор защитника. Непринятие адвокатом Т., вопреки воле своего подзащитного, исчерпывающих мер к реализации его права на свободный выбор защитника, в том числе незаявление ею ходатайства об отложении судебного заседания непосредственно после его покидания К., равно как и возражений против действий председательствующего в порядке, предусмотренном ч. 3 ст. 243 УПК РФ, в сложившейся процессуальной ситуации свидетельствует о нарушении адвокатом требований пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, пп. 2 п. 1 ст. 9 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката. Таким образом, Совет признаёт презумпцию добросовестности адвоката Т. в данной части опровергнутой, поскольку она не проявила необходимой последовательности и настойчивости в отстаивании прав своего подзащитного К. Совет отклоняет как несостоятельный довод адвоката Т. о том, что ею заявлялись указанные выше ходатайство и возражения, однако это по неизвестным ей причинам не отражено в протоколе судебного заседания, поскольку адвокатом Т. замечания на протокол судебного заседания не подавались.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвоката Т. за допущенные нарушения, Совет учитывает, что её бездействие способствовало нарушению права доверителя на получение квалифицированной юридической помощи избранного им защитника. Вместе с тем, Совет принимает во внимание, что адвокат Т. нарушение допустила впервые, ранее к дисциплинарной ответственности не привлекалась. При таких обстоятельствах Совет полагает необходимым применить к адвокату Т. меру дисциплинарной ответственности в виде замечания как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 1 п. 6 ст. 18, пп. 1 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил применить к адвокату Т. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) меру дисциплинарной ответственности в виде замечания за ненадлежащее, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, пп. 2 п. 1 ст. 9 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение адвокатом Т. профессиональных обязанностей перед доверителем К. (честно, разумно,

добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя), что выразилось в неявлении адвокатом Т. ходатайства об отложении судебного заседания после покидания 18 июня 2020 года ее подзащитным К. судебного заседания апелляционной инстанции М. городского суда по материалу № ... и в неявлении ею возражений против действий председательствующего по продолжению судебного заседания в отсутствие ее подзащитного.

В оставшейся части дисциплинарное производство прекратить вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

17. Размещение на сайте адвокатского образования информации о повышении квалификации в организациях, включенных Минюстом России в реестр НКО, выполняющих функции иностранного агента, не влечёт дисциплинарную ответственность.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 26 мая 2021 года дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката П. по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 09 февраля 2021 года № ..., основанному на заявлении П.О. (вх. № ... от 19.02.2021), признано подлежащим прекращению вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, Совет соглашается с выводами Квалификационной комиссии, поскольку они основаны на правильно и полно установленных фактических обстоятельствах.

Так, установлено, что на интернет-сайте Московской коллегии адвокатов «В.» (<www...>), Президентом которой является адвокат П., в подразделе «Награды и достижения» раздела «Президент коллегии, адвокат П.» размещена информация о датированном 2015 годом сертификате «Информационно-методического центра «...», из которого следует, что П. в 2015 году прошел обучение в рамках Международной юридической школы по правам женщин. Сертификат подписан Директором РОО «А.» Пи. Кроме того, в подразделе «Проекты» раздела «Президент коллегии, адвокат П.» размещена информация о Центре «...». Указания на то, что эти сообщения и материалы созданы и (или) распространены российским юридическим лицом, выполняющим функции иностранного агента, не имеется.

В информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на информационном портале Министерства юстиции Российской Федерации в разделе «Сведения реестра НКО, выполняющих функции иностранного агента» (<<http://unro.minjust.ru/NKOForeignAgent.aspx>>) содержится информация о включении 26 декабря 2016 года Региональной общественной организации помощи женщинам и детям, находящимся в кризисной ситуации

«Информационно-методический центр» ...» в реестр НКО, выполняющих функции иностранного агента, а также о включении 29 декабря 2020 года Автономной некоммерческой организации «Центр по работе с проблемой насилия «...» в реестр НКО, выполняющих функции иностранного агента.

В информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на информационном портале Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций в разделе «Перечень наименований зарегистрированных СМИ» (<<https://rkn.gov.ru/mass-communications/reestr/media/>>) не обнаружено сведений о регистрации сайта МКА «В.» (<<https://...>>) в качестве средства массовой информации.

Давая правовую оценку установленным фактическим обстоятельствам, Совет отмечает, что согласно ч. 10 ст. 25.1 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» «распространение на территории Российской Федерации сообщений и материалов иностранного средства массовой информации, выполняющего функции иностранного агента, и (или) российского юридического лица, выполняющего функции иностранного агента, без указания на то, что эти сообщения и материалы созданы и (или) распространены соответственно иностранным средством массовой информации, выполняющим функции иностранного агента, и (или) российским юридическим лицом, выполняющим функции иностранного агента, не допускается».

В соответствии с ч. 1 ст. 6 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации», «настоящий Закон применяется в отношении средств массовой информации, учреждаемых в Российской Федерации, а для создаваемых за ее пределами – лишь в части, касающейся распространения их продукции в Российской Федерации».

При этом под средством массовой информации понимается периодическое печатное издание, сетевое издание, телеканал, радиоканал, телепрограмма, радиопрограмма, видеопрограмма, кинохроникальная программа, иная форма периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием (названием) (абз. 3 ч. 1 ст. 2 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации»).

В силу положений ч. 2 ст. 8 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации», «сайт в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» может быть зарегистрирован как сетевое издание в соответствии с настоящим Законом. Сайт в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», не зарегистрированный в качестве средства массовой информации, средством массовой информации не является».

Учитывая, что Квалификационной комиссией на информационном портале Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций в разделе «Перечень наименований зарегистрированных СМИ» получены сведения об отсутствии регистрации официального сайта Некоммерческой организации Московская коллегия адвокатов «В.» (<<https://...>>), указанный сайт не является средством массовой

информации как по данному формальному признаку, так и согласно ч. 2 ст. 8 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации».

Совет обращает внимание, что сайт МКА «В.» (<<https://...>>) не может быть отнесен к средствам массовой информации и по неформальным признакам, с точки зрения его содержания. Информация, размещенная на указанном сайте, форма и порядок ее размещения, равно как и фактическое поведение адвоката П. и Некоммерческой организации Московская коллегия адвокатов «В.» по обращению с ней, не позволяют Совету прийти к выводу о том, что официальный сайт МКА «В.» (<<https://...>>) обладает общими признаками средства массовой информации, поскольку он не ориентирован на периодическое распространение массовой информации.

Совет отмечает, что из прилагаемых к представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 09 февраля 2021 года № ..., а также к дополнению к нему от 06 мая 2021 года № ... скриншотов сайта МКА «В.» (<<https://...>>) видно, что информация, содержащая упоминания Региональной общественной организации помощи женщинам и детям, находящимся в кризисной ситуации, «Информационно-методический центр» А.» и Автономной некоммерческой организации «Центр по работе с проблемой насилия «...» размещена не на главной странице сайта, а в его тематических подразделах, касающихся специализации адвокатской деятельности адвоката П. и прохождения им различных курсов повышения квалификации, а именно: «Награды и достижения» и «Проекты». Данная информация размещена однократно, что указывает на отсутствие, как признака периодичности ее распространения, так и стремления охватить максимально широкую аудиторию, придав указанной информации признак массовости.

Принимая во внимание как характер информации (сертификат о прохождении обучения и логотип правозащитного проекта, в котором участвует адвокат), так и иные доказательства по настоящему дисциплинарному производству, приведённые в Заключении Квалификационной комиссии, Совет приходит к выводу о том, что указанные сведения размещены не с целью распространения какой-либо информации об указанных некоммерческих организациях, включенных в реестр НКО, выполняющих функции иностранного агента, а с целью доведения до доверителей, а также лиц, рассматривающих возможность обращения к адвокату П. за юридической помощью, сведений о его специализации, профессиональных достижениях и квалификации.

Размещение информации о проектах и достижениях адвоката П. в соответствующих тематических разделах его личной страницы на сайте МКА «В.» (<<https://...>>), а также отсутствие там информации о деятельности указанных некоммерческих организаций не дают оснований для вывода о каком-либо злоупотреблении адвокатом П. возможностью ее размещения и распространения. При этом сообщение полной и достоверной информации о деятельности самого адвоката П. лицам, обращающимся к нему за оказанием

юридической помощи, не подрывает, а, наоборот, способствуют установлению фидуциарных (доверительных) отношений между адвокатом и его доверителями.

Таким образом, рассматриваемые в контексте положений Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» и Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», а также Кодекса профессиональной этики адвоката фактические обстоятельства, установленные материалами дисциплинарного производства, не дают оснований для вывода о нарушении адвокатом П., в том числе как Президентом коллегии Некоммерческой организации Московская коллегия адвокатов «В.», требований ч. 10 ст. 25.1 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации», а также норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил прекратить дисциплинарное производство в отношении адвоката П. по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 09 февраля 2021 года № ..., основанному на заявлении П.О. (вх. № ... от 19.02.2021), вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

18. Совет прекратил дисциплинарное производство, поскольку конституционный запрет двойной публично-правовой ответственности за одно и то же деяние распространяется и на дисциплинарную ответственность адвоката. Совет указал, что если конкретные действия (бездействие) адвоката уже получили свое окончательное разрешение в рамках какой-либо иной юрисдикции, в том числе в решении суда по делу об административном правонарушении, то дисциплинарные органы адвокатского самоуправления лишены законной возможности повторной оценки тех же самых действий на предмет наличия оснований для дисциплинарной ответственности данного адвоката, поскольку в таких случаях указанные органы не вправе реализовать свою компетенцию по установлению факта наличия либо отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 23 июня 2021 года дисциплинарное производство в отношении адвоката М. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы), возбужденное по представлению Главного управления Министерства юстиции РФ по Москве от 23 марта 2021 года № ..., основанному на

информации начальника ФКУ СИЗО-... УФСИН РФ по городу Москве П. от 10 февраля 2021 года (вх. № ... от 29.03.2021), необходимо прекратить вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Рассмотрев дисциплинарное производство, Совет в полном объеме соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и её выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

Так, 29 марта 2021 года в Адвокатскую палату города Москвы из Главного управления Министерства юстиции РФ по городу Москве поступило представление от 23 марта 2021 года № ..., основанное на информации начальника ФКУ СИЗО-... УФСИН РФ по городу Москве П. от 10 февраля 2021 года (вх. № ... от 29.03.2021), в котором поставлен вопрос о возбуждении дисциплинарного производства в отношении адвоката М. в связи с нарушением им норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившихся в нарушении ч. 1 ст. 18 Федерального закона от 15 июля 1995 года № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», в соответствии с которой защитнику запрещается проносить на территорию места содержания под стражей технические средства связи, а также технические средства (устройства), позволяющие осуществлять киносъемку, аудио- и видеозапись.

Постановлением Г. районного суда города Москвы от 01 октября 2020 года адвокат М. за эти действия привлечён к административной ответственности в виде штрафа в размере 1 000 руб., который адвокат М. оплатил 02 октября 2020 года. Суд признал, что им было совершено неповиновение законному распоряжению сотрудника учреждения уголовно-исполнительной системы при исполнении им обязанностей по обеспечению безопасности и охране этих учреждений, поддержанию в них установленного режима, охране и конвоированию осужденных (подозреваемых, обвиняемых), выразившееся в обнаружении и изъятии у адвоката М. 13 июля 2020 года в ходе его досмотра сотрудником администрации при проходе через КПП ФКУ СИЗО-... УФСИН РФ по городу Москве, запрещенных к проносу на территорию СИЗО предметов: мобильного телефона «REDMI», зарядного устройства для мобильного телефона и наушников к телефону. Эти действия квалифицированы судом как административное правонарушение, предусмотренное ч. 2 ст. 19.3 КоАП Российской Федерации.

При разрешении настоящего дисциплинарного производства Совет, как и Квалификационная комиссия, исходит из наличия указанного судебного решения, вступившего в законную силу.

В то же время, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что в представлении Главного управления Министерства юстиции РФ по Москве от 23 марта 2021 года № ..., (вх. № ...

от 29.03.2021) отсутствуют указания на какие-либо иные действия (бездействие) адвоката М., которым не была дана правовая оценка вступившим в законную силу указанным выше постановлением Г. районного суда города Москвы от 01 октября 2020 года. Иными словами, в представлении при таких обстоятельствах не указаны действия, которые требуют оценки органами адвокатского самоуправления в процедуре дисциплинарного производства.

В случае, если конкретные действия (бездействие) адвоката уже получили свое окончательное разрешение в рамках какой-либо иной юрисдикции, в том числе в решении суда по делу об административном правонарушении, то дисциплинарные органы адвокатского самоуправления лишены законной возможности повторной оценки тех же самых действий на предмет наличия оснований для дисциплинарной ответственности данного адвоката, поскольку в таких случаях указанные органы не вправе реализовать свою компетенцию по установлению факта наличия либо отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката, определенную специальным Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (пп. 9 п. 3 ст. 31, п. 7 ст. 33) и принятым на его основе Кодексом профессиональной этики адвоката (ст. 19, 23, 24), поскольку эти же самые обстоятельства уже были признаны установленными вступившим в законную силу судебным решением.

С таким подходом не согласился заявитель – Главное управление Министерства юстиции РФ по Москве, направивший, как отмечено выше, в Совет Адвокатской палаты города Москвы «Возражения на заключение квалификационной комиссии Адвокатской палаты г. Москвы от 23.06.2021 по дисциплинарному делу в отношении адвоката М.» (исх. № ... от 28.07.2021; вх. № ... от 06.08.2021). Считая, что дисциплинарное дело следует возратить Квалификационной комиссии для нового разбирательства, представитель заявителя указал, что, по его мнению, Комиссия фактически самоустранилась от исполнения своих обязанностей по объективному рассмотрению представления и, установив факт нарушения адвокатом М. законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, не дала надлежащей оценки данному факту с точки зрения вопроса о соблюдении адвокатом требований Кодекса профессиональной этики адвоката.

Автор «Возражений» не соглашается с применением в рассматриваемом случае правила *non bis in idem*, ссылаясь на фрагмент Разъяснения ФПА РФ «По вопросам применения п. 3 ст. 21 Кодекса профессиональной этики адвоката» (утв. протоколом Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 28.01.2016 № 3), а именно:

«2.2. Общеизвестный принцип римского права «*non bis in idem*» (никто не должен нести двойное наказание за одно преступление) раскрывается правоведами применительно к такому принципу юридической ответственности, как принцип справедливости[1].

Данный правовой принцип указывает на невозможность дважды привлечь к ответственности одного вида. При этом отсутствует запрет на привлечение лица за совершение одного деяния к разным видам ответственности. В частности, к дисциплинарной и к уголовной ответственности, а также к дисциплинарной, административной или уголовной ответственности и к материальной ответственности (например, п. 32 Устава внутренней службы Вооруженных Сил РФ, утв. Указом Президента РФ от 10 ноября 2007 г. № 1495[2]).

О возможности различных видов ответственности за совершение одного деликта свидетельствует также наличие института гражданского иска в уголовном процессе.

Данный довод находит подтверждение также и в научной литературе, в которой приводятся следующие аргументы:

– одни и те же действия могут одновременно нарушать как установленную в организации или профессиональном сообществе дисциплину, так и общественный порядок или порядок государственного управления;

– дисциплинарные, административные и уголовные санкции имеют различную целевую направленность[3].

2.3. Конституция Российской Федерации (ч. 1 ст. 50) устанавливает, что никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление.

Именно в этом контексте – запрет двойной ответственности одного вида за один и тот же проступок – данный правовой принцип закреплен в отраслевых кодексах РФ:

– «никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление» (ч. 2 ст. 6 Уголовного кодекса РФ);

– «никто не может нести административную ответственность дважды за одно и то же административное правонарушение» (ч. 5 ст. 4.1 КоАП РФ).

Аналогичным образом сформулирована норма ст. 4 Протокола от 22 ноября 1984 г. № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод: «Никто не должен быть повторно наказан в уголовном порядке в рамках юрисдикции одного и того же государства за преступление, за которое уже был оправдан или осужден в соответствии с законом этого государства».

2.4. Этот подход находит подтверждение в судебной практике. Так, Верховный Суд РФ указал на возможность одновременного привлечения к материальной ответственности по трудовому законодательству и к уголовной ответственности (определение Судебной коллегии ВС РФ по уголовным делам от 5 февраля 2014 г. № 18-УДП13-2[4]).

Суд Фрунзенского района г. Иваново в решении от 15 октября 2014 г. по делу № 2-3723/14 указал, что Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (п. 1 ст. 17) и КПЭА не исключают возможность применения одновременно за одно и то же нарушение меры как уголовно-правовой, так и дисциплинарной

ответственности (копия судебного решения приложена к письму АП Ивановской области от 8 октября 2015 г. в адрес ФПА РФ).

2.5. Высший орган адвокатского самоуправления – Всероссийский съезд адвокатов – 22 апреля 2013 г. принял Обращение «О соблюдении правил профессиональной этики», в котором особо подчеркнул, что к профессиональным обязанностям адвоката относятся не только его деятельность, непосредственно связанная с оказанием юридической помощи доверителю по конкретным поручениям. Круг обязанностей адвоката, присущих его профессии, существенно шире и включает в себя целый комплекс иных профессиональных обязанностей: соблюдение положений законодательства об адвокатуре и процессуального законодательства, норм профессиональной этики адвоката, а также решений органов адвокатского самоуправления, составной частью которых является требование соблюдения закона».

При разрешении дисциплинарного производства в отношении адвоката М. Совет, как и Квалификационная комиссия, действительно следует универсальному международно-признанному принципу *non bis in idem* (недопустимость повторного наказания за содеянное), получившему директивное закрепление как в части 1 ст. 50 Конституции Российской Федерации, так и в отдельных нормах кодифицированного законодательства: ч. 2 ст. 6 Уголовного кодекса РФ, ч. 5 ст. 4.1 Кодекса РФ об административных нарушениях, ч. 2 ст. 108 Налогового кодекса РФ. Данный принцип закреплен и в актах международного права, а именно в п. 7 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, а также в Конвенции о защите прав человека и основных свобод (п. 1 ст. 4 Протокола № 7 от 22 ноября 1984 года к Конвенции).

Известное еще со времен древнеримского права, правило *non bis in idem* использовалось и в дисциплинарной практике присяжных поверенных царской России. Отстаивая свое право самостоятельно решать вопрос о наказании членов сообщества, советы присяжных поверенных при этом исходили из нецелесообразности двойной ответственности. Так, в сборнике А.Н. Маркова «Правила адвокатской профессии в России» (М., 1913) приведены подобные примеры из решений, выносившихся по итогам дисциплинарных разбирательств:

- «Но явилось бы юридической неправильностью рассмотрение одного и того же проступка разными судами в одном и том же порядке, уголовном или дисциплинарном: в этом случае могли бы столкнуться два различных приговора, и за один проступок лицо могло бы подвергнуться двойному наказанию. Это было бы нарушением основных процессуальных законов и справедливости» {32};

- Дисциплинарное производство Совета может возникнуть лишь там, где проступок присяжного поверенного вызывает необходимость в применении к нему более высокой меры, чем та, которая предоставлена власти председателя (суда – пояснение Совета). В данном случае председательствующий из двух

мер, бывших в его распоряжении, применил низшую, т. е. признал таковую исчерпывающей. Совет усматривает, что при таких обстоятельствах присяжный поверенный понес всю полноту дисциплинарного взыскания, а потому не может вновь привлекаться за то же действие к дисциплинарному же производству {95}.

Аналогичного подхода дисциплинарные органы адвокатской корпорации придерживаются и в своей современной деятельности. Например, производство, также возбужденное по представлению Главного управления Министерства юстиции РФ по Москве, было прекращено, поскольку Совет и Квалификационная комиссия исходили из того, что «...одни и те же фактические обстоятельства не могут быть предметом одновременного исследования в двух видах публичного юрисдикционного процесса — дисциплинарном и уголовном. Уголовное судопроизводство, как влекущее для лица наиболее серьезные ограничения прав и свобод, имеет безусловный приоритет над иными видами юрисдикционного судопроизводства, включая дисциплинарное». (Вестник Адвокатской палаты города Москвы, 2012. Выпуск 4, 5, 6 (102, 103, 104). С.73. См также: Вестник Адвокатской палаты города Москвы, 2012. Выпуск № 7, 8, 9 (105, 106, 107). С. 59, Вестник Адвокатской палаты города Москвы. Выпуск № 1 (131), 2016. С. 43-44).

Подобный подход признается и поддерживается также и судебной практикой высших судов. Так, в Определении Верховного Суда РФ от 5 февраля 2014 г. № 18-УДП13-2, приведенном в Разъяснении ФПА РФ «По вопросам применения п. 3 ст. 21 Кодекса профессиональной этики адвоката», на которое ссылается заявитель, говорится: «В предмет трудовых отношений, безусловно, входит материальная ответственность работника в сфере труда. Однако если работником в процессе осуществления трудовой деятельности совершено деяние, содержащее признаки преступления, то в соответствии со ст. ст. 20 и 144 УПК РФ данное деяние приобретает публичный характер и юридическая оценка ему должна быть дана исключительно по результатам уголовного судопроизводства».

Что же касается иного примера, также приводимого в «Возражениях» как иллюстрация «возможности применения одновременно за одно и то же нарушение меры как уголовно-правовой, так и дисциплинарной ответственности», то Совет в первую очередь обращает внимание автора «Возражений» на то, что данный абзац со ссылкой на решение суда Фрунзенского района г. Иваново от 15 октября 2014 г. по делу № 2-3723/14 отсутствует в действующей редакции Разъяснения ФПА РФ (См.: <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/documents-commissions/the-explanation-of-the-commission-of-the-federal-chamber-on-ethics-and-standards-in-the-application-/>). При этом изучение содержания самого решения суда показало, что уголовное дело в отношении адвоката Б-ва было прекращено на основании ст. 76 УК РФ «Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим», и только после этого он был привлечён к дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката на основании

представления вице-президента региональной адвокатской палаты. Таким образом, в приведённом примере не было двойного наказания за одно и то же деяние.

Кроме того, Совет обращает внимание автора «Возражений» на то, что хотя норма Конституции РФ, изложенная в части 1 статьи 50, по её буквальному толкованию, действительно распространяется на случаи привлечения лица к уголовной ответственности, Конституционный Суд РФ не раз отмечал: это не означает, что Конституция РФ допускает неоднократное привлечение к административной или дисциплинарной ответственности за одно и то же деяние (Постановление от 21 марта 2013 года № 6-П). Данный запрет направлен на обеспечение правовой безопасности, правовой определенности и стабильности (Постановление от 11 мая 2005 года № 5-П).

Как известно из теории права, нормы, призванные воздействовать на правонарушителя, делятся на карательные (например, статьи Особенной части Уголовного кодекса РФ), компенсационные (ст. 15 Гражданского кодекса РФ «Возмещение убытков», ст. 44 УПК РФ «Гражданский истец», ст. 238 Трудового кодекса РФ «Материальная ответственность работника за ущерб, причиненный работодателю»), восстановительные (ст. 396 Трудового кодекса РФ «Исполнение решения о восстановлении на работе», и т.п.) и воспитательные (ст. 91 Уголовного кодекса РФ «Содержание принудительных мер воспитательного воздействия»). При этом законодательство допускает применение за одно нарушение мер разной функциональной направленности: возмещение причиненного преступлением ущерба одновременно с уголовным наказанием; обязанность уплатить налоговую недоимку наряду с пени и штрафом и т.д. Однако повторное воздействие карательного свойства не используется по причине его правовой недопустимости.

Соответственно, поскольку дисциплинарная ответственность адвоката, являясь по своей природе публично-правовой, не носит восстановительного характера, Совет соглашается с Квалификационной комиссией в том, что применение в отношении адвоката М. дополнительно к административной ответственности еще и мер дисциплинарной ответственности стало бы возложением на него двойной (повторной) публично-правовой ответственности за одно и то же деяние, что является недопустимым и неприемлемым в правовом государстве (См. Постановление Конституционного Суда РФ от 6 апреля 2021 года. № 10-П).

Эта позиция дисциплинарных органов Адвокатской палаты города Москвы подтверждается также прецедентной практикой Европейского Суда по правам человека, который, признавая принцип *non bis in idem* в качестве фундаментального, указывает, что «применение этого принципа регулируется триединым условием тождества фактов, единства нарушителя и единства защищаемого правового интереса. Следовательно, согласно этому принципу, к одному и тому же лицу не может быть более одного раза применена санкция за однократное незаконное поведение, рассчитанная на защиту одного и того же правового актива» (*здесь и далее выделено Советом*) (Постановление

Европейского Суда по правам человека от 10 февраля 2009 года по делу «Сергей Золотухин против России», Жалоба № 14939/03, Большая Палата).

Все вышеназванные три условия, позволяющие применить принцип *non bis in idem*, в ситуации с дисциплинарным производством в отношении адвоката М. полностью соблюдены. Тождество фактов, указанных в представлении Главного управления Министерства юстиции РФ по Москве от 23 марта 2021 года № ..., (вх. № ... от 29.03.2021) и в постановлении Г. районного суда города Москвы от 01 октября 2020 года, единство лица, в отношении которого ставится вопрос о привлечении к ответственности, во взаимосвязи с единством защищаемого правового интереса, заключающегося в обеспечении соблюдения установленного законом порядка в сфере деятельности следственных изоляторов, свидетельствуют о недопустимости возложения на адвоката М. дисциплинарной ответственности за то же действие (бездействие), за которое к нему уже применена санкция в виде денежного штрафа в порядке производства по делам об административных правонарушениях.

По этой причине Совет соглашается с выводом Квалификационной комиссии о том, что в ситуации, когда за совершение данного правонарушения адвокат М. уже привлечен постановлением Г. районного суда города Москвы от 01 октября 2020 года к административной ответственности по ч. 2 ст. 19.3 КоАП РФ, и при отсутствии в представлении Главного управления Министерства юстиции РФ по Москве от 23 марта 2021 года № ... указаний на какие-либо иные действия (бездействие) адвоката М., подлежащие оценке на предмет соответствия нормам законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката, возможность оценки указанных в представлении Главного управления Министерства юстиции РФ по Москве действий (бездействия) адвоката М. в рамках дисциплинарного производства отсутствует.

Совет также обращает внимание заявителя на то, что в настоящее время практика реализации правового принципа *non bis in idem* претерпела существенные изменения. Так, Европейский Суд по правам человека в уже упоминавшемся Постановлении по делу «Сергей Золотухин против России» разъяснил: «...В соответствии с указанным принципом, одно и то же лицо не может нести более одного раза ответственность за одну и то же незаконную деятельность, направленную против тех же охраняемых интересов общества».

В развитие именно такого подхода Конституционный Суд РФ дал весьма важное конституционно-правовое толкование правила *non bis in idem*, разъяснив, что «Положение статьи 50 (часть 1) Конституции Российской Федерации, конкретизированное федеральным законодателем применительно к сфере действия Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях посредством абсолютного запрета несения кем-либо административной ответственности дважды за одно и то же административное правонарушение, распространяется и на случаи привлечения лица за содеянное одновременно к ответственности по статье данного Кодекса и к

ответственности, хотя и предусмотренной отраслевыми федеральными законами, но по своей правовой природе являющейся публично-правовой, носящей, по общему правилу, карательный, а не восстановительный характер» (Постановление от 4 февраля 2019 года № 8-П).

В Постановлении от 12 мая 2021 года № 17-П Конституционный Суд Российской Федерации указал: «В трактовке правила *non bis in idem* Конституционный Суд Российской Федерации исходит из того, что оно конкретизирует общий принцип справедливости, который относится и к основаниям публично-правовой ответственности, включая налоговую и административную, когда ее наступление с объективной стороны обусловлено одним и тем же деянием с теми же обстоятельствами его совершения. Это исключает привлечение одного и того же лица к публично-правовой ответственности дважды за то же деяние...». При этом имеет значение родовая общность разных видов публично-правовой ответственности, которая, как полагает Конституционный Суд РФ, имеет в большей мере карательный, нежели восстановительный, характер и установлена за совершение деяний, представляющих общественную опасность, при том, что ее отдельные виды во многом дополняют друг друга, будучи связаны схожими задачами, едиными принципами и общими целями защиты прав и свобод человека и гражданина, обеспечения законности и правопорядка. Исходя из этого, по общему правилу, одни и те же фактические обстоятельства не должны выступать основанием для разных последствий в части наступления публично-правовой ответственности без достаточных на то оснований.

Следует также указать, что, опираясь как на решения Европейского Суда по правам человека, так и на собственные правовые позиции, Конституционный Суд РФ подчеркнул, что правило *non bis in idem* имеет общее значение и – в виде нормативной конкретизации общепризнанного принципа справедливости, направленной на поддержание правовой безопасности, определенности и стабильности, – распространяется на законодательство об административных правонарушениях, и отметил, что статья 4 Протокола № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод должна толковаться как запрещающая преследование или предание суду за второе правонарушение, если они вытекают из идентичных фактов или фактов, которые в значительной степени являются теми же (Определение от 27 февраля 2020 г. № 312-О).

В принятом Конституционным Судом РФ уже после направления заявителем представления по данному дисциплинарному делу Постановлении от 06.04.2021 № 10-П указывается, что, раскрывая нормативное содержание статьи 50 (часть 1) Конституции РФ, Конституционный Суд РФ ранее последовательно констатировал, что, несмотря на ее буквальное содержание, ограниченное только уголовной ответственностью, Конституция РФ не только не допускает неоднократного привлечения к административной ответственности за одно и то же деяние, но также соответствующий запрет не может быть сведен только к собственно административной ответственности.

В Постановлении в связи с важностью данного тезиса повторено, что такой запрет распространяется и на случаи привлечения лица за содеянное одновременно к административной ответственности по Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях и к ответственности, хотя и предусмотренной отраслевыми федеральными законами, но по своей правовой природе являющейся публично-правовой, носящей, по общему правилу, карательный, а не восстановительный характер.

Для Совета представляется очевидным, что приведенные общеобязательные разъяснения высшего органа конституционного контроля в полной мере применимы к настоящему дисциплинарному делу как не допускающие повторного привлечения к ответственности адвоката М.

Вопреки доводу «Возражений», такая позиция не противоречит Разъяснению Совета ФПА РФ, которое, как следует из его названия «По вопросам применения п. 3 ст. 21 Кодекса профессиональной этики адвоката» и содержания, посвящено оценке возможности возбуждения дисциплинарного производства при «наличии признаков уголовно-правового деяния или административного правонарушения в поведении адвоката, или наличии возбужденного в отношении адвоката уголовного дела, или дела об административном правонарушении». Совет не оспаривает такую возможность, свидетельством чему является, в числе прочего, возбуждение настоящего дисциплинарного производства.

Однако разрешение возбуждённого дисциплинарного производства должно осуществляться на основании современной правоприменительной практики (включая конституционно-правовое истолкование) применения принципа *non bis in idem*, которая приведена выше.

В этой связи Совет напоминает, что согласно Федеральному конституционному закону от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (в ред. от 01.07.2021) «О Конституционном Суде Российской Федерации», «Решения Конституционного Суда Российской Федерации обязательны на всей территории Российской Федерации для всех представительных, исполнительных и судебных органов государственной власти, органов местного самоуправления, предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц, граждан и их объединений» (ст. 6).

По этой причине дисциплинарное дело подлежит прекращению.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил прекратить дисциплинарное производство в отношении адвоката М. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы), возбужденное по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 23 марта 2021 года № ..., основанному на информации от начальника ФКУ СИЗО-... УФСИН России по городу Москве П. от 10 февраля 2021 года (вх. № ... от 29.03.2021), вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката

нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

19. Совет признал, что осуществление адвокатом депутатской деятельности без использования статуса адвоката не может образовывать нарушения требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 04 августа 2021 года дисциплинарное производство, возбужденное по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве (далее - ГУ МЮ РФ по Москве) от 01 июля 2021 года № ... (вх. № ... от 05.07.2021) о прекращении статуса адвоката С. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы), необходимо прекратить вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.

В том же Заключении Квалификационная комиссия пришла к выводу о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного по представлению ГУ МЮ РФ по Москве от 23 июля 2021 года № ... (вх. № ... от 23.07.2021), о прекращении статуса адвоката С. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы), вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

В Совет адвокатской палаты города Москвы от представителя ГУ МЮ РФ по Москве Е. поступили письменные возражения от 22.09.2021 № ... на указанное Заключение Квалификационной комиссии (вх. № ... от 23.09.2021). В «Возражениях» указано, что вопреки доводам Заключения Квалификационной комиссии в представлениях ГУ МЮ РФ по Москве приводятся конкретные данные о нарушении адвокатом С. норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре. Так, в представлении от 01.07.2021 говорится о необходимости оценки необоснованных и некорректных заявлений С. на заседаниях М. городской Думы на предмет соответствия требованиям Кодекса профессиональной этики адвоката, в частности, п. 4 ст. 9. Там же ставится вопрос об оценке действий С., направленных к подрыву доверия, а именно: участия 23.01.2021 в публичном массовом мероприятии в центральной части города Москвы, сочетающим формы митинга, пикетирования и шествия, несогласованном с органами исполнительной власти города Москвы, то есть без законных на то оснований, в связи с чем С. 22.03.2021 Т. районным судом г. Москвы назначено наказание по ч. 5 ст. 20.2 КоАП РФ в виде административного штрафа в размере 20.000 рублей.

Однако Квалификационная комиссия не оценила стенограммы заседаний М. городской Думы и протокол об административном правонарушении как доказательства, не проверила факты нарушения адвокатом С.

законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и не дала им оценки.

Автор «Возражений» не соглашается с доводом о том, что данных, свидетельствующих об участии в данной акции С. в качестве адвоката, не представлено.

Возражения также заявлены против довода Квалификационной комиссии о том, что положения п. 4 ст. 26 Кодекса профессиональной этики адвоката не могут распространяться на участников дисциплинарного производства.

В «Возражениях» указывается, что представление *«подписано и содержит все необходимые реквизиты, указанные в статье 20 Кодекса профессиональной этики адвоката»*. Представления о возбуждении дисциплинарного производства или о прекращении статуса адвоката, внесенные ГУ МЮ РФ по Москве в Адвокатскую палату г. Москвы, являются основаниями для возбуждения дисциплинарного производства и последующей оценки всех приложенных доказательств и проверке выдвинутых дисциплинарных обвинений на заседании Квалификационной комиссии.

По этим основаниям представитель заявителя просит направить дисциплинарное производство в отношении адвоката С. Квалификационной комиссии для нового разбирательства.

В заседании Совета представитель ГУ МЮ РФ по Москве Е. подтвердила получение Заключение Квалификационной комиссии и его изучение. Указала, что представления поддерживает, а также поддерживает свои «Возражения» от 04 августа 2021 года на Заключение Квалификационной комиссии.

На вопрос о том, считает ли она возможным для органов адвокатской корпорации оценивать депутатскую деятельность, пояснила, что, как указано в её «Возражениях», стенограммы заседаний М. городской Думы не исследовались Квалификационной комиссией, и она считает, что их надо было исследовать, и если там содержались некорректные высказывания адвоката С., то они должны быть оценены с точки зрения Кодекса профессиональной этики адвоката, что входит в компетенцию Квалификационной комиссии. И нельзя разграничивать в данном случае, что одни некорректные высказывания - как депутата, а другие, более корректные, как адвоката. Статус адвоката С. в тот момент и до настоящего времени не прекращался и не приостанавливался. Следовательно, любые некорректные высказывания при всех, любых обстоятельствах, должны были быть оценены с точки зрения Кодекса профессиональной этики адвоката.

Ей неизвестно, было ли обращение в отношении С. в комиссию по этике М. городской Думы, которая оценивает поведение депутатов. Судя по приложенным протоколам и стенограммам заседаний, председательствующий на заседании М. городской Думы неоднократно делал замечания С. в рамках регламента.

Комментируя пояснения адвоката С., представитель ГУ МЮ РФ по Москве Е. обратила внимание Совета на то, что на странице 20 Заключения

Квалификационной комиссии опровергаются доводы адвоката С. о том, что ему на момент разглашения материалов дисциплинарного производства не было известно о возбуждении дисциплинарного производства. Это подтверждается информацией, сообщенной самим адвокатом С. в своём видеообращении на 6 минуте 7 секунде, где он сам признается, что получил уведомление о возбуждении дисциплинарного дела.

Далее Е. уточнила, что по результатам рассмотрения Заключения Квалификационной комиссии ГУ МЮ РФ по Москве *«просит вынести меру ответственности в виде прекращения статуса»*.

Отвечая на вопрос о том, как в подобной ситуации разделить действия, подпадающие под действие Кодекса профессиональной этики адвоката и Этического кодекса депутата М. городской Думы, представитель ГУ МЮ РФ по Москве Е. заявила: *«Я не уполномочена высказывать официальную позицию от Главного управления по поводу заданного вопроса, считаю, что он не относится к данному дисциплинарному производству, а относится больше к теоретическим вопросам в области адвокатуры. Поэтому, я думаю, мы не будем тратить на это время»*.

В заседании Совета адвокат С. подтвердил, что получил Заключение Квалификационной комиссии, с ним ознакомился и с выводами согласен. Также он пояснил, что в рассматриваемых его действиях никакой связи между депутатской и адвокатской деятельностью нет, все они совершены им только как депутатом М. городской Думы, смешения и использования депутатских полномочий в адвокатской деятельности он не допускал. Его очень удивил довод представления о том, что он направлял адвокатские запросы как депутат. Естественно, он этого не делал. Как депутат, он направлял только депутатские запросы в отношении людей, которые к нему обращались как к депутату, а по делам своих доверителей ни одного депутатского запроса не направлял, равно как и в отношении доверителей своих партнеров по адвокатской деятельности.

О выступлении на канале YouTube с рассказом об обращении органов юстиции пояснил, что комментировал конкретно представление ГУ Минюста по Москве и письмо Министерства юстиции РФ как отдельные самостоятельные документы, исходящие от органов власти, и на тот момент ему не было известно, какое принято решение по нему: возбуждено дисциплинарное производство или нет. Он был уведомлен об этом позднее. Никакие материалы дисциплинарного производства он не комментировал и не разглашал.

Отвечая на заданные ему вопросы, адвокат С. пояснил, что решение суда об административном штрафе за участие в массовом мероприятии им обжаловалось в М. городской суд, который оставил его без изменения, и сейчас он обратился в ЕСПЧ. В кассационном порядке решение не обжаловал, так как считает это бесполезным, хорошо зная практику по «митинговым» делам.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав явившихся участников, признаёт фактические обстоятельства правильно и полностью установленными Квалификационной комиссией, однако полагает необходимым изменить одно из оснований прекращения дисциплинарного производства.

Так, установлено, что поводом для внесения ГУ МЮ РФ по Москве представления от 01 июля 2021 года № ... (вх. № ... от 05.07.2021) явилось поручение заместителя Министра юстиции РФ от 06 мая 2021 года, в котором предлагалось оценить действия депутата С. на заседаниях М. городской Думы при рассмотрении вопросов о назначении мировых судей, где депутат С. задавал председателю М. городского суда Е., представлявшей кандидатуры к соответствующему назначению, вопросы по уголовным делам, в которых он, возможно, принимал участие в качестве адвоката, а также иные вопросы, связанные с осуществлением адвокатской деятельности.

Дисциплинарные нарушения адвоката С., согласно представлению от 01 июля 2021 года № ..., заключались в том, что он, будучи депутатом М. городской Думы и одновременно с этим обладая статусом адвоката:

- участвуя в качестве депутата на заседаниях М. городской Думы от 30 октября 2019 года, 20 ноября 2019 года, 11 декабря 2019 года и 19 февраля 2020 года при рассмотрении вопросов о назначении мировых судей в городе М. на ряд судебных участков допускал необоснованные заявления в адрес судей, судебных процедур и решений, не связанные с рассматриваемым вопросом повестки дня, служащие цели создания негативного мнения у присутствующих о деятельности судей и правоохранительных органов Российской Федерации;

- направлял в органы государственной власти и различные организации депутатские запросы, связанные с допуском адвокатов к задержанным лицам и защитой интересов избирателей не только избирательного округа № ..., от которого он избран депутатом;

- совершил правонарушение, за которое затем был привлечен Т. районным судом города Москвы к административной ответственности, а именно 23 января 2021 года в период с 13.00 час до 19.00 час. в центральной части города Москвы принял участие в публичном массовом мероприятии в сочетании форм митинга (скандируя лозунги тематического содержания), пикетирования (используя средства наглядной агитации плакаты с надписями тематического содержания) и шествия (следуя по маршрутам: П. площадь – С. бульвар – П. бульвар – Т. площадь, далее по Ц. бульвару к станции М. метрополитена «Ц. бульвар»), не согласованном с органами исполнительной власти города Москвы, с количеством участников около 5.000 человек.

Кроме того, в дополнительно поступившем представлении ГУ МЮ РФ по Москве от 23 июля 2021 года № ... (вх. № ... от 23.07.2021) указано, что адвокат С. в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на сайте «YouTube» 19 июля 2021 года разместил видеообращение под заголовком: «*Депутата С. уничтожают! Месть за Н.?*», в котором он

придает гласности документы, составляющие материалы дисциплинарного производства, и призывает неопределенный круг лиц воздействовать на квалификационную комиссию в защиту своих интересов. Однако в соответствии с п. 4 ст. 26 Кодекса профессиональной этики адвоката разглашение материалов дисциплинарного производства не допускается.

Рассматривая дисциплинарные обвинения, выдвинутые против адвоката С., Совет в первую очередь обращает внимание на то, что инкриминируемые ему заявителем действия осуществлены С. в качестве депутата законодательного органа столицы без какой-либо связи с его адвокатским статусом и адвокатской деятельностью.

Кодекс профессиональной этики адвоката в п.5 ст.9 указывает, что *«В любой ситуации, в том числе вне профессиональной деятельности, адвокат обязан сохранять честь и достоинство, избегать всего, что могло бы нанести ущерб авторитету адвокатуры или подорвать доверие к ней, при условии, что принадлежность адвоката к адвокатскому сообществу очевидна или это следует из его поведения»*. При этом, согласно Разъяснению Комиссии ФПА РФ по этике и стандартам от 16 февраля 2018 г. № 02/18 «По вопросам применения п. 2 ст. 5 и п. 5 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката», поведение адвоката вне профессиональной деятельности, которое наносит ущерб авторитету адвокатуры или подрывает доверие к ней, может квалифицироваться органами адвокатского самоуправления в качестве нарушения правил профессиональной этики при условии, что принадлежность такого лица к адвокатскому сообществу очевидна или это следует из его поведения (*здесь и далее выделено Советом*). Однако в представленных заявителем материалах нет доказательств того, что поведение С. носило характер адвокатской, а не депутатской деятельности, либо со всей очевидностью демонстрировало принадлежность к адвокатскому сообществу. Сам адвокат С. последовательно утверждает, что во всех рассматриваемых случаях, включая участие в массовом мероприятии, действовал исключительно как депутат, адвокатом не представлялся и на свой адвокатский статус не ссылался, депутатские полномочия в интересах своих доверителей не использовал.

Существенно также, что в компетенцию органов адвокатского самоуправления, созданных исключительно для целей реализации полномочий, предусмотренных Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», не входит оценка поведения депутатов законодательного органа субъекта Российской Федерации при реализации ими депутатских полномочий. Для этого, в частности, в М. городской Думе существуют иные правовые средства и механизмы, а именно:

- «Этический кодекс депутата М. городской Думы», утвержденный постановлением М. городской Думы от 23 ноября 2005 года № 336, предусматривающий нормы добросовестной деятельности депутата, соблюдение корпоративной этики и языковые правила;

- «Регламент М. городской Думы», утвержденный постановлением М. городской Думы от 16 ноября 2005 г. № 320, которым предусмотрены меры воздействия на участников заседаний, если это вызывается необходимостью;

- «Комиссия по законодательству, регламенту, правилам и процедурам» действующая на основании постановления М. городской Думы от 19 ноября 2014 г. № 316 "Об утверждении положения о комиссиях М. городской Думы", осуществляющая, помимо прочего, контроль за соблюдением депутатами норм Регламента Думы, в том числе в заседаниях Думы.

Как правильно отметила Квалификационная комиссия в своем Заключении, участие С. в заседаниях М. городской Думы 30 октября 2019 года, 20 ноября 2019 года, 11 декабря 2019 года и 19 февраля 2020 года при рассмотрении вопросов о назначении мировых судей было обусловлено его полномочиями именно как депутата и не имело никакого отношения к адвокатской деятельности. Вопреки утверждениям представителя заявителя, в ходе дисциплинарного разбирательства внимательно изучены протоколы заседаний и выписки из стенограмм за вышеуказанные даты, из которых следует, что С., как и целый ряд других депутатов М. городской Думы, принимал активное участие в обсуждении кандидатур мировых судей, в том числе – задавая вопросы докладчику – председателю М. городского суда.

Как следует из содержания стенограмм, обсуждение проходило в активной рабочей обстановке, и каких-либо существенных замечаний С. сделано не было. Так, в протоколах заседаний от 30.10.2019 № 2, от 20.11.2019 № 3, от 19.02.2020 № 2 никаких замечаний в адрес депутата С. не содержится. Что касается содержания выписок из стенограмм заседания по вопросу назначения мировых судей:

- от 11.12.2019 - на ряд вопросов депутата С. председателю М. городского суда Е. об ответственности судей за вынесение заведомо неправосудного приговора, председатель Думы напомнил, что депутаты могут задавать только два вопроса подряд, либо записаться еще раз; по выступлению С. на тему о состоянии судебной системы замечаний не было;

- от 30.10.2019 - на вопрос С. о мерах ответственности судьи К. пояснение председателя Думы докладчику: *«Вопрос не имеет отношения к рассматриваемому вопросу повестки дня, поэтому ответ на Ваше усмотрение»*; вопрос С. об увеличении штатной численности судей в М. - председатель Думы: это не имеет отношения к мировым судьям;

- от 20.11.2019 - на вопрос С. председателю М. городского суда Е. об ответственности судьи К., реакция председателя Думы: прошу всех работать в рамках повестки дня и в рамках того вопроса, который мы рассматриваем.

- от 19.02.2020 - на вопрос депутата С. к председателю М. городского суда Е. об излишней строгости приговора по делу Ко. – пояснение докладчику от председателя Думы: вопрос не относится к повестке дня, на него можно не отвечать; на вопрос депутата С. о принципах назначения уголовного наказания - председатель Думы: вопрос не относится к повестке дня. Здесь же имеется запись: *«Председатель Думы: коллега С., не кричите в зале, не выступайте*

без микрофона, пожалуйста, соблюдайте Регламент». На выступление депутата С. с упоминанием того, что признания вины добиваются пытками - реакция председателя Думы: *«А какое это выступление имело отношение к повестке дня?».* Ещё одна запись: *«Председатель Думы: ...коллега С., я прошу не вводить в заблуждение ни депутатов, ни присутствующих сегодня в зале заседаний, ни наших зрителей, которые смотрят нас в Интернете. У нас есть четкий Регламент, где прописано, как принимается решение. Я бы Вам рекомендовал еще раз посмотреть наш Регламент».*

Совет обращает внимание на то, что ни одной предусмотренной Регламентом М. городской Думы меры воздействия за нарушение правил проведения заседаний (призыв к порядку; повторный призыв к порядку с занесением соответствующей записи в протокол; порицание; порицание с лишением слова) к депутату С. за якобы его ненадлежащее поведение применено не было, хотя ряд его коллег по работе в законодательном органе при обсуждении вопросов, внесенных в повестку дня, получили замечания за пререкания с председательствующим с повторным призывом к порядку и с занесением соответствующей записи в протокол заседания (см. выписку из протокола за 30.10.2019).

Совет также отмечает, что дисциплинарное обвинение в отношении адвоката С. в части сделанных им в заседаниях М. городской Думы заявлений, *«служащих цели создания негативного мнения о присутствующих, о деятельности судей и правоохранительных органов Российской Федерации»*, изложено в представлении совершенно неконкретно. В нём не указано, какие именно выражения, по мнению заявителя, составляют дисциплинарный проступок и почему они были нацелены на создание негативного мнения.

Между тем подпунктами 6 и 7 п. 2 и п. 3 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката предусмотрено, что в жалобе должны быть указаны конкретные действия (бездействие) адвоката, в которых выразилось нарушение им требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката, а также обстоятельства, на которых лицо, обратившееся с жалобой, основывает свои требования, и доказательства, подтверждающие эти обстоятельства, а также что лицо, требующее привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности, должно указать на конкретные действия (бездействие) адвоката, в которых выразилось нарушение им требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) Кодекса профессиональной этики адвоката. Органы адвокатского самоуправления не наделены правом формулирования и конкретизации предъявленного дисциплинарного обвинения, при том, что конкретность обвинения является общеправовым принципом и необходимой предпосылкой реализации лицом, против которого выдвинуто обвинение, права на защиту. Уклонение участника дисциплинарного производства, требующего привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности, от конкретизации обвинения обязывает правоприменяющий орган толковать все сомнения в пользу лица, против

которого выдвинуто обвинение в ненадлежащем поведении (*Сборник нормативных и информационных материалов за 2002-2014 годы. Специальный выпуск Вестника Адвокатской палаты г. Москвы. Москва, 2014. С.192-193*).

По этим причинам Совет не усматривает дисциплинарного проступка в действиях адвоката С. по обсуждению им в качестве депутата М. городской Думы в заседаниях 30.10.2019, 20.11.2019, 11.12.2019 и 19.02.2020 вопросов о назначении мировых судей, и принимает решение прекратить в данной части дисциплинарное производство. При этом основанием его прекращения в данной части Совет, вопреки Заключение Квалификационной комиссии, признаёт не отсутствием допустимого повода, а отсутствие в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

В отношении подачи адвокатом С. депутатских запросов Совет, как и Квалификационная комиссия, учитывает, что такими полномочиями он наделён Законом города М. от 13 июля 1994 года «О статусе депутата М. городской Думы» и Закон города М. № 24 от 22 ноября 1995 года «О порядке внесения и рассмотрения депутатского запроса».

Согласно имеющемуся в дисциплинарном деле письму руководителя Аппарата М. городской Думы от 15.03.2021 № ... в адрес директора Департамента по вопросам правовой помощи и взаимодействия с судебной системой Министерства юстиции РФ, в указанном Аппарате не регистрировались и не направлялись запросы и обращения депутата С. в форме адвокатского запроса. Из того же письма следует, что депутатом С. за время его депутатской деятельности было направлено в органы государственной власти и различные организации 33 депутатских запроса.

В процессе дисциплинарного разбирательства установлено, что предметом данных депутатских запросов был самый широкий круг вопросов далеко не только юридического свойства: режим самоизоляции в период распространения коронавируса, градостроительство, обучение школьников, строительство, ремонт учебных заведений, качество питания учащихся в образовательных учреждениях, стоянки большегрузного транспорта, качество работ по устройству детских площадок, противоречия Генерального плана города М. ряду нормативно-правовых актов, необходимость прекращения деятельности мусоросжигательного завода и т.п. При этом ни в одном из этих запросов, представленных в материалы дисциплинарного производства, нет упоминаний об адвокатском статусе инициатора запроса, все они поданы депутатом С., исполнены на бланке М. городской Думы с подзаголовком «депутатский запрос» и содержат указание на то, что запрос одобрен на заседании Думы. Доказательств того, что при обращении с каким-либо депутатским запросом С. действовал в интересах лиц, которым он или его партнёры оказывали юридическую помощь как адвокаты, также не представлено.

Совет соглашается с доводом Квалификационной комиссии о том, что каких-либо запретов на направление депутатского запроса в защиту неограниченного круга лиц, а не только прав и законных интересов граждан, проживающих на территории избирательного округа депутата – автора запроса, действующее законодательство не содержит. Вопреки доводу представления, ч. 1 ст. 7 и ч. 1 ст. 8 Закона города М. № 14-60 от 13 июля 1994 года «О статусе депутата М. городской Думы» каких-либо запретов в этой части также не содержат. При этом вопрос о пределах полномочий депутата при обращении с депутатским запросом в данном контексте не относится к адвокатской деятельности и не подлежит оценке на предмет соответствия требованиям профессиональной этики адвоката.

По этим причинам Совет приходит к выводу о том, что и в данном случае дисциплинарное обвинение не находит своего подтверждения, в связи с чем дисциплинарное дело в данной части подлежит прекращению вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Переходя к доводу заявителя о привлечении адвоката С. Т. районным судом города Москвы к административной ответственности за совершение административного правонарушения, предусмотренного ч. 5 ст. 20.2 КоАП РФ, Совет отметит, что каких-либо доказательств, свидетельствующих об участии С. в данном мероприятии в качестве адвоката, в материалы дисциплинарного производства не представлено. В решении Т. районного суда города Москвы от 22 марта 2021 года по делу № ... указано, что участником несанкционированного публичного массового мероприятия является депутат М. городской Думы С. В качестве документов, удостоверяющих личность С., помимо общегражданского паспорта, последним было представлено удостоверение именно депутата М. городской Думы, а не адвоката. Как следует из протокола об административном правонарушении от 20 февраля 2021 года № ..., в графе «место работы» в отношении С. указано «депутат М. городской Думы». В рапорте дежурного по ОМВД России по Т. району города Москвы также указано, что во время «несанкционированной публичной акции» 23 января 2021 года был задержан депутат М. городской Думы С. Аналогичная информация содержится в рапорте без даты инспектора ... отделения ООП УВД по ... ГУ МВД России по городу Москве. Каких-либо данных о позиционировании С. себя как адвоката в ходе указанного массового мероприятия, а равно о каких-либо действиях, совершенных С. как адвокатом, в материалах дисциплинарного производства не содержится.

Давая оценку рассматриваемому дисциплинарному обвинению, Совет вновь обращается к упомянутому выше Разъяснению Комиссии ФПА РФ по этике и стандартам от 16 февраля 2018 г. № 02/18 «По вопросам применения п. 2 ст. 5 и п. 5 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката», и отмечает, что в представленных заявителем материалах, вопреки доводам «Возражений»

представителя ГУ МЮ РФ по Москве, отсутствуют доказательства того, что поведение С. в ходе публичной акции или при его задержании носило характер адвокатской, а не депутатской деятельности, либо со всей очевидностью демонстрировало его принадлежность к адвокатскому сообществу.

Кроме того, Совет вновь подчёркивает, что дисциплинарные органы адвокатского самоуправления Адвокатской палаты города Москвы неукоснительно придерживаются в своей практике правила о недопустимости двойной (повторной) ответственности за одно и то же деяние.

В данном дисциплинарном деле соответствующие доводы подробно приведены в Заключение Квалификационной комиссии (с.с.16-19) и в полной мере разделяются Советом. При этом у Совета не вызывает сомнений, что по своему характеру, нормативной регламентации, порядку возложения и юридическим последствиям дисциплинарная ответственность является публично-правовой, а поэтому применение в отношении адвоката С. дополнительно к административной ответственности еще и меры дисциплинарной ответственности за те же самые действия означало бы привлечение его к двойной (повторной) публично-правовой ответственности за одно и то же деяние, что, согласно общеобязательной правовой позиции Конституционного Суда РФ, недопустимо и неприемлемо в правовом государстве (Постановление Конституционного Суда РФ от 6 апреля 2021 года № 10-П, Определение от 27 февраля 2020 г. № 312-О; Постановление от 12 мая 2021 года № 17-П; Постановление от 4 февраля 2019 года № 8-П).

Согласно Федеральному конституционному закону от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (в ред. от 01.07.2021) «О Конституционном Суде Российской Федерации», *«Решения Конституционного Суда Российской Федерации обязательны на всей территории Российской Федерации для всех представительных, исполнительных и судебных органов государственной власти, органов местного самоуправления, предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц, граждан и их объединений»* (ст.6).

Таким образом, и в данной части в действиях адвоката С. не усматривается признаков дисциплинарного проступка.

Переходя к оценке дисциплинарного обвинения, изложенного в представлении ГУ МЮ РФ по Москве от 23 июля 2021 года № ... (вх. № ... от 23.07.2021) о прекращении статуса адвоката С. за нарушение положений п. 4 ст. 26 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся в размещении адвокатом С. в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на сайте «YouTube» видеообращения под заголовком: *«Депутата С. уничтожают! Месть за Н.?»*, в котором он предаёт гласности документы, составляющие материалы дисциплинарного производства, и призывает неопределенный круг лиц воздействовать на квалификационную комиссию и орган юстиции субъекта Российской Федерации в защиту своих прав и законных интересов, Совет отмечает следующее.

Совет не может согласиться с доводом Квалификационной комиссии о том, что требования п. 4 ст. 26 Кодекса профессиональной этики адвоката

распространяются только на дисциплинарные органы адвокатских палат, но не распространяются на участников дисциплинарного производства, и исключает этот вывод из обоснования настоящего решения как ошибочный, не основанный на нормах закона и Кодекса профессиональной этики.

Вместе с тем, как справедливо отметила Квалификационная комиссия в своем Заключении, положения п. 4 ст. 26 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающие запрет на разглашение материалов дисциплинарного производства, корреспондируют п. 4 ст. 19 того же Кодекса, где указывается, что при осуществлении дисциплинарного производства принимаются меры для охраны сведений, составляющих тайну личной жизни лиц, обратившихся с жалобой, коммерческой и адвокатской тайны.

Доктринальное толкование этих норм в их взаимосвязи состоит в следующем (Пилипенко Ю.С. «Научно-практический комментарий к Кодексу профессиональной этики адвоката» - М., 2-е изд., 2013):

- *«Как правило, вся совокупность конфиденциальной информации, которая может быть задействована в ходе дисциплинарного производства, составляет адвокатскую тайну и уже по этой причине не может быть использована (разглашена) никем из лиц, участвующих в таком производстве» (с.381);*

- *«...Если дисциплинарное производство возбуждено по жалобе доверителя адвоката, в его ходе должны быть приняты все возможные меры для обеспечения полной конфиденциальности, исключаящие разглашение или иное использование кем-либо из участников указанных сведений» (там же);*

- *«Норма, запрещающая разглашение материалов дисциплинарного производства, в принципе имеет не столько процессуальное, сколько материальное значение. Эта норма может предполагать ответственность адвокатов - членов Совета или участников дисциплинарного производства за действия (бездействие), которые привели к нарушению конфиденциальности» (стр. 461).*

Аналогичный подход предусмотрен и «Руководством по установлению и поддержанию процедур обжалования и рассмотрения дисциплинарных вопросов», одобренным Советом Международной Ассоциации юристов (Сингапур, октябрь 2007): процедурам, принятым каждым дисциплинарным органом по рассмотрению споров, следует предусматривать меры соответствующего обеспечения конфиденциальности применительно к клиенту (п.18).

Соответственно, оценка поведения адвоката на предмет соответствия требованию п. 4 ст. 26 Кодекса профессиональной этики адвоката должна даваться с учётом того, разглашены ли им сведения, которые носят конфиденциальный характер, затрагивающий охраняемые законом интересы того или иного участника разбирательства.

Адвокат С. не отрицает факт размещения им 19 июля 2021 года в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» видеоролика, в котором им выражает своё несогласие с доводами представления ГУ МЮ РФ

по Москве от 01 июля 2021 года. Однако содержание выступления адвоката С. показывает, что в нем не усматривается разглашения адвокатской или какой-либо иной охраняемой законом тайны.

Материалы, которые комментировал адвокат С. в указанном выступлении (представление Главного управления Минюста РФ по Москве и письмо Минюста РФ), касаются его самого и являются документами публичных органов исполнительной власти, выпущенными в процессе исполнения ими своих публичных полномочий. Они не относятся к сведениям ограниченного пользования и не содержат грифа, не позволяющего открыто их цитировать и сообщать содержащиеся в них сведения неограниченному кругу лиц. Эти материалы послужили поводом для принятия решения о возбуждении настоящего дисциплинарного производства, однако они не были получены в ходе этого производства.

Апеллирование к общественному мнению как форма защиты своих прав и законных интересов не запрещено действующим законодательством. Напротив, ч.4 ст.29 Конституции РФ гарантирует, что каждый имеет право свободно распространять информацию любым законным способом, а ч. 2 ст. 45 Конституции РФ гарантирует право каждого защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещёнными законом.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу об отсутствии в действиях адвоката С. дисциплинарного нарушения и в этой части. На этот вывод не влияет то обстоятельство, что, вопреки утверждениям адвоката С., на момент записи своего выступления он уже был уведомлен о возбуждении дисциплинарного производства.

Ссылка заявителя на то, что *«С. унифицировал уже несколько десятков обращений в органы юстиции, оказывая таким образом давление на орган исполнительной власти»*, не влияет на оценку поведения адвоката С., поскольку согласно ст.33 Конституции РФ *«Граждане Российской Федерации имеют право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления»*. Каких-либо доказательств того, что в указанных обращениях адвоката С. содержатся его высказывания, не соответствующие требованиям профессиональной этики, в материалы дисциплинарного производства не представлено.

Это же относится и к доводу заявителя о том, что адвокат С. *«призывает неопределенный круг лиц воздействовать на квалификационную комиссию в защиту своих интересов»*. Каких-либо данных о том, что поступившие в Адвокатскую палату города Москвы обращения в защиту и поддержку адвоката С. повлияли на выводы Квалификационной комиссии, не имеется. Совет признает, что дисциплинарное разбирательство проведено Квалификационной комиссией в соответствии с требованиями ст.19 Кодекса профессиональной этики адвоката, Комиссия правильно установила фактические обстоятельства, а её Заключение соответствует предъявляемым к нему требованиям.

По этой причине Совет находит оснований для направления дисциплинарного производства Квалификационной комиссии для нового разбирательства.

Вместе с тем, принимая во внимание, что представление Главного управления Министерства юстиции РФ по Москве относится к числу допустимых поводов для возбуждения дисциплинарного производства, Совет считает необходимым изменить основание прекращения дисциплинарного производства, прекратив его в полном объеме вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил прекратить дисциплинарное производство, возбужденное по представлениям Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 01 июля 2021 года № ... (вх. № ... от 05.07.2021) и от 23 июля 2021 года № ... (вх. № ... от 23.07.2021), в отношении адвоката С. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы), вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

20. Совет прекратил статус адвоката за представление в Адвокатскую палату Москвы недостоверных сведений об оказании им бесплатной юридической помощи гражданам.

Квалификационная комиссия 22 сентября 2021 года вынесла Заключение:

- о нарушении адвокатом К. п. 2 и 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, что выразилось в предоставлении им в Адвокатскую палату города Москвы совместно с сопроводительным письмом от 27 мая 2021 года № ... (вх. № ... от 27.05.2021) документов, содержащих не соответствующие действительности сведения об оказании 30 апреля 2021 года бесплатной юридической помощи Р., умершему 11 августа 2020 года, в виде одной устной и пяти письменных консультаций с выездом на дом, а также об оказании 10 мая 2021 года бесплатной юридической помощи Б., умершему 15 апреля 2021 года, в виде одной устной и пяти письменных консультаций, которым перечисленная юридическая помощь в действительности в указанные даты не оказывалась, в целях получения из бюджета города Москвы оплаты за указанную юридическую помощь;

- о нарушении адвокатом К. п.п. 2 и 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, что выразилось в предоставлении им в Адвокатскую палату города Москвы совместно с сопроводительным письмом от 31 июля 2021 года № ... (вх. № ... от 23.08.2021) документов, содержащих не соответствующие

действительности сведения об оказании 19 июля 2021 года бесплатной юридической помощи С., умершему 03 января 2020 года, в виде одной устной и пяти письменных консультаций, а также об оказании 23 июля 2021 года бесплатной юридической помощи Д., умершей в апреле 2018 года, в виде одной устной и пяти письменных консультаций, которым перечисленная юридическая помощь в указанные даты в действительности не оказывалась, в целях получения из бюджета города Москвы оплаты за указанную юридическую помощь;

- о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

В заседании Совета адвокат К. подтвердил, что получил Заключение Квалификационной комиссии, ознакомился с ним, с выводами согласен, поскольку они сделаны на основе его объяснений, но полагает их «немного жестковатыми». Считает, что выводы Квалификационной комиссии о предоставлении им недостоверных данных об оказанной юридической помощи не совсем верные, так как юридическую помощь ранее оказывал, но отчитался по ней неправильно, и в этой части с выводами Комиссии согласен: «В результате того, что отчитался неправильно, получились недостоверные данные. Людей принимал и занимался ими, и это не пустые люди. Но отчитался за них неверно: не тем числом, по прошествии какого-то времени – вот это сделал неправильно». В отношении Д. он ошибся, так как был материал с созвучной фамилией, и в этом случае «получился взаимозачет какой-то»: за До. не отчитывался, а за Д. отчет подал – «получился взаимозачет граждан, получилась вот такая ошибка». Адвокат К. пояснил, что он «с Р. занимался неоднократно; с Б. тоже занимался, тот принес не относящиеся к делу документы, но они подтверждают, что Б. у меня был. Но вместо апреля отчитался за него в мае, после того, как тот умер. С. тоже приходил, материал об этом остался, так как его принимал, то решил отчитаться за него позже. Неправильно сделал, согласен, что нельзя было этого делать». Пояснил, что у него «налажена работа с этими людьми», и в этой системе он работает уже пять лет, но «каждый человек приносит материалы, которые скапливаются, и в этой куче материалов произошло вот это все, даже не знаю, как это объяснить; запутался, зарпортовался». Вместе с тем адвокат К. не смог пояснить причину разницы своих объяснений в заседании Совета и версии, которую он излагал в письменных объяснениях и в заседании Квалификационной комиссии.

Рассмотрев и обсудив дисциплинарное производство, заслушав доводы адвоката К., Совет соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и её выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что адвокат К. участвует лично в оказании гражданам Российской Федерации

юридической помощи в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи.

В целях получения оплаты за бесплатную юридическую помощь, якобы оказанную гражданам Р. и Б. 30 апреля и 10 мая 2021 года соответственно, адвокат К. совместно с сопроводительным письмом от 27 мая 2021 года № ... представил в Адвокатскую палату города Москвы комплекты документов, предусмотренных Законом города Москвы «Об оказании адвокатами бесплатной юридической помощи гражданам Российской Федерации в городе Москве» и постановлением Правительства Москвы от 15 октября 2013 года № 687-ПП «О мерах по обеспечению оказания адвокатами бесплатной юридической помощи в городе Москве» (в том числе и в части указанных граждан), на основании которых им были сформированы отчеты о расходах в связи с оказанием бесплатной юридической помощи за период с 02 апреля по 27 мая 2021 года. Отчеты были зарегистрированы Палатой 27 мая 2021 года за входящим № ...

Адвокат К. совместно с заявлением от 23 августа 2021 года (вх. № ... от 23.08.2021) представил в Адвокатскую палату города Москвы комплекты документов в отношении граждан Р. и Б., ранее представлявшиеся им в Палату совместно с отчетами, подлежащими направлению в Департамент труда и социальной защиты населения города Москвы.

В числе прочего, адвокатом К. в Адвокатскую палату города Москвы совместно с заявлением от 23 августа 2021 года (вх. № ... от 23.08.2021) были представлены следующие документы:

- заявление Р. от «30 IV 2021» года, адресованное адвокату К. и содержащее просьбу оказать Р. юридическую помощь в виде «правового консультирования в устной и письменной форме» [*На заявлении под подписью заявителя содержится рукописная запись «представитель» без указания сведений о представителе и его полномочиях действовать от имени Р. – примечание Совета*]; Соглашение без номера от 30 апреля 2021 года об оказании бесплатной юридической помощи, заключенное между адвокатом К. и гражданином Р. [*В разделе «Реквизиты и подписи сторон» указанного Соглашения содержится подпись неустановленного лица, рукописная запись «представитель» без указания сведений о представителе и его полномочиях действовать от имени Р. – примечание Совета*]; Акт от 30 апреля 2021 года о получении гражданином Р. 30 апреля 2021 года бесплатной юридической помощи в виде одной устной и пяти письменных консультаций с выездом на дом, оказанной адвокатом в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи [*В разделе «(заявитель) – подпись» акта содержится подпись неустановленного лица, рукописная запись «представитель» без указания сведений о представителе и его полномочиях действовать от имени Р. – примечание Совета*];

- заявление Б. от «10 IV 2021» года, адресованное адвокату К. и содержащее просьбу оказать Б. юридическую помощь в виде «правового консультирования в устной и письменной форме»; Соглашение без номера от

«10 IV 2021» года об оказании адвокатом бесплатной юридической помощи, заключенное между адвокатом К. и гражданином Б.; Акт от «10 I 2021» года о получении гражданином Б. 10 мая 2021 года бесплатной юридической помощи в виде одной устной и пяти письменных консультаций, оказанной адвокатом К. в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи.

Согласно представленным адвокатом К. актам, 30 апреля 2021 года он выезжал к Р. на дом, где проконсультировал его шесть раз (одна устная и пять письменных консультаций), а 10 мая 2021 года он проконсультировал Б. шесть раз (одна устная и пять письменных консультаций).

Однако, согласно сведениям, содержащимся в письме Первого заместителя руководителя Департамента труда и социальной защиты населения города Москвы Г. от 26 июля 2021 года № ..., гражданин Р. скончался 11 августа 2020 года, а гражданин Б. скончался 15 апреля 2021 года.

Адвокат К. в письменных объяснениях объясняет включение в отчет и соответствующие документы об оказании бесплатной юридической помощи поименованным гражданам недостоверных сведений тем, что оказывал юридическую помощь Р. 30 апреля 2021 года в связи с обращением его представителей, не проинформировавших его (адвоката К.) о факте смерти Р.; ранее Р. якобы была оказана юридическая помощь, а именно выезд на дом для консультаций 03 августа 2020 года, которую адвокат включил в акт от 30 апреля 2021 года. При заполнении документов об оказании юридической помощи Б. была допущена ошибка – фактически юридическая помощь ему была оказана, но не 10 мая 2021 года, а в начале апреля 2021 года.

К данным объяснениям адвоката К., а также к его пояснениям, данным в ходе заседания Совета, Совет относится критически и отклоняет их ввиду следующего.

В силу положений п.п. 1 и 2 ст. 3 Закона города Москвы «Об оказании адвокатами бесплатной юридической помощи гражданам Российской Федерации в городе Москве» документы, подтверждающие право на получение бесплатной юридической помощи, предоставляются непосредственно гражданином адвокату (в адвокатское образование). По просьбе гражданина они могут быть также предоставлены другим лицом в случаях, перечисленных в законе, при этом полномочия представителя в указанных случаях подтверждаются в порядке, установленном Гражданским кодексом Российской Федерации.

«Представители», якобы обратившиеся к адвокату К. за получением бесплатной юридической помощи от имени умершего Р., никаких подтверждений своих полномочий не представили. Кроме того, адвокат К. в заседании Квалификационной комиссии не смог сообщить какие-либо установочные данные указанных представителей, включая их половую принадлежность, сообщив при этом, что общался с ними по телефону Р., что свидетельствует о явной надуманности избранной адвокатом защитительной версии. Явно надуманными Совет считает и объяснения адвоката К. о том, что выезд к Р. он включил в акт и в отчет с неверной датой 30 апреля 2021 года,

так как 03 августа 2020 года он якобы действительно выезжал к Р. для дачи консультаций, но ошибочно не включил этот выезд при «списании материалов».

Не принимаются Советом объяснения адвоката К. и в части ошибки в указании месяца, допущенной им при оформлении документов об оказании юридической помощи Б.

Из акта от «10 / 2021» года о получении Б. бесплатной юридической помощи усматривается, что в нем арабскими цифрами указана дата консультаций «10 05 21», вписанная адвокатом К. собственноручно. При этом в заявлении, составленном от имени Б. и содержащем просьбу оказать ему (Б.) бесплатную юридическую помощь, и в Соглашении без номера об оказании адвокатом бесплатной юридической помощи после знака дроби «/» проставлена римская цифра «V», в результате чего месяц изготовления указанных документов стал похож на апрель – на римскую цифру IV.

Такое несоответствие написания дат на документах, которые должны были оформляться адвокатом и его доверителем Б. одновременно, а также использование в перечисленных документах арабского и римского обозначения цифр, по мнению Совета, указывает на то обстоятельство, что римская цифра «V» была вписана адвокатом К. в перечисленные документы после их возвращения адвокату из бухгалтерии Адвокатской палаты города Москвы и ознакомления последнего с содержанием письма Первого заместителя руководителя Департамента труда и социальной защиты населения города Москвы Г. от 26 июля 2021 года № ....

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с выводами Квалификационной комиссии, признаёт установленным, что адвокат К. умышленно представил в Адвокатскую палату города Москвы недостоверные сведения об оказании им бесплатной юридической помощи гражданам Российской Федерации Р. и Б. в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи.

В результате рассмотрения дисциплинарного производства также установлено, что в целях получения оплаты за бесплатную юридическую помощь, якобы оказанную гражданам С. и Д. 19 и 23 июля 2021 года соответственно, адвокат К. совместно с сопроводительным письмом от 31 июля 2021 года № ... представил в Адвокатскую палату города Москвы комплекты документов, предусмотренных Законом города Москвы «Об оказании адвокатами бесплатной юридической помощи гражданам Российской Федерации в городе Москве» и постановлением Правительства Москвы от 15 октября 2013 года № 687-ПП «О мерах по обеспечению оказания адвокатами бесплатной юридической помощи в городе Москве», на основании которых им были сформированы отчеты о расходах в связи с оказанием бесплатной юридической помощи за период с 01 по 31 июля 2021 года. Отчеты были зарегистрированы Палатой 23 августа 2021 года за входящим № ....

Адвокат К. указанные обстоятельства также не отрицает, кроме того, они подтверждаются документами, представленными адвокатом К. в

Адвокатскую палату города Москвы совместно с сопроводительным письмом от 31 июля 2021 года № ...

Согласно представленным адвокатом К. актам, 19 июля 2021 года он проконсультировал С. шесть раз (одна устная и пять письменных консультаций), а 23 июля 2021 года он проконсультировал Д. шесть раз (одна устная и пять письменных консультаций).

Однако, согласно сведениям, содержащимся в письме Первого заместителя руководителя Департамента труда и социальной защиты населения города Москвы Г. от 14 сентября 2021 года № ..., гражданка Д. скончалась в апреле 2018 года, а гражданин С. скончался 03 января 2020 года.

Адвокат К. объясняет включение в отчет и соответствующие документы об оказании бесплатной юридической помощи поименованным гражданам недостоверных сведений тем, что ранее оказывал им юридическую помощь, однако материал так и остался «неписанным». Кроме того в части включения в соответствующие документы и отчет юридической помощи, якобы оказанной Д. 23 июля 2021 года, адвокат ссылается на ошибку, допущенную из-за созвучности фамилий Д. и До., указывая, что последняя обращалась к нему в июле 2021 года за получением бесплатной юридической помощи.

Данные объяснения адвоката К. Совет также считает явно надуманными и отклоняет, поскольку в соответствии с п. 5 Постановления Правительства Москвы от 15 октября 2013 года № 687-ПП «О мерах по обеспечению оказания адвокатами бесплатной юридической помощи в городе Москве» ежегодно в срок до 25 января года, следующего за отчетным, Адвокатская палата города Москвы направляет в Департамент труда и социальной защиты населения города Москвы доклад и сводный отчет об оказании адвокатами бесплатной юридической помощи в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи в городе Москве. При этом оплата труда и компенсация расходов адвокатам, связанных с оказанием бесплатной юридической помощи в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи в городе Москве, производится Адвокатской палатой города Москвы за счет субсидии, получаемой из бюджета города Москвы за счет бюджетных ассигнований, предусмотренных Департаменту на указанные цели на соответствующий финансовый год и плановый период (п. 3 Постановления).

Таким образом, возможность оплаты труда адвоката по оказанию бесплатной юридической помощи в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи в городе Москве за периоды, предшествующие отчетному, а тем более формирование в указанных целях недостоверных документов, действующими нормативными актами не предусмотрена.

Помимо этого, адвокат К. ничем не подтвердил факты предшествующего оказания юридической помощи всем указанным лицам, но даже не привёл никаких конкретных сведений о её характере, содержании и времени оказания.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с выводами Квалификационной комиссии, признаёт установленным, что адвокат К. умышленно представил в Адвокатскую палату города Москвы недостоверные сведения об оказании им бесплатной юридической помощи гражданам Российской Федерации С. и Д. в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи.

Вместе с тем, Совет соглашается с выводом Квалификационной комиссии о том, что в ходе рассмотрения дисциплинарного производства не нашел своего подтверждения факт включения адвокатом К. в отчет и соответствующие документы выезд к гражданке Д. 23 июля 2021 года, поскольку таких сведений в имеющихся в материалах дисциплинарного производства документах не содержится, в связи с чем в указанной части дисциплинарное производство подлежит прекращению.

Давая юридическую оценку действиям адвоката К. применительно к установленным в ходе рассмотрения настоящего дисциплинарного производства обстоятельствам, Совет отмечает, что в соответствии с п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат должен избегать действий, направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре; согласно п. 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката злоупотребление доверием несовместимо со статусом адвоката. Совет, вопреки доводам адвоката К., признаёт, что его действия, выразившиеся в представлении в Адвокатскую палату города Москвы для получения соответствующих выплат заведомо недостоверных документов, подтверждающих оказание бесплатной юридической помощи умершим гражданам, которым она в действительности не оказывалась, свидетельствуют о нарушении адвокатом К. требований п.п. 2 и 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Избирая, в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, меру дисциплинарной ответственности адвоката К. за совершенные им дисциплинарные нарушения, Совет отмечает их умышленный, злостный и систематический характер, а также безнравственность и наличие корыстного мотива. Действия адвоката К. противоречат назначению и традициям российской адвокатуры по оказанию бесплатной юридической помощи «по праву бедности», причиняют серьезный репутационный ущерб адвокатуре как институту гражданского общества. Совершенные адвокатом К. деяния вне разумных сомнений являются злоупотреблением доверием и направлены к подрыву доверия к адвокату и адвокатуре в целом, что несовместимо со статусом адвоката.

При таких обстоятельствах Совет полагает невозможным применение к адвокату К. более мягкой, чем прекращение статуса адвоката, меры дисциплинарной ответственности из числа предусмотренных п. 6 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, поскольку это противоречило бы требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката, а

могло бы дать основание полагать, что совершённые им нарушения совместимы со статусом адвоката.

В соответствии с п. 2 ст. 17 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» статус адвоката может быть прекращен по решению совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, в региональный реестр которого внесены сведения об адвокате, на основании заключения квалификационной комиссии при: 1) неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем; 2) нарушении адвокатом норм кодекса профессиональной этики адвоката; 3) неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом решений органов адвокатской палаты, принятых в пределах их компетенции.

Определяя в соответствии с п. 7 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката срок, по истечении которого К. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена, Совет, с учётом тяжести нарушений и всей совокупности установленных обстоятельств, включая длительный стаж профессиональной деятельности адвоката К. и отсутствие у него дисциплинарных взысканий, считает необходимым установить этот срок в 3 (три) года.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального Закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п.п. 1, 4, 7 ст. 18, пп. 1 и 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил применить к адвокату К. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката за нарушение им:

- п. 2 и 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, что выразилось в предоставлении им в Адвокатскую палату города Москвы совместно с сопроводительным письмом от 27 мая 2021 года № ... (вх. № ... от 27.05.2021) документов, содержащих не соответствующие действительности сведения об оказании 30 апреля 2021 года бесплатной юридической помощи Р., умершему 11 августа 2020 года, в виде одной устной и пяти письменных консультаций с выездом на дом, а также об оказании 10 мая 2021 года бесплатной юридической помощи Б., умершему 15 апреля 2021 года, в виде одной устной и пяти письменных консультаций, которым перечисленная юридическая помощь в действительности в указанные даты не оказывалась, в целях получения из бюджета города Москвы оплаты за указанную юридическую помощь;

- п. 2 и 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, что выразилось в предоставлении им в Адвокатскую палату города Москвы совместно с сопроводительным письмом от 31 июля 2021 года № ... (вх. № ... от 23.08.2021) документов, содержащих не соответствующие действительности сведения об оказании 19 июля 2021 года бесплатной юридической помощи С., умершему 03 января 2020 года, в виде одной устной и пяти письменных консультаций, а также об оказании 23 июля 2021 года бесплатной

юридической помощи Д., умершей в апреле 2018 года, в виде одной устной и пяти письменных консультаций, которым перечисленная юридическая помощь в указанные даты в действительности не оказывалась, в целях получения из бюджета города Москвы оплаты за указанную юридическую помощь.

Установить срок, по истечении которого К. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, в 3(три) года.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката К. по представлению вице-президента Адвокатской палаты города Москвы ... б/н от 17 сентября 2021 года, вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

21. Совет прекратил статус адвоката за предоставление им ложной информации в отчёте об оказании бесплатной юридической помощи в целях получения оплаты юридической помощи, которая в действительности не была им оказана.

Квалификационная комиссия 07 июля 2021 года вынесла Заключение:

- о нарушении адвокатом Д. п.п. 2 и 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, что выразилось в предоставлении им не позднее 27 мая 2021 года в Московскую коллегия адвокатов «З.» документов, содержащих не соответствующие действительности сведения об оказании с марта по май 2021 года юридической помощи гражданам К. (умер 01 ноября 2020 года), Б. (умерла 05 августа 2019 года) и К.Р. (умерла 10 сентября 2020 года), которым юридическая помощь в действительности не оказывалась, в целях получения из бюджета города Москвы оплаты за указанную юридическую помощь;

- о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката Д. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

В заседании Совета адвокат Д. подтвердил, что получил Заключение Квалификационной комиссии, ознакомился с ним, с выводами согласен частично: не согласен с квалификацией его деяния по п. 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, так как считает, что не злоупотреблял доверием; фотография из светоконии паспорта получателя юридической помощи вырезана по просьбе последнего в целях обеспечения конфиденциальности персональных данных. Просил Совет при избрании меры дисциплинарной ответственности учесть его длительный адвокатский стаж, безупречную адвокатскую деятельность, ученую степень, наличие поощрений, наград и звания «Ветеран труда», воспитание им ребенка-инвалида; просил не наказывать его строго и не лишать статуса адвоката. Сообщил, что подал заявление о прекращении статуса адвоката «в связи с уходом на пенсию».

Рассмотрев и обсудив дисциплинарное производство, заслушав доводы адвоката Д., Совет соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и её выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что адвокат Д. участвует лично в оказании гражданам Российской Федерации юридической помощи в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи.

В целях получения оплаты за бесплатную юридическую помощь, якобы оказанную им гражданам К., Б., К.Р. в 2021 году, адвокат Д. не позднее 27 мая 2021 года представил в Московскую коллегию адвокатов «З.» предусмотренные Законом города Москвы от 4 октября 2006 года № 49 «Об оказании адвокатами бесплатной юридической помощи гражданам Российской Федерации в городе Москве» и постановлением Правительства Москвы от 15 октября 2013 г. № 687-ПП «О мерах по обеспечению оказания адвокатами бесплатной юридической помощи в городе Москве» документы.

В ходе дисциплинарного производства адвокат Д. подтвердил указанные обстоятельства и совместно со своими письменными объяснениями от 21 июня 2021 года представил в Адвокатскую палату города Москвы комплекты документов, ранее представлявшиеся им в Московскую коллегию адвокатов «З.» для формирования сводных отчетов, об объёме правовой помощи, подлежащих направлению в Департамент труда и социальной защиты населения города Москвы. В числе прочего, адвокатом Д. в Адвокатскую палату города Москвы были представлены следующие документы:

- заявление К. от 03 марта 2021 года, адресованное адвокату Д. и содержащее просьбу оказать К. юридическую помощь в виде консультации в устной и письменной форме с выездом к доверителю, соглашение № ... от 03 марта 2021 года об оказании адвокатом бесплатной юридической помощи в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи, акт от 04 мая 2021 года о получении гражданином К. в период с 03 марта 2021 года по 04 мая 2021 года бесплатной юридической помощи, оказанной адвокатом в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи, справка об инвалидности от 30 июля 2013 года, копия паспорта на имя К.;

- заявление Б. от 11 марта 2021 года, адресованное адвокату Д. и содержащее просьбу оказать Б. юридическую помощь в виде консультации в устной и письменной форме с выездом к доверителю, соглашение № ... от 11 марта 2021 года об оказании адвокатом бесплатной юридической помощи в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи, акт от 24 мая 2021 года о получении гражданкой Б. в период с 11 марта 2021 года по 24 мая 2021 года бесплатной юридической помощи, оказанной адвокатом в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи, справка об инвалидности от 17 августа 2015 года, копия паспорта на имя Б. [*в представленной адвокатом светокопии паспорта фотография Б. на соответствующей странице отсутствует – Примечание Совета*];

- заявление К.Р. от 10 марта 2021 года, адресованное адвокату Д. и содержащее просьбу оказать К.Р. юридическую помощь в виде консультации в устной и письменной форме с выездом к Доверителю, соглашение № ... от 10 марта 2021 года об оказании адвокатом бесплатной юридической помощи в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи, акт от 20 мая 2021 года о получении гражданкой К.Р. в период с 10 марта 2021 года по 20 мая 2021 года бесплатной юридической помощи, оказанной адвокатом в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи, справка об инвалидности от 11 апреля 1994 года, копия паспорта на имя К.Р.;

- аналогичные документы, подтверждающие оказание адвокатом Д. юридической помощи гражданам Б.И., В., В.В. и Г.

Согласно представленным адвокатом Д. актам, в указанные выше периоды он выезжал к К. шесть раз и оказывал ему устные консультации; к Б. – шесть раз и оказывал ей устные консультации; к К.Р. – семь раз и оказывал ей устные консультации. Однако согласно справкам, представленным Департаментом труда и социальной защиты населения города Москвы, гражданин К. скончался 01 ноября 2020 года; гражданка Б. скончалась 05 августа 2020 года; гражданка К.Р. скончалась 10 сентября 2019 года.

При таких обстоятельствах Совет соглашается с выводами Квалификационной комиссии, которая сочла установленным факт предоставления адвокатом Д. в Московскую коллегию адвокатов «З.» заведомо недостоверных документов об оказании бесплатной юридической помощи гражданам К., Б. и К.Р. для формирования указанным адвокатским образованием сводных отчетов и последующего получения адвокатом Д. оплаты за якобы оказанную перечисленным гражданам бесплатную юридическую помощь

Защитительную версию адвоката Д. об оказании им юридической помощи указанным лицам Совет отклоняет как явно надуманную, поскольку юридическая помощь не может оказываться умершим. При этом Совет отмечает противоречивость избранной адвокатом Д. защитительной версии. Так, в письменных объяснениях от 21 июня 2021 года адвокат Д. указывал, что данные граждан, перечисленных в письме Первого заместителя руководителя Департамента труда и социальной защиты населения города Москвы Грачевой О.Е. от 08 июня 2021 года № ..., и копии их документов им были получены на соответствующих приемах от лиц, обратившихся за получением бесплатной юридической помощи. В заседании же Квалификационной комиссии 07 июля 2021 года адвокат Д. сообщил, что документы он получал от не имевших доверенностей «представителей» и родственников получателей юридической помощи. При этом в силу положений п. 1, 2 ст. 3 Закона города Москвы «Об оказании адвокатами бесплатной юридической помощи гражданам Российской Федерации в городе Москве» документы, подтверждающие право на получение бесплатной юридической помощи, предоставляются непосредственно гражданином адвокату (в адвокатское образование), по просьбе гражданина они могут быть также предоставлены другим лицом в

случаях, перечисленных в законе, при этом полномочия представителя в указанных случаях подтверждаются в порядке, установленном Гражданским кодексом Российской Федерации.

Вместе с тем, Совет соглашается с выводами Квалификационной комиссии, признавшей неопровергнутой презумпцию добросовестности адвоката Д. в части дисциплинарных обвинений в представлении им документов об оказании бесплатной юридической помощи гражданам Б.И., В., В.В. и Г., поскольку утверждения о неоказании адвокатом юридической помощи перечисленным лицам какими-либо доказательствами не подтверждены, а сам адвокат Д. доводы представления в указанной части отрицает, утверждая, что юридическая помощь этим лицам была им оказана.

Давая юридическую оценку действиям адвоката Д. применительно к установленным в ходе рассмотрения настоящего дисциплинарного производства обстоятельствам, Совет отмечает, что в соответствии с п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат должен избегать действий, направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре; согласно п. 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката злоупотребление доверием несовместимо со статусом адвоката. Совет, вопреки доводам адвоката Д., признаёт, что действия адвоката Д., выразившиеся в представлении в Московскую коллегию адвокатов «З.» для получения соответствующих выплат заведомо недостоверных документов, подтверждающих оказание бесплатной юридической помощи умершим гражданам, которым она в действительности не оказывалась, свидетельствуют о нарушении адвокатом Д. требований п.п. 2 и 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Избирая, в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, меру дисциплинарной ответственности адвоката Д. за совершенные им дисциплинарные нарушения, Совет отмечает их умышленный характер, неоднократность, злостность и безнравственность, а также наличие корыстного мотива. Действия адвоката Д. противоречат назначению и традициям российской адвокатуры по оказанию бесплатной юридической помощи «по праву бедности», причиняют серьезный репутационный ущерб адвокатуре как институту гражданского общества. Совершенное адвокатом Д. деяние вне разумных сомнений является злоупотреблением доверием и влечет подрыв доверия к адвокату и адвокатуре в целом, что несовместимо со статусом адвоката.

Совет принимает во внимание длительный стаж профессиональной деятельности адвоката Д., наличие у него поощрений и наград, отсутствие дисциплинарных взысканий, иные приведённые адвокатом Д. обстоятельства. Однако Совет полагает невозможным применение к адвокату Д. более мягкой, чем прекращение статуса адвоката, меры дисциплинарной ответственности из числа предусмотренных п. 6 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, как в силу требования справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренного п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката, так и по причине того, что оставление адвоката Д. в составе адвокатского

сообщества могло бы дать основание полагать, что совершённые им нарушения совместимы со статусом адвоката.

В соответствии с п. 2 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» статус адвоката может быть прекращен по решению совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, в региональный реестр которого внесены сведения об адвокате, на основании заключения квалификационной комиссии при: 1) неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем; 2) нарушении адвокатом норм кодекса профессиональной этики адвоката; 3) неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом решений органов адвокатской палаты, принятых в пределах их компетенции.

Определяя в соответствии с п. 7 статьи 18 Кодекса профессиональной этики адвоката срок, по истечении которого Д. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена, Совет, с учётом тяжести нарушений и всей совокупности установленных обстоятельств, считает необходимым установить этот срок в 1 (один) год.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п.п. 1, 4, 7 ст. 18, подп. 1 и 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

1. Применить к адвокату Д. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката за нарушение им пунктов 2 и 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, что выразилось в предоставлении им не позднее 27 мая 2021 года в Московскую коллегия адвокатов «З.» документов, содержащих не соответствующие действительности сведения об оказании с марта по май 2021 года юридической помощи гражданам К. (умер 01 ноября 2020 года), Б. (умерла 05 августа 2019 года) и К.Р. (умерла 10 сентября 2020 года), которым юридическая помощь в действительности не оказывалась, в целях получения из бюджета города Москвы оплаты за указанную юридическую помощь.

Установить срок, по истечении которого Д. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, в 1 (один) год.

1. Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Д. по представлению вице-президента Адвокатской палаты города Москвы ... б/н от 30 июня 2021 года, вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

22. Совет прекратил дисциплинарное производство, признав, что сам по себе факт принятия адвокатом поручения по иску против дочери

бывшего доверителя в отсутствие других нарушений требований профессиональной этики дисциплинарного нарушения не образует.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 26 мая 2021 года адвокат П. нарушил ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, что выразилось в принятии им 01 сентября 2020 года поручения на представление интересов истца Е. в К. районном суде города Москвы по гражданскому делу № ..., в котором Е. предъявил иск к наследственному имуществу умершего 07 августа 2019 года К.С., ответчиком по которому была привлечена его дочь К., в то время как адвокат П. ранее оказывал юридическую помощь К.С., осуществляя в 2015-2016 годах представительство интересов К.С. в гражданских делах К. районного суда города Москвы № ... по иску компании «М.» к К.С. о взыскании денежных средств по договору поручительства и в Х. районном суде города Москвы № ... по иску К.С. к ООО «Д.» о взыскании суммы долга по договору займа, что привело к подрыву доверия к адвокату П. со стороны правопреемника его доверителя К.С. – К.

В оставшейся части дисциплинарное производство признано подлежащим прекращению вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката П. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат П. в заседании Совета подтвердил своевременность получения Заключения Квалификационной комиссии от 26 мая 2021 года и ознакомление с ним. С выводами Комиссии адвокат П. согласился в части утверждения о необходимости прекращения дисциплинарного производства. Дополнительно адвокат П. указал, что не имел намерения подрывать авторитет института адвокатуры. Что касается направления запросов, то их целью было получение информации о лице, который представлял интересы К.С. В целом, адвокат П. поддержал доводы своих ранее представленных письменных возражений.

Представитель заявителя К. – В. в заседании Совета подтвердил своевременность получения Заключения Квалификационной комиссии от 26 мая 2021 года и ознакомление с ним. С выводами Комиссии согласился в полном объеме.

Рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, выслушав явившихся участников, Совет признаёт фактические обстоятельства правильно установленными Квалификационной комиссией, но не соглашается с их правовой оценкой Комиссией в части признания адвоката П. нарушившим положения «ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката» и признаёт эту оценку ошибочной. Приходя к такому выводу, Совет исходит из следующего.

Материалами дисциплинарного производства установлено, что адвокат П. с 2015 года оказывал юридическую помощь отцу заявителя К. – К.С. Предмет оказания юридической помощи заявителем не конкретизирован и установлен Квалификационной комиссией на основании следующих доказательств:

(1) нотариально удостоверенной доверенности ... от 11 июня 2015 года, которой К.С. уполномочил адвоката П. быть его представителем во всех судах Российской Федерации, выданной сроком на два года;

(2) материалами гражданского дела № ... по иску компании «М.» к К.С. о взыскании денежных средств по договору поручительства, в том числе: протоколом судебного заседания К. районного суда города Москвы от 08 июля 2015 года, апелляционным определением от 28 августа 2015 года судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда по гражданскому делу № ... (в апелляционной инстанции делу был присвоен № ...) и протоколом судебного заседания суда апелляционной инстанции от 28 августа 2015 года по этому же гражданскому делу;

(3) материалами гражданского дела № ... по иску К.С. к ООО «Д.» о взыскании долга по договору займа, рассмотренному Х. районным судом города Москвы 23 мая 2016 года с вынесением решения об удовлетворении иска К., апелляционным определением от 26 сентября 2016 года судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда по гражданскому делу № ... (в апелляционной инстанции делу был присвоен № ...), которым апелляционная жалоба Е. была оставлена без рассмотрения.

В судебных разбирательствах по гражданским делам № ... и № ... адвокат П. принимал участие в качестве представителя К.С., чьи полномочия основаны на нотариально удостоверенной доверенности. При этом, постановленное с участием представителя истца К.С. – адвоката П., решение Х. районного суда города Москвы от 23 мая 2016 года по гражданскому делу № ... в пользу истца К.С. было обжаловано Е. в суд апелляционной инстанции. На этом основании Квалификационная комиссия предположила, что не позднее 23 мая 2016 года (дата вынесения решения Х. судом города Москвы об удовлетворении иска К.С.) между доверителем адвоката П. – К.С., и Е., обжаловавшим данное решение суда, возник конфликт интересов.

07 августа 2019 года умер доверитель адвоката П. – К.С.

05 февраля 2020 года, то есть за два дня до истечения шестимесячного срока, установленного законом для вступления наследников в права наследования после смерти К.С., в К. районный суд города Москвы поступило исковое заявление Е. о взыскании задолженности в размере ... за счет наследственного имущества умершего К.С. В исковом заявлении содержится указание на то, что оно предъявляется Е. до принятия наследства после смерти К.С. его наследниками.

Как следует из искового заявления Е., 24 декабря 2010 года между Е., являющимся кредитором, и ООО «Д.», являющимся заемщиком, был заключен договор займа № 1.

26 мая 2015 года Е. и К.С. заключили договор поручительства к договору займа № 1 от 24 декабря 2010 года, согласно условиям которого К.С. обязался до 26 мая 2020 года солидарно с ООО «Д.» отвечать за исполнение обязательств по возврату займа Е.

Решением Арбитражного суда города Москвы по делу № ... от 11 июля 2017 года ООО «Д.» было признано несостоятельным (банкротом), и в отношении него было объявлено конкурсное производство. После реализации имущества ООО «Д.» в рамках конкурсного производства конкурсному кредитору Е. были выплачены денежные средства в размере ... рублей, что составило лишь часть долга ООО «Д.» перед Е., поэтому он 05 февраля 2020 года предъявил иск к имуществу умершего поручителя К.С. на сумму невозвращенного ООО «Д.» долга и процентов по нему в размере ....

10 февраля 2020 года исковое заявление Е. было принято К. районным судом города Москвы к своему производству, и гражданскому делу был присвоен № ... (в 2021 году делу присвоен № ...). Интересы Е. в данном деле представляет адвокат П.

Квалификационная комиссия пришла к выводу о том, что предъявлением иска к наследственному имуществу умершего К.С. Е. подтвердил, что его интересы противоречат интересам К.С., и, как следствие этого, интересам наследника К.С. – К.

Данное юридически значимое обстоятельство, по мнению Квалификационной комиссии, было известно адвокату П., который в 2015-2016 года оказывал юридическую помощь К.С., в том числе и по гражданскому делу № ... по иску К.С. к ООО «Д.» о взыскании долга по договору займа, рассмотренному Х. районным судом города Москвы 23 мая 2016 года с вынесением решения об удовлетворении иска К.С., на которое Е. была подана апелляционная жалоба.

05 марта 2020 года К. нотариусом города Москвы Ц. было выдано свидетельство о праве на наследство по закону на имущество ее отца – К.С., после чего К. была привлечена в качестве ответчика по гражданскому делу № ... (в 2021 году делу присвоен № ...).

Совет признает описанные выше фактические обстоятельства правильно установленными Квалификационной комиссией. Между тем, выводы Квалификационной комиссии, основанные на указанных фактических обстоятельствах, Совет признает ошибочными.

Прежде всего, Совет отмечает, что дисциплинарное производство носит публично-правовой характер, в связи с чем основывается на презумпции добросовестности адвоката, обязанность опровержения которой возложена на заявителя (участника дисциплинарного производства, требующего привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности), который должен доказать те обстоятельства, на которые он ссылается как на основания своих требований. Публично-правовой характер дисциплинарного производства и презумпция добросовестности адвоката обязывают участника дисциплинарного производства, требующего привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности, представить совокупность доказательств, которая бы вне разумных сомнений опровергла позицию адвоката. Причем стандарт доказывания «вне разумных сомнений» не позволяет дисциплинарным органам Адвокатской палаты города Москвы использовать

различные предположения в обоснование опровержения презумпции добросовестности адвоката.

Несмотря на это, Квалификационная комиссия, оценивая правильно установленные ею фактические обстоятельства, пришла к предположительным выводам о возникновении конфликта интересов между доверителем адвоката П. – К.С., и Е.

Совет обращает внимание, что спор между К.С. и ООО «Д.», рассмотренный Х. районным судом города Москвы 23 мая 2016 года, не касался взаимоотношений между К.С. и Е. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что апелляционная инстанция – Московский городской суд – в апелляционном определении от 26 сентября 2016 года по делу № ... оставила без рассмотрения апелляционную жалобу Е. на решение Х. районного суда города Москвы от 23 мая 2016 года в связи с тем, что «Е. участником спорных отношений не являлся», а «решение суда не содержит каких-либо суждений о правах и обязанностях Е.». Поэтому вывод Квалификационной комиссии о том, что не позднее 23 мая 2016 года (дата вынесения решения Х. судом города Москвы об удовлетворении иска К.С.) между доверителем адвоката П. – К.С., и Е., обжаловавшим данное решение суда, возник конфликт интересов, является предположением. Само по себе обращение Е. в суд апелляционной инстанции не может свидетельствовать о наличии конфликта интересов между ним и К.С.

Совет отмечает, что причины обращения не привлеченного к участию в деле лица с апелляционной жалобой на решение суда первой инстанции могут быть различными. В числе прочих, такими причинами могут быть неправильно понимаемое право на обжалование и намеренное злоупотреблением правом на обращение в суд.

Из анализа приведенных выше судебных актов невозможно сделать определённый вывод о возникновении конфликта интересов между Е. и К.С. В свою очередь, заявитель К. не представила доказательств, подтверждающих достоверную причину обращения Е. с апелляционной жалобой на решение Х. районного суда города Москвы от 23 мая 2016 года.

Совет также не может согласиться с выводом Квалификационной комиссии о том, что предъявлением иска к наследственному имуществу умершего К.С. Е. подтвердил, что его интересы противоречат интересам К.С., и, как следствие этого, интересам наследника К.С. – К. Совет отмечает, что обращение с указанным иском является законной и логичной процедурой защиты имущественных прав в исключительной ситуации – смерти поручителя по договору займа, которым оказался К.С.

Как правильно установлено Квалификационной комиссией, К.С. добровольно принял на себя обязательства поручителя 26 мая 2015 года по договору займа № 1 от 24 декабря 2010 года, по которому Е. выступал в качестве займодателя. Поэтому само по себе использование фактически единственной судебной процедуры в сложившейся правовой ситуации не может автоматически свидетельствовать о конфликте интересов между Е. и

К.С. Это обстоятельство не исключает потенциально возможного конфликта интересов между наследниками К.С., заинтересованных в сохранении наследственного имущества, и Е., который намерен вернуть сумму займа за счет имущества поручителя.

Наконец, заявитель не указал, какие именно сведения, полученные адвокатом П. в ходе оказания юридической помощи К.С., он использовал при подготовке и подаче искового заявления Е. в К. районный суд города Москвы и в ходе представления интересов последнего в споре с наследниками К.С. Не представлено и доказательств такого использования адвокатом П. конфиденциальных сведений, при этом сам он такое использование категорически отрицает.

Совет обращает внимание на то, что на момент заключения договора займа от 24 декабря 2010 года № 1 и договора поручительства от 26 мая 2015 года, в соответствии с которым К.С. обязался до 26 мая 2020 года солидарно с ООО «Д.» отвечать за исполнение обязательств по возврату займа Е., адвокат П. не оказывал юридическую помощь К.С. В связи с этим адвокат П. не обладал какой-либо информацией о данной сделке на момент ее совершения.

Представляя интересы К.С. по гражданскому делу № ... по иску компании «М.» к К.С. о взыскании денежных средств по договору поручительства, адвокат П. также не мог получить какую-либо информацию о своем доверителе – К.С., которая могла бы быть использована по гражданскому делу № ... (в 2021 году делу присвоен № ...) по иску Е. к К. Совет отмечает, что в гражданском деле по иску компании «М.» к К.С. Е. не принимал участия и не имел какого-либо интереса как к существу спора, так и к сторонам.

Что же касается гражданского дела № ... по иску К.С. к ООО «Д.» о взыскании долга по договору займа, рассмотренному Х. районным судом города Москвы 23 мая 2016 года с вынесением решения об удовлетворении иска К.С., то как указано выше со ссылкой на вывод суда апелляционной инстанции, права Е. в ходе данного разбирательства не затронуты. Поэтому адвокат П. не мог получить какие-либо сведения, которые впоследствии могли бы быть использованы против интересов умершего К.С. по гражданскому делу № ... (в 2021 году делу присвоен № ...) по иску Е. к К.

Жалоба К. и приложенные к ней документы не содержат конкретных сведений, которые бы свидетельствовали о том, что адвокат П. в ходе рассмотрения гражданского дела № ... (в 2021 году делу присвоен № ...) по иску Е. к К. в К. районном суде города Москвы использовал против К. какие-либо конфиденциальные сведения, полученные от своего бывшего доверителя К.С.

Кроме того, Совет обращает внимание на то, что для надлежащей оценки и выводов относительно поведения адвоката П. недостаточно указаний в жалобе на то, что «...предъявленные иски, поддерживаемые адвокатом П., касаются периода жизни моего отца (май 2015 года), в котором, по утверждению самого же П., он (П.) был адвокатом К.С. и оказывал ему

юридическую помощь». Как уже было отмечено выше, на момент заключения спорных договоров, адвокат П. не оказывал юридическую помощь К.С. (договор поручения подписан 26 мая 2015 года, а доверенность выдана адвокату П. 11 июня 2015 года). Каких-либо иных конкретных данных в жалобе и приложенных к ней документах не содержится.

Квалификационная комиссия пришла к правильному выводу о том, что заявитель К. не предоставила документального подтверждения своего утверждения о том, что адвокат П. пытался передать в материалы гражданского дела № ... доверенности, выданные ему в 2015 году К.С.

В отсутствие достаточных и достоверных доказательств конфликта интересов К.С. и Е., а также в отсутствие доказательств каких-либо действий адвоката П., противоречащих интересам бывшего доверителя К.С., и использования полученной от него конфиденциальной информации вопреки его интересам, сам по себе факт принятия адвокатом П. поручения Е. по иску против дочери К.С. - К. дисциплинарного нарушения не образует.

Таким образом, Совет приходит к выводу о том, что заявитель К. не опровергла презумпцию добросовестности адвоката П.

Одновременно с этим Совет обращает внимание на порок правовой квалификации дисциплинарного нарушения в Заключение Комиссии. Согласно резолютивной части Заключения адвокат П. нарушил ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката. Между тем, ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката содержит три пункта, каждый из которых предусматривает самостоятельные требования и запреты. Таким образом, Квалификационная комиссия в своём Заключении не указала, какое именно положение ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката она считает нарушенным адвокатом П. Отсутствие необходимой конкретизации правовой квалификации дисциплинарного проступка само по себе не позволяет Совету согласиться с Заключением Квалификационной комиссии.

По этим причинам Совет, вопреки Заключению Квалификационной комиссии, правильно установившей фактические обстоятельства, но допустившей ошибку в правовой оценке деяния адвоката и толковании норм Кодекса профессиональной этики адвоката, приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в полном объёме вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката П. нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил прекратить дисциплинарное производство в отношении адвоката П. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы), возбужденное по жалобе К. от 05 февраля 2021 года (вх. № ... от 26.02.2021), вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об

адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

23. Совет признал, что лицо, не являвшееся доверителем адвоката, не вправе требовать от него соблюдения адвокатской тайны, и прекратил дисциплинарное производство.

Квалификационная комиссия 12 мая 2021 года по большинству голосов (4/3/1) вынесла Заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Г. по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 22 января 2021 года № ... (вх. № ... от 01.02.2021), основанному на жалобе С. от 27 июля 2020 года, вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства

В письменных возражениях представителя Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве Е. исх. № ... от 17 июня 2021 года (вх. № ... от 17.06.2021) выражено несогласие с Заключением Квалификационной комиссии от 12 мая 2021 года и, со ссылкой на п. 7 ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 3 ст. 19 и п. 14 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, высказано мнение о том, что Квалификационная комиссия самоустранилась от исполнения своих обязанностей по объективному рассмотрению представления, не установила фактические обстоятельства дела, а лишь ограничилась констатацией недопустимости представления в качестве допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства по причине отсутствия жалобы К. о разглашении сведений, составляющих адвокатскую тайну. В возражениях также отмечается, что разглашение адвокатом Г. сведений, составляющих адвокатскую тайну, когда о ее неправомерных действиях стало известно С. и другим лицам, может свидетельствовать о подрыве доверия к адвокату и адвокатуре, то есть, о нарушении адвокатом требований п.п. 2 и 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, однако Квалификационная комиссия не дала оценку дисциплинарному обвинению в этой части.

Вывод в Заключении Квалификационной комиссии о невозможности использования обращения С. [*не являющейся доверителем адвоката Г. – примечание Совета*] в Министерство юстиции Российской Федерации в качестве основания для внесения представления о возбуждении дисциплинарного производства в отношении адвоката Г. в возражениях расценивается как не предусмотренное действующим законодательством ограничение полномочий территориального органа юстиции на внесение таких представлений. При этом в возражениях, со ссылкой на п.п. 6 и 7 ст. 17, п. 1 ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката, пп. 44 п. 6 Положения о Главном управлении Министерства юстиции Российской

Федерации по субъекту (субъектам) Российской Федерации, утвержденного приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 03 марта 2014 года № 25, отмечается, что представление является допустимым поводом для возбуждения дисциплинарного производства, поскольку оно внесено в Адвокатскую палату города Москвы органом государственной власти, уполномоченным в области адвокатуры, представление подписано правомочным лицом, содержит все необходимые реквизиты и соответствует всем требованиям к нему.

В возражениях делается вывод о том, что «заклучение Квалификационной комиссии подлежит отмене как необоснованное и немотивированное», и содержится просьба направить дисциплинарное производство в отношении адвоката Г. в Квалификационную комиссию для нового разбирательства.

Рассмотрев и обсудив дисциплинарное производство, письменные возражения Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве исх. № ... от 17 июня 2021 года (вх. № ... от 17.06.2021), Совет признаёт фактические обстоятельства правильно и полностью установленными Квалификационной комиссией. В то же время Совет не соглашается с выводом Квалификационной комиссии, содержащимся в её Заключении, об основании прекращения дисциплинарного производства в отношении адвоката Г. Приходя к таким выводам, Совет исходит из следующего.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что поводом для направления Главным управлением Министерства юстиции Российской Федерации по Москве представления в Адвокатскую палату города Москвы о возбуждении дисциплинарного производства в отношении адвоката Г. явилась жалоба осужденной С. от 27 июля 2020 года, поступившая в Министерство юстиции Российской Федерации 03 августа 2020 года.

В данной жалобе осужденная С. указала на допущенное, по её мнению, нарушение адвокатом Г. требований о сохранности адвокатской тайны, доверенной ей гражданкой К., чьим защитником являлась адвокат Г. При этом сама С. доверителем адвоката Г. не являлась, каких-либо взаимоотношений между С. как автором жалобы в Министерство юстиции Российской Федерации и адвокатом Г., которые могли бы рассматриваться как правоотношения адвокат–доверитель, не существовало.

Материалами дисциплинарного производства установлено, что адвокат Г. в соответствии с заключенным 18 июля 2018 года Соглашением об оказании юридической помощи № ... осуществляла по уголовному делу № ... защиту гражданки К., обвиняемой в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 159 УК РФ. Расследование данного дела осуществляла С., занимавшая на тот момент должность следователя Следственного управления УВД по ... ГУ МВД России по городу Москве.

В ходе расследования уголовного дела в отношении К. следователь С. стала требовать, сначала через ее защитника – адвоката Г., а затем и лично от

обвиняемой К. и её мужа В., взятку в размере 300 000 рублей за непривлечение В. к уголовной ответственности.

За совершение данных действий в отношении следователя С. было возбуждено уголовное дело, поводом для возбуждения которого явилось заявление К. и членов её семьи в правоохранительные органы о вымогательстве у них следователем С. взятки в размере 300 000 рублей.

Приговором Г. районного суда города М. от 02 сентября 2019 года С. была признана виновной в получении ею как должностным лицом взятки в виде денег за совершение действий в пользу взяткодателя, совершенное в крупном размере и с вымогательством взятки, то есть в совершении преступления, предусмотренного пп. «б», «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ, и ей было назначено наказание в виде лишения свободы на срок 7 (семь) с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима, со штрафом в размере десятикратной суммы взятки, что составляет 3 000 000 рублей, с лишением права занимать должности в органах внутренних дел, связанные с осуществлением функций представителя власти, сроком на 2 (два) года. Этим же приговором С. была лишена специального звания – «старший лейтенант юстиции».

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам М. городского суда от 29 июня 2020 года приговор Г. районного суда города М. от 02 сентября 2019 года в отношении С. был изменен в части назначенного ей по п. «б», «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ наказания в виде лишения свободы, которое было смягчено с применением ст. 64 УК РФ до 6 лет 6 месяцев. В остальной части приговор был оставлен без изменения, апелляционные жалобы без удовлетворения.

Как следует из указанного приговора, первичное требование С. о передаче взятки было передано адвокату Г. как защитнику К. в ходе выполнения следственных действий с последней. Эти обстоятельства явились основанием и предметом допроса адвоката Г. как на стадии предварительного следствия, так и в ходе судебного разбирательства.

Адвокат Г. в уголовном деле в отношении С. какого-либо профессионального участия не принимала. Вызов её на допрос по данному делу был обусловлен тем, что именно через неё следователем С. впервые было передано требование, адресованное К., о передаче С. взятки.

Установив изложенные фактические обстоятельства, Квалификационная комиссия пришла к выводу об отсутствии допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства, указав, что *«юридическая и нравственная природа адвокатской тайны имеет безусловную связь с формированием правоотношений исключительно между адвокатом и доверителем, так как единственным «владельцем» адвокатской тайны является сам доверитель»*.

В обоснование этого вывода Квалификационная комиссия сослалась на п. 1 ст. 8 Федерального закона № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации, в соответствии с которым к адвокатской

тайне относятся любые сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи своему доверителю. Согласно пункту 2 ст. 6.1 Кодекса профессиональной этики адвоката при решении вопроса, связанного с сохранением адвокатской тайны, под доверителем понимается любое лицо, доверившее адвокату сведения личного характера в целях оказания юридической помощи. Данное утверждение находится во взаимосвязи с положениями п. 3 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающими исключительное полномочие доверителя освободить адвоката от обязанности хранить профессиональную тайну.

Квалификационная комиссия также сослалась в Заключении на Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 06 марта 2003 года № 108-О «По жалобе гражданина Цицкишвили Г.В. на нарушения его конституционных прав пунктом 2 части 3 ст. 56 УПК РФ», в котором указано, что защита сведений, составляющих адвокатскую тайну, направлена исключительно на сведения, доверенные адвокату при выполнении им профессиональных функций. При этом возможность разглашения указанных сведений, в том числе через допрос адвоката, возможен исключительно в случаях, когда сам адвокат и его подзащитный заинтересованы в оглашении тех или иных сведений. При этом Квалификационная комиссия обратила внимание на то, что в изложенной правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации речь во всех случаях идет о мнении исключительно самого адвоката и защищаемого им лица, и не предусматривается принятие во внимание мнения каких-либо третьих лиц по этому поводу.

Помимо этого, Квалификационная комиссия в обоснование своей позиции сослалась на международно-правовые нормы, касающиеся гарантии конфиденциальности отношений адвоката с доверителем как необходимой составляющей права на получение квалифицированной юридической помощи - одного из основных прав человека (п. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, ст. ст. 5 и 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод). Комиссия также сослалась на Кодекс поведения для юристов в Европейском сообществе (принят 28 октября 1988 года Советом коллегий адвокатов и юридических сообществ Европейского союза в Страсбурге), который относит к сущностным признакам адвокатской деятельности обеспечение именно клиенту условий, при которых он может свободно сообщать адвокату сведения, которые не сообщил бы другим лицам, и сохранение адвокатом как получателем информации ее конфиденциальности, поскольку без уверенности в конфиденциальности не может быть доверия; требованием конфиденциальности определяются права и обязанности юриста, имеющие фундаментальное значение для его профессиональной деятельности; юрист должен соблюдать конфиденциальность в отношении всей информации, предоставленной ему самим клиентом или полученной им относительно его клиента в ходе предоставления юридических услуг; при этом обязательства, связанные с конфиденциальностью, не ограничены во времени (пункт 2.3).

Согласно Основным принципам, касающимся роли юристов (приняты 7 сентября 1990 года восьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями), правительствам надлежит признавать и обеспечивать конфиденциальный характер любых консультаций и отношений, складывающихся между юристами и их клиентами в процессе оказания профессиональной юридической помощи.

Квалификационная комиссия признала установленным, что автор жалобы в Министерство юстиции Российской Федерации С. не являлась доверителем адвоката Г. в соответствии с положениями п. 2 ст. 6.1 Кодекса профессиональной этики адвоката, что исключает какую-либо возможность для неё выдвигать дисциплинарные обвинения о разглашении адвокатом Г. сведений, содержащих адвокатскую тайну, принадлежащую иному лицу, в частности, гражданке К. Сама же гражданка К. каких-либо претензий в адрес адвоката Г. в этой части не заявляла.

По этим причинам Квалификационная комиссия пришла к выводу о том, что *«в данном дисциплинарном деле представление Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве не может рассматриваться как безусловно допустимый повод для возбуждения дисциплинарного производства только при выполнении условия о соблюдении процессуально-правовой формы, реализованной в виде составления обращения в виде письменного документа – представления. Для формирования безусловного вывода о допустимости повода для возбуждения дисциплинарного производства представление должно основываться на допустимом материально-правовом основании. Несоблюдение этого положения привело Квалификационную комиссию к выводу об отсутствии в данном случае допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства».*

По мнению Квалификационной комиссии, у заявителя жалобы в Министерство юстиции РФ С. не имелось никаких правовых оснований требовать от адвоката Г. соблюдения сохранности сведений, доверенных ей иным лицом, равно как не имелось у С. законных оснований для подтверждения адвокатом Г. в ходе её допроса наличия или отсутствия у неё письменного разрешения на разглашение сведений, составляющих адвокатскую тайну доверительницы К. В этой связи Квалификационная комиссия сослалась на известную максиму Дигестов Юстиниана – *«Nemo plus iuris ad alium transferrt potest quam ipse haberet» (D. 50.17.54) – «Никто не может передать другому больше прав, чем имеет сам».*

Квалификационная комиссия отдельно отметила, что на её вывод не может повлиять наличие или отсутствие в материалах уголовного дела в отношении С. какого-либо письменного документа об освобождении адвоката Г. доверителем К. от обязанности сохранения адвокатской тайны, так как наличие или отсутствие такого письменного разрешения имеет правовое значение только в случае наличия жалобы о разглашении сведений, составляющих адвокатскую тайну, от самого доверителя адвоката, которым в

данном случае является К., а не С. Сама К. с подобной жалобой в уполномоченные органы не обращалась, по уголовному делу в отношении С. В статусе подозреваемой, обвиняемой не имела, в связи с чем требования п. 2 ч. 3 ст. 56 УПК РФ на ситуацию, связанную с допросом адвоката Г. по уголовному делу в отношении С., не распространяются.

Совет признаёт обоснованными доводы, изложенные в письменных возражениях Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве от 17 июня 2021 года на Заключение Квалификационной комиссии (вх. № ... от 17.06.2021), о том, что представление о возбуждении дисциплинарного производства в отношении адвоката Г. соответствует требованиям к допустимому поводу для возбуждения дисциплинарного производства, предусмотренным ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката. По этой причине Совет не соглашается с выводом Квалификационной комиссии об обнаружившемся отсутствии допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства и полагает необходимым дать оценку выдвинутым в отношении адвоката Г. дисциплинарных обвинений по существу. Вместе с тем, Совет, не подвергая сомнению полномочия Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве по внесению в Адвокатскую палату города Москвы представлений о возбуждении дисциплинарного производства в отношении адвокатов, обращает внимание на то, что в основе таких представлений ожидается наличие не только формальных оснований, но и охраняемого законом публичного интереса. Частные же интересы лица, к тому же злоупотребляющего правом на обращение с жалобой, не должны подлежать защите путём внесения органом юстиции представления о возбуждении дисциплинарного производства в отношении адвоката.

Что касается доводов тех же письменных возражений Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве об уклонении Квалификационной комиссии от проведения разбирательства по существу выдвинутых в отношении адвоката Г. дисциплинарных обвинений, Совет не находит их убедительными и не может с ними согласиться. Совет полагает, что данное дисциплинарное производство рассмотрено Квалификационной комиссией объективно, с соблюдением всех требований ст. ст. 19, 23 Кодекса профессиональной этики адвоката. Фактические обстоятельства установлены Комиссией с достаточной полнотой и достоверностью, никем из участников дисциплинарного производства они не оспариваются. При этом в полной мере реализованы принципы равенства и состязательности, в том числе, обеспечены права участников дисциплинарного производства на представление и оценку доказательств, а также на обоснование своей позиции по дисциплинарному делу. По этой причине Совет не находит оснований для направления дисциплинарного производства Квалификационной комиссии для нового разбирательства.

Соглашаясь с приведённой выше оценкой Квалификационной комиссией характера взаимоотношений между адвокатом Г. и её доверителем К., с одной стороны, и автором жалобы в Министерство юстиции РФ С., с другой стороны, Совет приходит к выводу об отсутствии в действиях адвоката Г. дисциплинарного проступка. Поскольку С. никогда не являлась доверителем адвоката Г. и, следовательно, не вправе требовать от неё соблюдения адвокатской тайны, а К., являющаяся доверителем адвоката Г., каких-либо претензий к ней, связанных с разглашением адвокатской тайны, не выдвигает, отсутствуют правовые и профессионально-этические основания для признания дисциплинарного нарушения в действиях адвоката Г., выразившихся в даче ею свидетельских показаний против С. и в интересах К.

По изложенным выше основаниям Совет признаёт, что Квалификационная комиссия, правильно установив фактические обстоятельства, допустила ошибку в толковании норм Кодекса профессиональной этики адвоката при избрании основания прекращения дисциплинарного производства, и считает необходимым, вопреки ЗаклЮчению Квалификационной комиссии, прекратить дисциплинарное производство адвоката Г. по основанию, предусмотренному пп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката – вследствие отсутствия в ее действиях (бездействии) нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального Закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил прекратить дисциплинарное производство, возбуждённое в отношении адвоката Г. по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 22 января 2021 года № ... (вх. № ... от 01.02.2021), основанному на жалобе С. от 27 июля 2020 года, вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

24. Совет прекратил дисциплинарное производство, признав, что адвокат без согласия доверителя дал свидетельские показания, содержание которых составляет адвокатскую тайну, поскольку находился в условиях реальной угрозы уголовного преследования.

В соответствии с ЗаклЮчением Квалификационной комиссии от 26 мая 2021 года адвокатом М. допущено нарушение взаимосвязанных положений п.п. 1, 2 ст. 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 2 ст. 5, п.п. 3, 4, 6 ст. 6 и пп. 4 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся в его добровольной явке в СУ по ... ГСУ СК России по городу Москве для дачи свидетельских показаний

по уголовному делу № ... и даче соответствующих показаний по указанному уголовному делу 17 апреля 2019 года и 14 мая 2019 года, будучи лицом, ранее участвовавшим в этом же уголовном деле в качестве защитника обвиняемого С. и представителем С. по гражданскому делу № ..., находившемуся в производстве Г. городского суда Ч. Республики, и разгласившего следователю сведения, относящиеся в соответствии с положениями п. 5 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката к сведениям, составляющим профессиональную тайну, при отсутствии письменного согласия доверителя С., освобождающего адвоката М. от обязанности хранения указанной тайны и при отсутствии возбужденного против адвоката М. уголовного дела.

В том же Заключении Квалификационная комиссия пришла к выводу о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката М. по жалобе С. «от февраля» 2021 года (вх. № ... от 01.03.2021):

в части дисциплинарных обвинений в добровольной явке в СУ по ... ГСУ СК России по городу Москве для дачи свидетельских показаний по уголовному делу № ... и даче соответствующих показаний по указанному уголовному делу 16 июля 2018 года, будучи лицом, ранее участвовавшим в этом же уголовном деле в качестве защитника обвиняемого С. и представителем С. по гражданскому делу № ..., находившемуся в производстве Г. городского суда Ч. Республики, и разгласившего следователю сведения, относящиеся в соответствии с положениями п. 5 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката к сведениям, составляющим профессиональную тайну, при отсутствии письменного согласия доверителя С., освобождающего адвоката М. от обязанности хранения указанной тайны и при отсутствии возбужденного против адвоката М. - вследствие истечения сроков применения мер дисциплинарной ответственности;

в оставшейся части - вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Заявитель С. в заседании Совета подтвердил своевременность получения Заключения, ознакомление с ним, с выводами Комиссии не согласился.

Ранее в Адвокатскую палату города Москвы от заявителя С. поступило «Заявление» от 11 июня 2021 года (вх. № ... от 16.06.2021) без подписи, авторство которого С. подтвердил в заседании Совета. В «Заявлении» выражено несогласие с Заключением Квалификационной комиссии в части прекращения дисциплинарного производства. Заявитель С. указывает, что, по его мнению, Квалификационная комиссия не учла, что согласно соглашению об оказании юридической помощи от 20.02.2016 № ... такая помощь должна была оказываться ему адвокатом М. не только по уголовному, но и по гражданским делам, производство по которым осуществляется и по настоящее время. Тем не менее, адвокат М. от работы по соглашению устранился, «с июля 2016 года просто исчез», хотя указанное соглашение не расторгнуто и

действует в настоящее время, что свидетельствует о факте длящихся отношений. Несмотря на прекращение оказания юридической помощи, адвокат М. продолжает удерживать у себя выданную ему С. доверенность на ведение гражданских дел, документацию по уголовному гражданскому делу, а также ряд иных документов. Не урегулированы и финансовые отношения с адвокатом М., связанные с прекращением им оказания юридической помощи.

По мнению С., даже если адвокат М. после дачи показаний устранился от участия в уголовном деле в качестве защитника согласно требованиям статьи 72 УПК РФ, он по-прежнему обязан оказывать юридическую помощь по соглашению в виде консультаций, формирования правовой позиции и иным образом, не связанным непосредственно с проведением следственных действий. Кроме того, С. отмечает, что адвокат М. не ознакомил его с процессуальными документами, касающимися сотрудничества Г. со следствием. Он также не уведомил С. о том, что трижды был допрошен и дал в отношении его (С.) показания.

Отвечая на заданные ему вопросы, заявитель С. в заседании Совета сообщил: *«Относительно вреда, который нанес адвокат М. своими действиями: он получил денежные средства по соглашению, отказался от дальнейшей защиты, никаким образом не уведомил о том, что он был допрошен, и о том, что каким-либо образом соглашение расторгнуто, и что он не может в дальнейшем оказывать помощь. Денежный вопрос со мной не урегулирован, мне пришлось нести финансовые затраты второй раз, приглашая для исполнения той же работы других людей. Я ознакомился в полном объеме с уголовным делом, сейчас оно возвращено из прокуратуры назад с огромным количеством нарушений. Единственное доказательство, которое есть у следствия - это рассуждения М. Никаких других доказательств в деле нет, а показания Г. ничем не подтверждены. В своих показаниях Г. указывает на десять виновных человек, но ни один из них к уголовной ответственности не привлечен в течение трех лет. Это говорит о том, что его показания в отношении разных лиц, в том числе меня, никого не убедили. Соответственно, адвокат М. породил доказательства, которые мне предстоит дезавуировать, и это я тоже считаю нанесенным мне ущербом. Мое мнение - не дай бог кому-то получить такого адвоката, как М. Он только с тобой поговорил, как сразу идет к следствию и коммуницируется. Считаю, что такой адвокат адвокатом быть не должен. М. на сегодня обладает большим количеством документов, которые находятся у него, как по уголовному делу, так и по гражданским делам. Считаю, что он должен прийти и их передать. Естественно, я ему уже не доверяю. Я понимаю, что он испугался. Я бы его послушал, получил назад авансы, которые ранее ему выдал, а также все документы. Адвокат М. являлся одновременно защитником П., Х. и моим. И все мы в шоке от того, что адвокат М. связал нас в некую группу. Его показания следствию состояли в том, что «мой клиент является руководителем какой-то группы, организованной преступной, в которую входит Ре. - тоже его доверитель, Х.*

- тоже его доверитель, П.». Со всеми он общался в рамках тех или иных соглашений и пришел к таким выводам. Меня это совершенно не устраивает. К примеру, он говорит, что когда он был в Г. суде, то он увидел доверенность, на которой стояла печать настолько мокрая, что она отпечаталась на другой стороне, и что-то это следствию может помочь. И зачем-то он эти воспоминания сообщает следствию. Относительно показаний Г. в отношении адвоката М. могу сказать, что Г. через запятую перечислил десять фамилий, которые посчитал нужным назвать, и не смог ничего сообщить, поскольку М., в принципе, не мог быть ни в чем обвинен, кроме как чего-то надуманного. Это выдумки, никакой вины у него не существовало. Хотя сейчас я всего текста показаний Г. наизусть не помню. Г. с таким же успехом мог указать фамилии всех адвокатов города. Это сделано, чтобы получить преференции от следствия и указать максимальное количество людей. Никаких фактов в отношении М. приведено не было. В такой ситуации я бы показания против своего клиента не давал. Считаю, что в показаниях Г. ничего реального против М. не было. Реальной ли была угроза для М.? Нужно спросить у него самого, хотя его здесь нет, но я считаю, что это просто была бумажка-«пугалка», которая в себе ничего не несет. Следовало это сразу понять. Если вы спрашиваете, насколько реальной была угроза для М., я считаю, что она не была равна возбужденному уголовному делу. В показаниях Г. не было обвинительной информации в адрес М.»

Представитель заявителя С. адвокат адвоката Р. в полном объеме поддержал позицию С.

Адвокат М., извещенный надлежащим образом и своевременно получивший Заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явился, письменно ходатайствовал о рассмотрении дисциплинарного дела в его отсутствие (вх. № ... от 18.06.2021).

Кроме того, в Адвокатскую палату города Москвы от адвоката М. поступило «Возражение» на Заключение Квалификационной комиссии б/д (вх. № ... от 17.06.2021). Адвокат М. указывает, что, внимательно изучив Заключение, категорически не согласен с ним в части установленных в его действиях нарушений, выразившихся в добровольной явке в следственный орган и даче свидетельских показаний, что повлекло разглашение сведений, относящихся к адвокатской тайне, при отсутствии письменного согласия доверителя С.

Адвокат М. в «Возражении» повторил свои ранее изложенные доводы о том, что ему следователем О. были предъявлены процессуальные документы, из которых следовало, что обвиняемый Г. прямо указал на него (адвоката М.) как на лицо, причастное к совершению мошенничества. Для опровержения показаний Г. адвокат М. вынужден был дать свидетельские показания по уголовному делу, поскольку в противном случае его самого могли привлечь к уголовной ответственности за преступление, к которому он не имел никакого отношения.

Адвокат М. полагает, что Квалификационной комиссии было представлено достаточно данных, свидетельствующих о реальной угрозе уголовного преследования в его отношении в рамках расследуемого СУ по ... ГСУ СК России по городу Москве уголовного дела № ... . Именно ввиду сложившихся обстоятельств, для защиты своего доброго имени и опровержения ставших ему известных сведений, направленных к подрыву доверия к нему и к адвокатуре, а также во избежание необоснованного привлечения к уголовной ответственности, адвокат М. вынужден был воспользоваться правом, предоставленным ему ч. 4 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката.

По мнению адвоката М., данная норма Кодекса должна применяться не только в случае, если уголовное дело возбуждено в отношении конкретного адвоката, но и если оно возбуждено в отношении неустановленных лиц. Поэтому адвокат М. считает, что норма ч. 4 ст. 6 Кодекса *«подлежит расширенному толкованию и должна распространяться на вышеизложенные мной события, так как в противном случае, априори, не может обеспечить гарантии безопасности адвоката в случае необоснованного привлечения к уголовной ответственности»*.

На этих основаниях адвокат М. просит прекратить дисциплинарное производство в его отношении по жалобе С. В качестве приложения к «Возражению» адвокат М. приобщил ответ на его запрос следователя СУ по ... города Москвы ГСУ СК России Б. от 15.06.2021.

Руководствуясь положениями пункта 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, определяющего, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дело при имеющейся явке.

Изучив и обсудив Заключение Квалификационной комиссии, материалы дисциплинарного производства, выслушав его явившихся участников, Совет признаёт фактические обстоятельства дела правильно установленными Квалификационной комиссией, однако, вопреки выводам Квалификационной комиссии, приходит к иным выводам, которые будут изложены далее в настоящем Решении.

Как установлено материалами дисциплинарного производства, претензии со стороны заявителя С. к адвокату М. состоят в трех случаях дачи им свидетельских показаний по уголовному делу № ..., повлекших разглашение адвокатской тайны, а именно 16 июля 2018 года, 17 апреля 2019 года и 14 мая 2019 года.

Придя к выводу о необходимости прекращения дисциплинарного производства в части, касающейся первого эпизода допроса - 16 июля 2018 года, вследствие истечения сроков применения мер дисциплинарной ответственности, Квалификационная комиссия сочла, что в двух других случаях адвокат М., будучи лицом, ранее участвовавшим в этом же уголовном деле в качестве защитника обвиняемого С. и его представителем по гражданскому делу № ..., находившемуся в производстве Г. городского суда

Ч. Республики, разгласил следователю сведения, составляющие профессиональную тайну, при отсутствии письменного согласия доверителя.

Совет, прежде всего, обращает внимание на неконкретность выдвинутых в отношении адвоката М. дисциплинарных обвинений. Так, ни в жалобе заявителя, ни в его дальнейших устных и письменных пояснениях, ни в Заключение Квалификационной комиссии не указано, какие конкретно сведения, сообщенные адвокатом М. на допросах следователю, составляют адвокатскую тайну. Между тем органы адвокатского самоуправления не наделены правом формулирования и конкретизации предъявленного дисциплинарного обвинения, при том, что конкретность обвинения является общеправовым принципом и необходимой предпосылкой реализации лицом, против которого выдвинуто обвинение, права на защиту. Уклонение участника дисциплинарного производства, требующего привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности, от конкретизации обвинения обязывает правоприменяющий орган толковать все сомнения в пользу лица, против которого выдвинуто обвинение в ненадлежащем поведении (Сборник нормативных и информационных материалов за 2002-2014 годы. Специальный выпуск Вестника Адвокатской палаты г. Москвы. Москва, 2014. С.192-193).

Во-вторых, Совет соглашается с адвокатом М. в том, что в его отношении действительно существовала угроза уголовного преследования. По этой причине к действиям адвоката М. в рассматриваемой ситуации в полной мере применимы положения п. 4 ст.6 Кодекса профессиональной адвокатской этики адвоката, позволяющие адвокату без согласия доверителя использовать сообщенные ему сведения для своей защиты по уголовному делу. При этом Совет, руководствуясь общеобязательными правовыми позициями Конституционного Суда РФ, исходит не из формального узкого толкования приведенной нормы, а исходя из фактического положения лица, которому может угрожать уголовное преследование (См.: Постановления от 23 марта 1999 года № 5-П и от 27 июня 2000 года № 11-П, Определение от 5 ноября 2004 года № 350-О).

Вопреки позиции заявителя, о реальной для адвоката М. угрозе уголовного преследования по уголовному делу о мошенничестве свидетельствуют:

- его собственные пояснения о том, что, будучи приглашенным к следователю, он был ознакомлен с протоколом допроса обвиняемого Г. с показаниями против него (М.), с постановлением прокурора об удовлетворении ходатайства Г. о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, а также в качестве угрозы ему был продемонстрирован заготовленный протокол его (М.) задержания.

При этом изначально, при первом допросе, состоявшемся 16.07.2018, адвокат М. сделал в протоколе допроса заявление: *«Показания давать желаю, даю их в соответствии ч. 4 ст. 6 «Кодекса профессиональной этики адвоката»»;*

- содержание показаний обвиняемого Г., содержащихся в протоколе его допроса от 03.07.2018 на 8 листах, где фамилия М. упоминается 24 раза. При этом основным предметом допроса являются обстоятельства, квалифицированные следствием по ст. 30 и ч. 4 ст.159 УК РФ как покушение на мошенничество и изложенные в постановлении прокурора от 29.06.2018 об удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве и в постановлении Ч. районного суда города Москвы от 20.06.2018 об избрании С. меры пресечения в виде домашнего ареста. При этом из общего контекста показаний и конкретных пояснений допрашиваемого ясно следует, что речь идет о непосредственной причастности М. к противоправной деятельности.

Так на л. 6 протокола допроса указано:

«Вопрос следователя: Поясните, М. и А. были осведомлены о преступности ваших и остальных лиц действий?»

Ответ обвиняемого: Да, они были осведомлены. Они понимали, что сделки как таковой не было и представляли мои и С. интересы по документам <...>»;

- письменные ответы следователя СУ по ... города Москвы ГСУ СК России Б. на запросы адвоката М. В ответе от 15.06.2021 указано, что адвокат М. был ознакомлен с показаниями заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве Г., в связи с чем его показания, по мнению следствия, были обусловлены необходимостью обоснования своей позиции с целью защиты его прав и законных интересов. Тот же следователь в ответе от 15.03.2021 указал: *«целесообразность получения от вас показаний по находящемуся в моем производстве уголовному делу № ..., возбужденному 15.07.2016 заместителем начальника ... отдела ... по ... ГУ МВД России по городу Москве была вызвана необходимостью проверки полученных в ходе расследования в том числе и от лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве данных о наличии у вас сведений об обстоятельствах, имеющих значение для расследования и разрешения уголовного дела»* (орфография и пунктуация оригинала сохранены – примечание Совета).

Совокупность приведенных фактов приводит Совет к выводу о том, что адвокат М. находился в условиях реальной угрозы уголовного преследования, в связи с чем был вправе защищаться, давая свидетельские показания, в том числе и сообщая без согласия доверителя сведения, составляющие адвокатскую тайну. Определение степени реальности такой угрозы, оценка доказательств по уголовному делу выходят за рамки дисциплинарного разбирательства и полномочий органов адвокатского самоуправления, при этом для вывода о правомерности применения положений пункта 4 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката достаточно констатации самого факта наличия угрозы уголовного преследования. При данных обстоятельствах Совет, вопреки ЗаклЮчению Квалификационной комиссии, правильно установившей фактически обстоятельства, но допустившей ошибку в толковании Кодекса профессиональной этики адвоката и правовой

оценке деяния адвоката, приходит к выводу о том, что в действиях адвоката М., составляющих предмет дисциплинарных обвинений в разглашении адвокатской тайны путём дачи свидетельских показаний, отсутствует нарушение законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Приходя к такому выводу, Совет также учитывает традиции российской (присяжной) адвокатуры. Так, в книге А.Н. Маркова «Правила адвокатской профессии в России» (М., 1913) со ссылкой на решения советов присяжных поверенных разъяснялось: *«Единственным средством для оправдания от обвинения в тяжких нарушениях долга, пятнающих честь и достоинство носимого адвокатом звания является правдивое изложение того, что действительно происходило, а потому защитнику не может быть возбранено прибегнуть к этому средству, хотя бы это было связано с разглашением «тайны доверителя»».*

Такой подход является устоявшимся и в дисциплинарной практике Адвокатской палаты города Москвы. Так, *«Квалификационная комиссия сочла убедительными и заслуживающими доверия объяснения адвоката Ч. о том, что, выполняя обязательства по соглашению об оказании юридической помощи, он потенциально мог оказаться в опасной правовой ситуации, при развитии которой в отношении него имелась реальная угроза возбуждения уголовного дела. В этой связи у адвоката Ч. имелись исключительные причины для расторжения соглашения и отказа от исполнения обязанностей защитника»* (Вестник Адвокатской палаты города Москвы. Выпуск № 4, 2014. С. 29-36).

Давая оценку дисциплинарному обвинению, выдвинутому заявителем С. в адрес адвоката М., в том, что он после первого своего допроса в качестве свидетеля по уголовному делу № ..., имевшего место 16 июля 2018 года, самоустранился от защиты С., Совет исходит из того, что в соответствии с ч. 1 ст. 62 УПК РФ защитник обязан устраниваться от участия в производстве по уголовному делу при наличии оснований, предусмотренных главой 9 УПК РФ. При этом пункт 1 ч. 1 ст. 72 УК РФ устанавливает прямой запрет на участие защитника в уголовном деле, если он участвовал в этом же деле в качестве свидетеля.

При таких обстоятельствах Совет признаёт данное дисциплинарное обвинение противоречащим требованиям уголовно-процессуального законодательства и, следовательно, необоснованным, вследствие чего в действиях (бездействии) адвоката М. отсутствуют нарушения законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре также и в указанной части.

Иные претензии заявителя С. к адвокату М., выдвинутые в ходе дисциплинарного разбирательства в Совете (невыяснение финансовых отношений, удержание документов, необходимость привлечения другого адвоката, незнакомление его (С.) с процессуальными материалами, касающимися Г., уклонение от работы по другим делам), не являются

предметом жалобы С. о привлечении адвоката М. к дисциплинарной ответственности (вх. № ... от 01.03.2021), тогда как Совет при разбирательстве не вправе выходить за пределы жалобы и заключения комиссии (п. 4 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката).

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката М. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) по жалобе С. «от февраля» 2021 года (вх. № ... от 01.03.2021), вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

25. Совет пришёл к выводу о том, что сведения об обращении к адвокату за юридической помощью, составляющие адвокатскую тайну, сообщенные адвокатом без согласия обратившегося лица, имели разумно необходимый объём и позволили адвокату подтвердить ключевой довод его защитительной позиции. По этой причине Совет прекратил дисциплинарное производство.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 12 мая 2021 года адвокат П. нарушил взаимосвязанные положения п. 3, 4 ст. 6 и пп. 4 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, что выразилось в разглашении без согласия доверителя К. сведений, составляющих адвокатскую тайну, в объеме, не являющемся разумно необходимым для обоснования своей позиции по возбужденному против него уголовному делу частного обвинения, путём указания в тексте процессуального документа с названием «Возражения на доводы апелляционной жалобы» от 22 января 2021 года, подготовленного и представленного адвокатом П. в О. межрайонный суд Т. области, конкретных данных о предмете ранее имевшихся обращений к нему как к адвокату заявителя К. за консультационной юридической помощью, сформулированных в виде фразы *«как не платить алименты своей дочери или как побыстрее получить выходное пособие его сожительнице М., уволившейся из рядов МВД г. Т»*.

В оставшейся части дисциплинарное производство признано подлежащим прекращению вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката П. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат П. в заседании Совета подтвердил своевременность получения Заключения Квалификационной комиссии от 12 мая 2021 года и ознакомление с ним. С выводами Комиссии адвокат П. не согласился в части признания его нарушившим положения п.п. 3, 4 ст. 6 и пп. 4 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката. В части прекращения дисциплинарного

производства адвокат П. согласен с выводами Комиссии. В качестве обоснования несогласия с выводами Комиссии адвокат П. обращает внимание на то, что он никогда не оказывал заявителю К. юридическую помощь, и, соответственно, К. никогда не являлся его доверителем. Более полно и развернуто эти доводы изложены им в возражениях на Заключение Квалификационной комиссии (вх. № ... от 16.06.2021), которые он поддерживает в полном объеме.

Заявитель К. в заседании Совета подтвердил своевременность получения Заключения Квалификационной комиссии от 12 мая 2021 года и ознакомление с ним. С выводами Комиссии он согласен. Дополнительно К. просит обратить внимание на сведения, изложенные им в письменном обращении в Адвокатскую палату города Москвы от 07 июня 2021 года (вх. № ... от 08.06.2021). Считает, что П. недостойн статуса адвоката и должен быть его лишён.

Рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, выслушав явившихся участников, Совет признаёт фактические обстоятельства правильно установленными Квалификационной комиссией, но не соглашается с их правовой оценкой Комиссией в части признания адвоката П. нарушившим положения п.п. 3, 4 ст. 6 и пп. 4 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики и признаёт эту оценку ошибочной. Приходя к такому выводу, Совет исходит из следующего.

Материалами дисциплинарного производства установлено, что между заявителем К. и П., имеющим статус адвоката и регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы, как между соседями по ул. Л. деревни В.К. О. района Т. области, имеет место длительный (более 10 лет) конфликт, обусловивший наличие между ними личных неприязненных отношений.

22 июля 2020 года постановлением мирового судьи судебного участка № ... О. района Т. области было принято заявление частного обвинителя К. о привлечении к уголовной ответственности П. за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 128.1 УК РФ.

24 декабря 2020 года постановлением мирового судьи судебного участка № ... О. района Т. области Ф., исполняющей обязанности мирового судьи судебного участка № ..., данное постановление было отменено, а материалы по заявлению К. о привлечении П. к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 128.1 УК РФ, были направлены руководителю следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Т. области для решения вопроса о возбуждении уголовного дела в порядке, установленном ст. 448 УПК РФ.

Данное решение суда было обусловлено наличием у П. действующего статуса адвоката, что в соответствии с п. 10 ч. 1 ст. 448 УПК РФ во взаимосвязи с требованиями ч. 1 ст. 447 УПК РФ требовало принятия решения о возбуждении уголовного дела руководителем следственного органа Следственного комитета Российской Федерации по субъекту Российской Федерации.

Будучи несогласным с принятым решением об отмене постановления о принятии заявления частного обвинителя К. о привлечении к уголовной ответственности П. за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 128.1 УК РФ, заявитель К. 25 декабря 2020 года подал в О. межрайонный суд Т. области апелляционную жалобу. В ней К. в обоснование необходимости отмены состоявшегося судебного решения указал, что П. скрыл от участкового Р. тот факт, что он является адвокатом, и что на момент подачи К. соответствующего заявления мировому судье статус адвоката П. был приостановлен. Сам П. о наличии у него этого статуса суду не сообщал, но как только показаниями допрашиваемых лиц П. стал изобличаться в распространении заведомо ложных сведений о К., П. через обращение в Совет Адвокатской палаты города Москвы восстановил свой статус адвоката, что позволило ему добиться решения об отмене постановления суда о принятии заявления частного обвинителя К. о привлечении его (П.) к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 128.1 УК РФ. При этом преступление, в котором обвиняется П., не имеет никакого отношения к адвокатской деятельности П. и не связано с этой его деятельностью.

22 января 2021 года адвокат П., будучи подсудимым по уголовному делу № ..., направил в О. межрайонный суд Т. области «Возражения на доводы апелляционной жалобы» заявителя К., являющегося потерпевшим по данному уголовному делу.

В данных возражениях на апелляционную жалобу К. адвокат П., с целью опровержения довода заявителя К. о сокрытии им информации о наличии у него статуса адвоката, указал, что К. *«неоднократно ранее до июня 2018 г. неоднократно пытался проконсультироваться у меня, как не платить алименты своей дочери или как побыстрее получить выходное пособие его сожительнице М., уволившейся из рядов МВД г. Т.»*. Кроме того, адвокат П. в этих возражениях указал: *«не судимому К., не платившему своей дочери алиментов и просившему у меня советов как их избежать вообще, спрятавшемуся в О. районе от других граждан...судить о мне как специалисте»*.

Приведённые фактические обстоятельства правильно и полно установлены Квалификационной комиссией, никто из участников дисциплинарного производства их не оспаривает. Вместе с тем, Совет приходит к выводу о том, что Квалификационная комиссия допустила ошибку в правовой оценке рассматриваемого деяния адвоката П.

Согласно п. 1 ст. 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» любые сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи своему доверителю, являются адвокатской тайной.

В соответствии с п. 3 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат не может быть освобожден от обязанности хранить профессиональную тайну никем, кроме доверителя. Согласие доверителя на

прекращение действия адвокатской тайны должно быть выражено в письменной форме в присутствии адвоката в условиях, исключающих воздействие на доверителя со стороны адвоката и третьих лиц.

Согласно п. 5 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката правила сохранения профессиональной тайны распространяются на: факт обращения к адвокату, включая имена и названия доверителей; все доказательства и документы, собранные адвокатом в ходе подготовки к делу; сведения, полученные адвокатом от доверителей; информацию о доверителе, ставшую известной адвокату в процессе оказания юридической помощи; содержание правовых советов, данных непосредственно доверителю или ему предназначенных; все адвокатское производство по делу; условия соглашения об оказании юридической помощи, включая денежные расчеты между адвокатом и доверителем; любые другие сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи.

Срок хранения тайны не ограничен во времени (п. 2 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Без согласия доверителя адвокат вправе использовать сообщенные ему доверителем сведения в объеме, который адвокат считает разумно необходимым для обоснования своей позиции при рассмотрении гражданского спора между ним и доверителем или для своей защиты по возбужденному против него дисциплинарному производству или уголовному делу (п. 4 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката).

В соответствии с п. 2 ст. 6.1 Кодекса профессиональной этики адвоката при решении вопроса, связанного с сохранением адвокатской тайны, под доверителем понимается любое лицо, доверившее адвокату сведения личного характера в целях оказания юридической помощи.

Как правильно установлено Квалификационной комиссией, адвокат П. являлся подсудимым по уголовному делу частного обвинения № ..., возбужденному по жалобе заявителя К. Один из доводов защитительной позиции П. заключался в том, что процедура производства по уголовному делу в отношении него не соответствует требованиям ст.ст. 151 и 448 УПК РФ, предусматривающим особые процессуальные гарантии объективности при производстве предварительного расследования в отношении специальных субъектов – адвокатов.

В свою очередь, позиция заявителя К. заключалась в том, что событие, по поводу которого было возбуждено уголовное дело, не имеет никакого отношения к адвокатской деятельности П. и не связано с такой его деятельностью.

Совет отклоняет как несостоятельный и противоречащий требованиям п. 1 ст. 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 5 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката довод адвоката П. о том, что отсутствие заключённого между ним и К. соглашения об оказании юридической помощи исключает возможность

предъявления к нему претензий в разглашении сведений, составляющих адвокатскую тайну.

Вместе с тем, оценивая наличие оснований для применения адвокатом положений п. 4 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет обращает внимание на то, что объем сведений, составляющих адвокатскую тайну, которые могут быть разглашены, обусловлен защитительной позицией адвоката по возбужденному против него делу, и должен быть разумно необходимым прежде всего для ее надлежащего обоснования.

Установив в п. 4 ст. 6 условия разглашения адвокатской тайны, Кодекс профессиональной этики адвоката применил субъективный критерий в виде самостоятельного определения адвокатом объема сведений, необходимых для обоснования его позиции, и указал на разумность пределов разглашения в каждом конкретном случае.

Совет отмечает, что, реализуя защитительную позицию по уголовному делу, адвокаты обоснованно стремятся не только к ее правовому, но и фактическому обоснованию. В адвокатской деятельности общепринятым является подход, согласно которому позиция по уголовному делу определяется несколькими факторами, среди которых существенное значение имеют фактические обстоятельства и доказательства¹. В свою очередь, для успешной реализации защитительной позиции в части, касающейся фактических обстоятельств, требуется ее обоснование доказательствами, обладающими свойствами относимости, допустимости, достоверности, а в совокупности – достаточности. Конкретные фактические обстоятельства дела и собранные доказательства позволяют адвокату в каждом конкретном случае принимать решение о предмете (обстоятельствах), о которых необходимо сообщить, и о необходимой степени их детализации. Именно поэтому, определяя пределы разумной необходимости сообщения адвокатом сведений, составляющих адвокатскую тайну, органы адвокатского самоуправления должны применять взвешенный и осторожный подход, не допускающий произвольных оценок и домыслов. В свою очередь, заявитель, как участник дисциплинарного производства, на которого возложена обязанность доказывания и обоснования обстоятельств, на которые он ссылается как на основание своих требований, обязан привести соответствующие доводы, в том числе, и по вопросу о неразумности поведения адвоката при определении объема разглашенных сведений, составляющих адвокатскую тайну, в ходе своей защиты по уголовному делу.

Применяя указанные критерии к оценке спорных фрагментов текста процессуального документа - «Возражений на доводы апелляционной жалобы» от 22 января 2021 года, подготовленного и представленного

---

¹ См, например: Адвокат: навыки профессионального мастерства / Е.Ю. Булакова, Л.А. Воскобитова, М.Р. Воскобитова и др.; под ред. Л.А. Воскобитовой, И.Н. Лукьяновой, Л.П. Михайловой. М.: Волтерс Клувер, 2006. 592 с.

адвокатом П. в свою защиту в О. межрайонный суд Т. области, Совет не усматривает дисциплинарного нарушения в его действиях.

Прежде всего, Совет обращает внимание на то, что в данном конкретном случае обстоятельства, касающиеся наличия у П. специального публично-правового статуса, в силу которого он отнесён к числу специальных субъектов уголовного судопроизводства, и информированности об этом заявителя К., имели принципиальное значение для решения вопроса о законности принятия мировым судьей заявления по делу частного обвинения и дальнейшей процедуре производства по уголовному делу.

Первый спорный фрагмент представляет собой следующее утверждение адвоката П.: «[заявитель К. – примечание Совета] *«неоднократно ранее до июня 2018 г. неоднократно пытался проконсультироваться у меня, как не платить алименты своей дочери или как побыстрее получить выходное пособие его сожительнице М., уволившейся из рядов МВД г. Т.»*. Из анализа его содержания следует, что адвокат П. указывает на информированность К. о его статусе адвоката, конкретизируя этот факт сведениями о том, что он *«неоднократно пытался проконсультироваться»* по двум вопросам юридического характера: *«как не платить своей дочери алименты»* и *«как побыстрее получить выходное пособие его сожительнице М., уволившейся из рядов МВД г. Т.»*. Совет отмечает, что сообщение о характере правовых проблем, по которым К. *«неоднократно пытался проконсультироваться»*, в данном конкретном случае имеет разумно необходимый объём, поскольку он позволяет подтвердить ключевой довод защитительной позиции адвоката П. об информированности К. о наличии у него (П.) статуса адвоката. Кроме того, такая разумная конкретизация могла быть необходима для оценки сообщенных адвокатом П. сведений на предмет их достоверности. Должностное лицо, оценивающее достоверность этих сведений, получило возможность проверить их, например, запросив информацию о наличии у К. дочери, наличии у него обязанности по уплате алиментов, а также близкого ему лица по имени М., уволившейся из органов МВД. При этом никаких конкретных сведений о характере алиментных обязательств К. и об обстоятельствах увольнения его знакомой из органов МВД адвокат П. не сообщил. При таких обстоятельствах Совет не усматривает превышения разумных пределов раскрытия адвокатом П. сведений, составляющих адвокатскую тайну в рассматриваемом фрагменте, и считает такое поведение адвоката П. обоснованным. Совет также обращает внимание на то, что адвокат П. сообщил сведения о предмете, по которому К. лишь пытался у него проконсультироваться. Квалификационной комиссией правильно установлено и указано в Заключение, что между адвокатом П. и заявителем К. не заключалось соглашение об оказании юридической помощи. Поэтому сообщение предполагаемого предмета консультирования с указанием минимально необходимых конкретных данных, свидетельствующих о его правовом характере, было необходимо для

подтверждения информированности К. о наличии у П. статуса адвоката, и иным способом это было невозможно обеспечить.

По этой причине Совет не может согласиться с выводом Квалификационной комиссии о том, что *«публичное разглашение адвокатом П. не только фактов, но и предмета обращений к нему заявителя К. за оказанием юридической консультационной помощи не вытекало из существа защитительной позиции П. как подсудимого по уголовному делу частного обвинения, инициированного в отношении него заявителем К. по обвинению в клевете»*, и считает необходимым в указанной части прекратить дисциплинарное производство вследствие отсутствия в действиях адвоката П. нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Что же касается второго фрагмента: *«не судимому К., не платившему своей дочери алиментов и просившему у меня советов как их избежать вообще, спрятавшемся в О. районе от других граждан...судить о мне как специалисте»*, то Совет отмечает его неразрывную взаимосвязь с первым фрагментом. Сама по себе неоднократность повторения в различных контекстах одних и тех же сведений, пусть и составляющих адвокатскую тайну, в целях защиты от предъявленного обвинения в совершении преступления и без превышения разумных пределов разглашения не может быть расценена как совершение дисциплинарного проступка.

Умозаключение же адвоката П. о том, что К. «скрылся» в О. районе от других граждан, не относится к сведениям, составляющим адвокатскую тайну, и, соответственно, не подлежит оценке на предмет её разглашения.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил прекратить дисциплинарное производство в отношении адвоката П. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы), возбужденное по жалобе К. от 26 января 2021 года (вх. № ... от 29.01.2021), вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

26. Адвокату объявлено предупреждение за разглашение без согласия доверителя сведений, полученных в связи с оказанием юридической помощи, и использование их в своих интересах и интересах третьих лиц.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 09 июня 2021 года адвокат К.М. нарушила:

- взаимосвязанные положения п. 3, 4 ст. 6 и пп. 4 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, что выразилось в разглашении без согласия доверителя К. сведений о наличии у него судимости, которые были достоверно

известны адвокату К.М. как бывшему защитнику К. по уголовному делу № ..., и которые адвокат К.М. сообщила 05 декабря 2019 года в судебном заседании Д. городского суда М. области и использовала в своих интересах и интересах третьих лиц в ходе судебного разбирательства по гражданскому делу № ..., слушавшемуся Д. городским судом М. области, где адвокат К.М. выступала истцом и представителем группы лиц;

- п. 2 и 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, что выразилось в получении ею не позднее 13 марта 2020 года в Ч. районном суде города Москвы как защитником К. заверенной копии приговора указанного суда от 02 июня 2011 года по уголовному делу № ..., постановленного в отношении К., и в заявлении ею как представителем ответчика Г. 13 марта 2020 года ходатайства о приобщении заверенной копии данного приговора в качестве доказательства к материалам гражданского дела № ..., находившегося в период с 18 февраля 2020 года по 13 марта 2020 года в производстве мирового судьи судебного участка № ... С. района города Москвы, в целях формирования у суда отрицательного отношения к характеристикам личности К.

В оставшейся части дисциплинарное производство признано подлежащим прекращению вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.

Заявитель К. в заседании Совета подтвердил своевременность получения Заключения Квалификационной комиссии от 09 июня 2021 года и ознакомление с ним. С выводами Комиссии заявитель К. согласился в полном объеме и дополнительно сообщил, что он пытался разрешить возникшую проблему миром, но адвокат К.М. продолжала его обманывать. Что касается меры дисциплинарного взыскания за допущенные нарушения, если они будут признаны Советом, то он полагается на мнение дисциплинарного органа.

Рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, выслушав явившегося участника, Совет соглашается с выводами Квалификационной комиссии, поскольку они основаны на правильно и полно установленных фактических обстоятельствах.

Так, установлено, что адвокат К.М. в 2011 году осуществляла защиту К., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 228 УК РФ.

Уголовное дело № ... по обвинению К. было рассмотрено с участием защитника К. – адвоката К.М. 02 июня 2011 года Ч. районным судом города Москвы в открытом судебном заседании с вынесением по делу обвинительного приговора.

Не позднее 25 марта 2019 года между адвокатом К.М. и К. сложились личные неприязненные отношения, обусловленные обстоятельствами, не имеющими отношения к ранее имевшимся между ними правоотношениям как адвоката и доверителя.

Будучи жителями одного и того же дачного поселка «В.», расположенного в Д. районе М. области, адвокат К.М. (как житель данного поселка) с рядом иных лиц была не согласна с фактом назначения в 2017 году на должность Председателя правления Товарищества собственников недвижимости «В.» заявителя К., а также считала действия К. как Председателя правления по сбору с «садоводов-индивидуалов» дополнительных денежных средств по Договору от 01 января 2017 года за пользование объектами инфраструктуры и истребованию персональных данных от каждого «садовода-индивидуала» незаконными и необоснованными, нарушающими её права и права еще двадцати двух садоводов.

В рамках защиты своих прав и законных интересов К.М. как членом *«Комитета по противодействию коррупции и содействию общественной безопасности»* и гражданкой Е. 25 марта 2019 года в Прокуратуру города Д. М. области было подано заявление с просьбой принять *«соответствующие меры прокурорского реагирования по фактам незаконного избрания председателем ТНС «В.» К., пресечения незаконных поборов с садоводов-индивидуалов, превышения полномочий председателем, выразившихся в отказе от подписания согласования границ земельных участков»*.

В мотивировочной части указанного заявления в Прокуратуру города Д. М. области, подписанного как К.М., так и Е., указано, в частности, что К. *«...сожитель собственницы земельного участка № 2 А.»*, а также что *«К. не имеет достаточного образования, неоднократно судим, создает в ТСН нездоровую обстановку, распространяя различные клеветнические измышления в отношении нас»*.

Совет обращает внимание, что действия по подаче гражданами К.М. и Е. в Прокуратуру города Д. М. области соответствующего заявления на действия председателя правления ТСН «В.» не связаны с исполнением адвокатом К.М. своих профессиональных обязанностей как адвоката, в связи с чем на эти действия не распространяется обязанность соблюдения ею требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) Кодекса профессиональной этики адвоката. В самом заявлении каких-либо сведений о наличии у К.М. статуса адвоката не имеется. Сформулированные в заявлении положения о том, что К. *«...сожитель собственницы земельного участка № 2 А.»*, а также что *«К. не имеет достаточного образования, неоднократно судим, создает в ТСН нездоровую обстановку, распространяя различные клеветнические измышления в отношении нас»* не содержат каких-либо данных о том, кем конкретно - К.М. или Е. включены эти сведения в текст заявления. Каких-либо доказательств, подтверждающих факт того, что эти сведения в заявление внесены именно адвокатом К.М., заявителем К. не представлено. В то же время заявителем К. не отрицается тот факт, что поводом и основаниями для подачи данного заявления гражданами К.М. и Е. явились их правоотношения, сложившиеся между ним как председателем

правления ТСН «В.» и членами этого Товарищества, и не связаны с их предыдущими отношениями как адвоката и доверителя.

В соответствии с п. 4 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката не может являться допустимым поводом для возбуждения дисциплинарного производства жалоба, основанная на действиях (бездействии) адвоката, не связанных с исполнением им требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) Кодекса профессиональной этики адвоката.

Подача К.М. в качестве гражданина, а не адвоката совместного с гражданкой Е. заявления в органы прокуратуры в отношении К. является действием, не связанным с осуществлением адвокатом К.М. профессиональной деятельности и, следовательно, это действие не обусловлено исполнением ею требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) Кодекса профессиональной этики адвоката.

При таких обстоятельствах дисциплинарное производство в части, касающейся этого дисциплинарного обвинения, подлежит прекращению на основании пп. 6 п. 9 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката - вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.

При этом Совет разъясняет заявителю К., что в соответствии со ст. 152 ГК РФ любой гражданин вправе требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений. В том случае, если заявитель К. считает, что данные сведения являются порочащими его честь, достоинство или деловую репутацию, он имеет возможность в порядке гражданского судопроизводства обеспечить защиту своих прав и законных интересов.

Также установлено, что 17 декабря 2019 года Д. городским судом М. области по гражданскому делу № ... по иску гражданки К.М. «в интересах группы лиц к ТСН «В.» о признании частично недействительными решений общего собрания и исключения записи из ЕГРЮЛ» было вынесено решение об удовлетворении данного иска в полном объеме.

Как следует из аудиозаписи протокола судебного заседания по гражданскому делу № ... Д. городского суда М. области, представленной заявителем К. и не оспариваемой адвокатом К.М., последняя, в ходе своего выступления 05 декабря 2019 года в судебном заседании Д. городского суда М. области, в обоснование своей позиции заявила, что К. «привлекался к уголовной ответственности» (отрезок аудиофайла с 12 мин. 14 сек. до 12 мин. 19 сек).

13 марта 2020 года мировой судья судебного участка № ... С. района города Москвы вынес решение по гражданскому делу № ... по иску ТСН «В.» к Г. о взыскании задолженности за пользование объектами инфраструктуры, отказав в удовлетворении исковых требований ТСН «В.» к Г. в полном объеме.

Как следует из решения суда, представителем ответчика Г. по доверенности в указанном процессе была адвокат К.М.

Как следует из аудиозаписи протокола судебного заседания по гражданскому делу № ... у мирового судьи судебного участка № ... С. района города Москвы, представленной заявителем К. и не оспариваемой адвокатом К.М., последняя, в ходе своего выступления в судебном заседании, в обоснование позиции представляемого лица Г., заявила ходатайство о приобщении к делу копии обвинительного приговора Ч. районного суда города Москвы от 2011 года в отношении К., защиту которого в указанном процессе осуществляла сама адвокат К.М. (отрезок аудиофайла с 57 мин. 11 сек. до 57 мин. 23 сек).

Ни факт произнесения фразы о привлечении К. к уголовной ответственности, ни факт приобщения к материалам гражданского дела копии обвинительного приговора от 02 июня 2011 года в отношении К. адвокатом К.М. не оспаривается. При этом, адвокат К.М. в заседании Квалификационной комиссии подтвердила, что копия данного приговора была получена ею специально для приобщения к материалам гражданского дела, рассматриваемого мировым судьей судебного участка № ... С. района города Москвы в защиту интересов представляемого лица Г., и для получения этой копии приговора она использовала свои полномочия защитника К. по этому уголовному делу. Вместе с тем, Совет обращает внимание, что, отвечая на вопросы в заседании Комиссии, адвокат К.М. называла разные механизмы получения ею данного приговора: как путем скачивания файла с сайта Ч. районного суда города Москвы, так и путём личного получения его заверенной копии в конце 2016 – начале 2017 года непосредственно в Ч. районном суде города Москвы.

Адвокатом К.М., однако, не отрицается тот факт, что получение ею этого приговора было обусловлено необходимостью собирания негативных характеризующих данных на К. для обеспечения доказательств его отрицательных характеристик в ходе начавшегося с 2017 года противостояния между К. как председателем Правления ТСН «В.» и группой садоводов-индивидуалов указанного товарищества, включая адвоката К.М.

Разрешая вопрос о соблюдении/несоблюдении адвокатом К.М. норм профессиональной этики адвоката применительно к установленным фактическим обстоятельствам, Совет отмечает, что адвокат является независимым советником по правовым вопросам (абз. 1 п. 1 ст. 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

Институт независимой адвокатуры является гарантией конституционного права граждан, в том числе обвиняемых в уголовном судопроизводстве, на получение квалифицированной юридической помощи (ст. 48 Конституции РФ, постановление Конституционного Суда РФ от 28 января 1997 г. № 2-П).

Отношения, складывающиеся между адвокатом и лицом, защиту которого адвокат осуществляет, основано на особых, лично-доверительных отношениях подозреваемого, обвиняемого со своим защитником (Постановления Конституционного суда Российской Федерации от 27 марта

1996 года № 8-П, от 29 ноября 2010 года № 20-П и др.). Это позволяет достичь эффективности как получаемой юридической помощи, так и судебной защиты в целом, поскольку осуществление представительства в деле тем адвокатом, которому подзащитный доверяет и с которым он может согласовать позицию в ходе производства по делу (стратегию стороны защиты), максимально способствует реализации законных интересов подозреваемого, обвиняемого. В Кодексе профессиональной этики адвоката также подчеркивается, что связь между адвокатом и доверителем основывается на лично-доверительном характере отношений между ними (статья 5 и пункт 1 статьи 6 Кодекса) (постановление Конституционного суда РФ от 17 июля 2019 года № 28-П).

В соответствии с п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат должен избегать действий, направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре. Согласно п. 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката злоупотребление доверием несовместимо со званием адвоката.

С учетом изложенного, Совет считает, что, сославшись в ходе судебного разбирательства по гражданскому делу № ..., слушавшемуся Д. городским судом М. области, на достоверно известные адвокату К.М. (как бывшему защитнику заявителя К. по уголовному делу) сведения о наличии судимости у К., адвокат К.М. нарушила взаимосвязанные положения п. 3, 4 ст. 6 и пп. 4 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, так как разгласила без согласия доверителя сведения, полученные ею в связи с оказанием ему юридической помощи, и использовала их в своих интересах и интересах третьих лиц.

Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 15 января 2016 года № 76-О указал: «Разъясняя ориентиры для понимания соответствующих гарантий, Кодекс поведения для юристов в Европейском сообществе (принят 28 октября 1988 года Советом коллегий адвокатов и юридических сообществ Европейского Союза) относит к существенным признакам адвокатской деятельности обеспечение клиенту условий, когда он может свободно сообщать адвокату сведения, которые не сообщил бы другим, и сохранение адвокатом как получателем информации ее конфиденциальности, поскольку без уверенности в конфиденциальности не может быть доверия; при этом требованием конфиденциальности определяются права и обязанности адвоката, имеющие фундаментальное значение для профессиональной деятельности, – адвокат должен соблюдать конфиденциальность в отношении всей информации, предоставленной ему самим клиентом либо полученной им относительно его клиента или других лиц в ходе оказания юридических услуг, причем обязательства, связанные с конфиденциальностью, не ограничены во времени (пункт 2.3). Согласно же Основным принципам, касающимся роли юристов (приняты восьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, проходившим в августе – сентябре 1990 года), правительствам надлежит признавать и обеспечивать конфиденциальный характер любых консультаций и отношений, складывающихся между

юристами и их клиентами в процессе оказания профессиональной юридической помощи».

Установленный факт того, что адвокат К.М. в ходе оказания в 2020 году юридической помощи ответчику Г. в рамках гражданского дела № ... у мирового судьи судебного участка № ... С. района города Москвы, используя то обстоятельство, что ранее, в 2011 году, она осуществляла защиту К. по уголовному делу, находившемуся в производстве Ч. районного суда города Москвы, представила мировому судье судебного участка № ... С. района города Москвы полученную ранее заверенную копию приговора Ч. районного суда города Москвы от 02 июня 2011 года по уголовному делу № ..., постановленного в отношении К., и ходатайствовала 13 марта 2020 года о её приобщении к материалам гражданского дела № ..., Совет признаёт нарушением требований п. 2 и 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, поскольку адвокат К.М. использовала свои полномочия защитника К. для собирания в своих интересах и интересах третьих лиц, включая ответчика Г., доказательств по указанному гражданскому делу для того, чтобы продемонстрировать отрицательную характеристику К. как бывшего Председателя правления ТСН «В.», выступавшего истцом по отношению к представляемому ею лицу Г. При этом адвокат К.М. как представитель Г. не имела законной возможности получить заверенную копию приговора Ч. районного суда города Москвы от 02 июня 2011 года по уголовному делу № ...

Избирая, в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, меру дисциплинарной ответственности адвоката К.М. за совершенные ею дисциплинарные проступки, Совет учитывает их грубый и умышленный характер, свидетельствующий о явном игнорировании адвокатом К.М. основополагающих правил профессионального поведения, связанных с обеспечением конфиденциальности полученной адвокатом информации и недопустимостью злоупотребления доверием и совершения действий, направленных к подрыву доверия как к адвокату, так и к адвокатуре в целом. Вместе с тем, Совет принимает во внимание, что адвокат К.М. с момента приобретения статуса адвоката к дисциплинарной ответственности не привлекалась. При таких обстоятельствах Совет считает возможным предоставить адвокату К.М. возможность пересмотреть и скорректировать своё профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества, и приходит к выводу о необходимости применения к ней меры дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающей требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренного ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 6 ст. 18, пп. 1, 8 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

1. Применить к адвокату К. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за нарушение:

- взаимосвязанных положений п. 3, 4 ст. 6 и пп. 4 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, что выразилось в разглашении без согласия доверителя К. сведений о наличии у него судимости, которые были достоверно известны адвокату К.М. как бывшему защитнику К. по уголовному делу № ..., и которые адвокат К.М. сообщила 05 декабря 2019 года в судебном заседании Д. городского суда М. области и использовала в своих интересах и интересах третьих лиц в ходе судебного разбирательства по гражданскому делу № ..., слушавшемуся Д. городским судом М. области, где адвокат К.М. выступала истцом и представителем группы лиц;

- п. 2 и 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, что выразилось в получении ею не позднее 13 марта 2020 года в Ч. районном суде города Москвы как защитником К. заверенной копии приговора указанного суда от 02 июня 2011 года по уголовному делу № ..., постановленного в отношении К., и в заявлении ею как представителем ответчика Г. 13 марта 2020 года ходатайства о приобщении заверенной копии данного приговора в качестве доказательства к материалам гражданского дела № ..., находившегося в период с 18 февраля 2020 года по 13 марта 2020 года в производстве мирового судьи судебного участка № ... С. района города Москвы, в целях формирования у суда отрицательного отношения к характеристикам личности К.

2. Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе К. от 17 февраля 2021 года (вх. № ... от 01.03.2021), в отношении адвоката К. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы), вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.

27. Совет установил, что на момент вступления адвокатов в уголовное дело у них отсутствовало для этого законное основание в виде заключённого соглашения на защиту, и применил к ним меру дисциплинарной ответственности в виде замечания.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 03 марта 2021 года адвокат С.А.:

- нарушил пп. 6 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, что выразилось в навязывании им своей помощи М. путем посещения его 01 сентября 2020 года в ФКУ СИЗО-... УФСИН России по городу Москве и высказывании предложения заключить соглашение на его защиту;

- ненадлежащим образом, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», исполнил свои профессиональные обязанности перед доверителем М., что выразилось в его вступлении 02 сентября 2020 года

в уголовное дело № ..., находящееся в производстве Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации, в качестве защитника М. в отсутствие установленных законом оснований (соглашение об оказании юридической помощи или назначение защитником);

адвокат С.Р.:

- нарушил пп. 6 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, что выразилось в навязывании им своей помощи М. путем посещения его 01 сентября 2020 года в ФКУ СИЗО-... УФСИН России по городу Москве и высказывании предложения заключить соглашение на его защиту;

- ненадлежащим образом, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», исполнил свои профессиональные обязанности перед доверителем М., что выразилось в его вступлении 02 сентября 2020 года в уголовное дело № ..., находящееся в производстве Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации, в качестве защитника М. в отсутствие установленных законом оснований (соглашение об оказании юридической помощи или назначение защитником).

В оставшейся части дисциплинарное производство признано подлежащим прекращению вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвокатов С.А. и С.Р. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Заявитель и одновременно представитель заявителя М. - адвокат А. в заседании Совета подтвердила своевременность получения Заключения Квалификационной комиссии, ознакомление с ним. С выводами Заключения согласна. Отвечая на вопросы членов Совета, пояснила следующее. Со слов ее доверителя М., адвокаты С.А. и С.Р. представились ему как «добрые знакомые следователей». Он анализировал поведение адвокатов С.А. и С.Р. и пришел к выводу, что они действовали как «злой и добрый полицейские». Они склоняли его к заключению досудебного соглашения и разъясняли последствия такого процессуального механизма. Находясь в трудной жизненной ситуации и опасаясь за судьбу иных лиц, вовлечённых в расследование уголовного дела, М. принял решение отказаться от этих адвокатов. Именно она (адвокат А.) подсказала М. написать в заявлении об отказе от них о том, что претензий к адвокатам С.А. и С.Р. он не имеет. Для того, чтобы «зафиксировать» всю эту ситуацию, связанную с участием адвокатов С.А. и С.Р., она и М. приняли решение обратиться с жалобами в Адвокатскую палату города Москвы. Насколько ей известно, первый звонок Д. был от адвоката С.А., а не наоборот. Негативные последствия участия адвокатов С.А. и С.Р. она видит в том, что они ознакомились с «закрытыми» материалами уголовного дела. На данный момент каких-либо видимых и осязаемых негативных последствий участия адвокатов С.А. и С.Р. для М. и интересов его защиты не имеется. Д. готов дать объяснения Совету, если это будет признано необходимым. Ей, действительно, поступало сообщение от адвокатов С.А. и С.Р. о том, что они

приняли поручение на защиту М. и встречались с ним. Они сообщили, что собираются пойти к доверителю в СИЗО и пригласили её пойти к нему вместе. Однако она не намеревалась вместе с ними идти к доверителю в СИЗО до тех пор, пока сама не удостоверится лично у доверителя в ходе индивидуальной встречи с ним относительно факта принятия новыми адвокатами поручения. И только после получения от доверителя согласия совместно участвовать с адвокатами С.А. и С.Р. в защите по уголовному делу она была бы готова к совместному общению. Вопрос о мере дисциплинарной ответственности адвокатов С.А. и С.Р. она и М. оставляют на усмотрение Совета.

Адвокат С.А. в заседании Совета подтвердил своевременность получения Заключения Квалификационной комиссии, ознакомление с ним. С выводами Заключения согласен частично, только в части прекращения 3 дисциплинарного производства. Доводы о несогласии с выводами Заключения Квалификационной комиссии изложены в его совместных с адвокатом С.Р. письменных возражениях, которые он поддерживает в полном объеме. Отвечая на вопросы членов Совета, пояснил следующее. Он согласен с тем, что подписанного соглашения о защите М. у него нет. Оригинал соглашения ему не передали до настоящего времени. Вопрос о лице, обратившемся к нему за оказанием юридической помощи в М., первоначально не поднимался в Квалификационной комиссии, поэтому он это лицо и не называл. Инициатива Д., обратившегося к нему с этой просьбой, проявляется, по его мнению, в общей логике событий. Конкретных слов и выражений в смс-переписке между ним и Д., из которых бы следовало, что последний просит оказать юридическую помощь М., действительно, нет. Он не знает, в чем заключается причина отказа М. от них как от защитников. Деньги они не брали, в процессуальных действиях не участвовали и, тем более, не совершали каких-либо действий во вред М.

Адвокат С.Р. в заседании Совета подтвердил своевременность получения Заключения Квалификационной комиссии, ознакомление с ним. С выводами Заключения согласен частично, только в части прекращения дисциплинарного производства. Доводы о несогласии с выводами Заключения Квалификационной комиссии изложены в его совместных с адвокатом С.А. письменных возражениях, которые он поддерживает в полном объеме. Отвечая на вопросы членов Совета, пояснил следующее. Гражданин Д. обратился в августе 2020 года к адвокату С.А. с просьбой вступить в дело и принять защиту М. Непосредственно с Д. общался адвокат С.А. Впоследствии адвокат С.А. обратился к нему с просьбой принять вместе с ним участие в защите М. В заседании Квалификационной комиссии этот вопрос обсуждался. Просьба Д. была изложена в смс-переписке, которая приобщалась к материалам дисциплинарного производства. Встреча с М. у него и адвоката С. состоялась 01 сентября 2020 года. На этой встрече им стало известно, что на 10 сентября 2020 года назначено судебное заседание. Исходя из необходимости защиты интересов М., они приняли решение получить заявление от него об их вступлении в дело на руки, минуя спецчасть СИЗО.

Впоследствии это заявление они передали следователю. Он не знает, в чем заключается причина отказа М. от них как от защитников. Негативных последствий от участия его и адвоката С. в деле нет и не может быть. В каких-либо процессуальных действиях они не участвовали. Интересам М. какой-либо ущерб не нанесен.

Рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, выслушав его участников, Совет признаёт фактические обстоятельства правильно и полно установленными Квалификационной комиссией, однако с её выводами соглашается частично и считает необходимым дать иную оценку дисциплинарному обвинению в нарушении адвокатами С.А. и С.Р. пп. 6 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившемся в навязывании им своей помощи М. путем посещения его 01 сентября 2020 года в ФКУ СИЗО-... УФСИН России по городу Москве и высказывании 4 предложения заключить соглашение на его защиту. Приходя к таким выводам, Совет исходит из следующего.

Так, установлено, что в производстве следователя по особо важным делам отдела по расследованию преступлений в отношении несовершеннолетних Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации майора юстиции С. находилось уголовное дело № ..., возбужденное 14 января 2020 года следователем Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Московской области по признакам преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 109, п. «б», «г», «з» ч. 2 ст. 127.1 УК РФ, по фактам обнаружения в квартире, расположенной в ... городском округе Московской области, трупа новорожденного ребенка, а также торговли новорожденными детьми.

С этим уголовным делом в одном производстве соединено уголовное дело № ..., возбужденное 07 июля 2020 года следователем Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по признакам преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 3 ст. 127.1, ч. 3 ст. 30, п. «а», «в» ч. 3 ст. 127.1 УК РФ, по факту торговли С., М., Е., Ч., А., А., И., П., К., Б. и неустановленными лицами новорожденными детьми. Соединенному уголовному делу присвоен номер ... .

14 июля 2020 года М., А., И. и П. были задержаны по подозрению в совершении преступления в порядке, предусмотренном ст. 91, 92 УПК РФ, и в тот же день им было предъявлено обвинение в совершении преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 3, ст. 127.1, ч. 3 ст. 30, п. «а», «в» ч. 3 ст. 127.1 УК РФ.

15 июля 2020 года Б. районным судом города Москвы в отношении А., И. и П. избрана мера пресечения в виде заключения под стражу на срок до 14 сентября 2020 года.

16 июля 2020 года Б. районным судом города Москвы в отношении обвиняемого М. избрана мера пресечения в виде заключения под стражу на срок до 14 сентября 2020 года.

Защиту обвиняемого М. на предварительном следствии осуществляла адвокат А., предъявившая ордер от 16 июля 2020 года № ... .

01 сентября 2020 года адвокаты С.А. и С.Р. посетили обвиняемого М. в ФКУ СИЗО-... УФСИН России по городу Москве. В ходе состоявшегося свидания указанными адвокатами от М. было получено рукописное заявление от 01 сентября 2020 года на имя следователя по особо важным делам отдела по расследованию преступлений в отношении несовершеннолетних Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации майора юстиции С., в котором М. указал следующее: «Прошу допустить к участию в уголовном деле в качестве моих защитников С.Р. [Имя адвоката указано неверно, следует читать Р. – примечание Совета] и С.А., с которыми у меня заключено соглашение».

В ходе этого же свидания М. сообщил адвокатам С.А. и С.Р. контактные данные своего родственника Д. для обсуждения вопроса о заключении последним с указанными адвокатами соглашения на его (М.) защиту. После чего, в этот же день адвокат С.А. созвонился с Д. по не установленному Квалификационной комиссией номеру телефона и, сообщив ему, что адвокатами С.А. и С.Р. получено согласие М. на вступление в уголовное дело в качестве его (М.) защитников, попросил сообщить телефонные номера следователя, в производстве которого находится уголовное дело, и адвоката А. В подтверждение достигнутой с М. договоренности адвокат С.А. направил Д. в мессенджере «WhatsApp» [сообщение отправлено контакту «М.» – примечание Совета] фотографию указанного выше заявления М. от 01 сентября 2020 года на имя следователя С. В ответном сообщении Д. послал адвокату С.А. телефонные номера следователя С., а на следующий день, 02 сентября 2020 года, в этом же чате мессенджера «WhatsApp» выслал фотографии страниц своего паспорта для оформления соглашения и сообщил номер своего телефона – 8-***-***-**-**.

Между адвокатами С.А. и С.Р. было заключено «Задание № 3» от 01 сентября 2020 года к ранее (02 марта 2020 года) заключённому между ними Соглашению об оказании юридической помощи. В соответствии с этим «Заданием № 3» адвокат С.Р. принял поручение на защиту М. по указанному выше уголовному делу. При этом в п. 1 «Задания № 3» от 01 сентября 2020 года указано, что оно заключается в соответствии с п. 2.4 Соглашения на защиту М., заключенного между Д. и адвокатом С.А.

01 сентября 2020 года, и с согласия М. и Д. 01 сентября 2020 года адвокатами С.А. и С.Р. были оформлены ордера на защиту М. с 01 сентября 2020 года на предварительном следствии в ГСУ СК РФ, после чего, 02 сентября 2020 года, адвокат С.А. передал следователю С. полученное ими в СИЗО заявление М. о вступлении в дело в качестве его защитников адвокатов С.А. и С.Р., а также ордера адвокатов.

02 сентября 2020 года адвокат С.А. зарегистрировал в делах адвокатского образования соглашение от 01 сентября 2020 года на оказание юридической

помощи М., заключенное с Д., при этом Квалификационной комиссией установлено, что указанное Соглашение сторонами не подписывалось.

После вступления 02 сентября 2020 года адвокатов С.А. и С.Р. в уголовное дело в качестве защитников М. ими была проделана следующая работа:

- 04 сентября 2020 года адвокатом С.А. было получено разрешение следователя С. на свидание М. с Д.;

- 07 сентября 2020 года адвокаты С.А. и С.Р. совместно посетили М. в ФКУ СИЗО-... УФСИН России по городу Москве;

- 07 сентября 2020 года адвокаты С.А. и С.Р. ознакомились в Б. районном суде города Москвы с материалом, обосновывающим ходатайство следователя о продлении срока содержания М. под стражей;

- 08 сентября 2020 года адвокаты С.А. и С.Р. вновь посетили М. в ФКУ СИЗО-... УФСИН России по городу Москве, где передали последнему 6 фотокопии материала, обосновывающего ходатайство следователя о продлении срока содержания М. под стражей;

- 10 сентября 2020 года адвокат С.Р. принял участие в судебном заседании Б. районного суда города Москвы по рассмотрению ходатайства следователя о продлении М. срока содержания под стражей. В подготовительной части указанного судебного заседания М. отказался от защитников - адвокатов С.А. и С.Р., не предъявив к ним каких-либо претензий.

Рассматривая доводы жалоб М. и адвоката А. о том, что адвокаты С.А. и С.Р. 01 сентября 2020 года прибыли к М. на свидание в ФКУ СИЗО-... УФСИН России по городу Москве, в ходе которого, навязывая свои «услуги», сообщили о наличии у них «дополнительных» возможностей, о дружественном расположении к ним со стороны следствия, настаивали на заключении с ними соглашения на его (М.) защиту и на отказе М. от защитника – адвоката А., о которой сообщали недостоверную, негативную информацию, а также оказывали на М. психологическое давление в целях понуждения последнего к заключению досудебного соглашения о сотрудничестве, Совет отмечает, что, согласно пп. 6 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокат не вправе навязывать свою помощь лицам и привлекать их в качестве доверителей путем использования личных связей с работниками судебных и правоохранительных органов, обещанием благополучного разрешения дела и другими недостойными способами.

Приходя к выводу о том, что поведение адвокатов С.А. и С.Р. является навязыванием своей помощи М., Квалификационная комиссия исходила из того, что адвокаты не смогли убедительно объяснить, в связи с чем 01 сентября 2020 года они отправились на свидание к М. в следственный изолятор, давая различные объяснения по этому вопросу.

Совет не может согласиться с этим выводом Квалификационной комиссии и напоминает, что при рассмотрении дисциплинарного производства, носящего публично-правовой характер, необходимо исходить из презумпции добросовестности адвоката, обязанность опровержения

которой возложена на заявителя (участника дисциплинарного производства, требующего привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности), который должен доказать те обстоятельства, на которые он ссылается как на основания своих требований.

Применительно к настоящему дисциплинарному разбирательству обязанность опровержения позиции адвокатов С.А. и С.Р. возложена на заявителей - М. и адвоката А.

Давая объяснения о причинах посещения М. в следственном изоляторе 01 сентября 2020 года, адвокаты С.А. и С.Р. сообщили, что еще в августе 2020 года к адвокату С.А. обратился Д. с просьбой принять защиту по уголовному делу М. содержащегося под стражей. Заявители М. и адвокат А., со своей стороны, утверждают, что адвокаты С.А. и С.Р. явились к М. в СИЗО 01 сентября 2020 года по собственной инициативе и лишь после встречи с ним обратились к Д. для заключения соглашения на защиту М.

Оценивая позиции участников дисциплинарного производства, Совет отмечает, что адвокаты С.А. и С.Р. действительно указали на Д. как на лицо, обратившееся к ним в августе 2020 года с просьбой об оказании юридической помощи М., только в заседании Квалификационной комиссии 03 марта 2021 года, в то время как в первоначальном письменном объяснении в Адвокатскую палату города Москвы они не указали, кто именно и когда к ним обратился с такой просьбой, и убедительных объяснений причин такого изменения своей позиции не представили. Совет также признаёт, что представленная в материалы дисциплинарного производства смс-переписка между адвокатом С.А. и лицом, обозначенным как «М.В.», не содержит доказательств того, что её ведёт Д. с целью пригласить адвоката С.А. принять защиту М. Однако сами по себе эти обстоятельства не свидетельствуют о недостоверности приведённого выше объяснения адвокатов С.А. и С.Р. причины посещения М. в следственном изоляторе 1 сентября 2020 года. Совет вновь напоминает, что бремя опровержения доводов адвокатов С.А. и С.Р. возлагается на заявителей – М. и адвоката А. В этой связи Совет обращает внимание на то, что заявителями не представлено каких-либо доказательств, подтверждающих выдвинутое ими дисциплинарное обвинение в указанной части и опровергающих объяснения адвокатов С.А. и С.Р. Не представлено заявителями и доказательств обмана и злоупотребления доверием М. со стороны адвокатов С.А. и С.Р. С ходатайствами, направленными на получение дополнительных доказательств или отложение рассмотрения дисциплинарного дела в целях самостоятельного представления дополнительных доказательств (например, объяснений Д. об обстоятельствах его переговоров с адвокатом С.А.), заявители в Квалификационную комиссию также не обращались.

Между тем, совокупность имеющихся в материалах дисциплинарного производства доказательств не опровергает позицию адвокатов С.А. и С.Р. о причинах и обстоятельствах посещения ими М. 01 сентября 2020 года в следственном изоляторе.

Так, 01 сентября 2020 года, обвиняемый М. добровольно и собственноручно написал на имя следователя ГСУ СК РФ С. заявление о допуске адвокатов С.А. и С.Р. к участию в уголовном деле в качестве его защитников.

10 сентября 2020 года обвиняемый М. добровольно и собственноручно написал на имя следователя заявление об отказе от защитников – адвокатов С.А. и С.Р., указав в нём, что претензий к ним не имеет.

Совет обращает внимание и на то, что в период с 01 по 10 сентября 2020 года, когда адвокаты С.А. и С.Р. являлись защитниками обвиняемого М., с их стороны каких-либо действий, направленных на ухудшение положения М. (в том числе, склонения к признанию обвинения), не проводилось. Каких-либо доказательств причинения вреда интересам М. в результате участия адвокатов С.А. и С.Р. в уголовном деле в качестве его 8 защитников в материалах дисциплинарного производства не содержится. В то же время, в этих материалах имеется письмо М., адресованное Д., в котором он характеризует адвокатов С.А. и С.Р. исключительно положительно и выражает желание, чтобы они были его защитниками наряду с адвокатом А. Заявитель М. авторство этого письма не оспаривает.

Поведение адвокатов С.А. и С.Р., как до первого посещения М. в следственном изоляторе, так и после него, не подтверждает наличие у них противоправной цели вступления в уголовное дело в качестве защитников М. Получение от родственника обвиняемого М. – Д. копии паспорта с целью оформления соглашения об оказании юридической помощи, уведомление его о получении согласия М. на их участие в деле путем отправки фотографии указанного выше заявления М. следователю от 01.09.2020, активная переписка смс-сообщениями между адвокатом С.А. и Д. в мессенджере «WhatsApp», ознакомление в Б. районном суде города Москвы с материалом, обосновывающим ходатайство следователя о продлении срока содержания М. под стражей, и передача копий этих материалов доверителю М., посещение его 07 и 08 сентября 2020 года в следственном изоляторе для обсуждения защитительной позиции в связи с ходатайством следователя о продлении срока содержания под стражей, явка 10 сентября 2020 года для участия в судебном заседании Б. районного суда города Москвы - свидетельствует о намерении адвокатов С.А. и С.Р. оказать надлежащую юридическую помощь доверителю – обвиняемому М., а не о действиях вопреки его интересам и направленных к подрыву доверия.

Наконец, Совет обращает внимание на то, что Квалификационная комиссия обоснованно не усмотрела в профессиональном поведении адвокатов С.А. и С.Р. использования ими связей с сотрудниками правоохранительных органов с целью заключения соглашения об оказании М. юридической помощи, однако необоснованно признала навязыванием ими такой помощи сам факт её предложения М. Совет приходит к выводу, что Квалификационная комиссия, правильно установив фактические обстоятельства дела, допустила ошибку в правовой оценке деяния адвокатов.

При таких обстоятельствах Совет признаёт презумпцию добросовестности адвокатов С.А. и С.Р. не опровергнутой в части, касающейся дисциплинарного обвинения в навязывании ими юридической помощи М., и вопреки ЗаклЮчению Квалификационной комиссии приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в этой части вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвокатов нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики.

Вместе с тем Совет соглашается с Квалификационной комиссией в том, что при рассмотрении настоящего дисциплинарного производства не нашли подтверждения доводы жалоб о том, что адвокаты С.А. и С.Р. сообщали М. в ходе его посещения информацию о наличии у них «дополнительных» возможностей, о дружественном расположении к ним со стороны следствия, настаивали на отказе М. от защитника – адвоката А., о которой сообщали 9 недостоверную, негативную информацию, а также оказывали на М. психологическое давление в целях понуждения последнего к заключению досудебного соглашения о сотрудничестве.

Совет отмечает, что заявители М. и адвокат А. доводы своих жалоб в указанной части какими-либо доказательствами не подтвердили, в то время как адвокатами С.А. и С.Р. представлена переписка в мессенджере «WhatsApp» между адвокатом С.Р. и адвокатом А., из которой усматривается, что 07 сентября 2020 года адвокат С.Р. уведомил адвоката А. о том, что адвокатами С.А. и С.Р. с М. достигнута договоренность об осуществлении защиты последнего и предлагал ей встретиться 08 сентября 2020 года в следственном изоляторе совместно с М. для обсуждения защитительной позиции. Адвокат А. подлинность этой переписки не отрицает.

Кроме того, как указано выше, адвокатами С.А. и С.Р. представлено собственноручное письмо М., адресованное Д. [Письмо было написано М. 08 сентября 2020 года в помещении ФКУ СИЗО-... УФСИН России по городу Москве и передано адвокатам С.А. и С.Р. для передачи Д. – примечание Совета], из которого также усматривается, что М. просит Д. связаться с адвокатом А. и убедить ее сотрудничать с адвокатами С.А. и С.Р. В своем письме М. также просит Д. сообщить адвокату А., что не собирается от нее отказываться.

Совет также отмечает, что из протокола судебного заседания Б. районного суда города Москвы по рассмотрению ходатайства следователя о продлении срока содержания М. под стражей усматривается, что судом исследовались постановления следователя по особо важным делам отдела по расследованию преступлений в отношении несовершеннолетних Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации майора юстиции С. от 21 августа 2020 года о возбуждении перед прокурором ходатайств о заключении с обвиняемыми Е. и Ч. досудебного соглашения о сотрудничестве. Кроме того, из расписки М. усматривается, что 10 сентября 2020 года он был ознакомлен с указанным материалом, вследствие чего не мог

не знать, что обвиняемыми Е. и Ч. поданы ходатайства о заключении с ними досудебных соглашений о сотрудничестве. Перечисленные обстоятельства подтверждают доводы письменных объяснений адвокатов С.А. и С.Р. о том, что совместно с другими документами, содержащимися в материале, обосновывающем ходатайство следователя о продлении М. срока содержания под стражей, ими 08 сентября 2020 года были переданы М. и указанные постановления. Обсуждение М. в ходе конфиденциальной беседы с адвокатами С.А. и С.Р. 08 сентября 2020 года этих обстоятельств не может быть истолковано как оказание на него указанными адвокатами психологического воздействия в целях понуждения к заключению досудебного соглашения о сотрудничестве.

При таких обстоятельствах Совет признаёт не опровергнутой заявителями презумпцию добросовестности адвокатов С.А. и С.Р. также и в 10 части указанных доводов жалоб и приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в данной части.

Рассматривая доводы жалоб М. и адвоката А. о том, что адвокаты С.А. и С.Р. вступили в уголовное дело № ... в качестве защитников М. в отсутствие предусмотренных законом оснований, после чего неоднократно посетили последнего в ФКУ СИЗО-... УФСИН России по городу Москве и ознакомились в Б. районном суде города Москвы с материалом, обосновывающим ходатайство следователя о продлении М. срока содержания под стражей, Совет отмечает, что в силу ч. 1 ст. 50 УПК РФ защитник или несколько защитников могут быть приглашены для участия в деле как самим подозреваемым, обвиняемым, так и его законным представителем, а также другими лицами по поручению или с согласия подозреваемого, обвиняемого.

В соответствии с п. 1, 2 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем.

Соглашение представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами), на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу.

В силу положений п. 1, 2 ст. 430 ГК РФ договором в пользу третьего лица признается договор, в котором стороны установили, что должник обязан произвести исполнение не кредитору, а указанному или не указанному в договоре третьему лицу, имеющему право требовать от должника исполнения обязательства в свою пользу.

Если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами или договором, с момента выражения третьим лицом должнику намерения воспользоваться своим правом по договору стороны не могут расторгать или изменять заключенный ими договор без согласия третьего лица.

Согласно п. 2 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» в случаях, предусмотренных

федеральным законом, адвокат должен иметь ордер на исполнение поручения, выдаваемый соответствующим адвокатским образованием.

В силу положений ч. 4 ст. 49 УПК РФ адвокат вступает в уголовное дело в качестве защитника по предъявлении удостоверения адвоката и ордера.

В соответствии с пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты субъекта Российской Федерации и органов Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции.

Пунктом 2.1. «Порядка изготовления, хранения и выдачи ордеров адвокатам», утвержденных Советом Федеральной палаты адвокатов 11 Российской Федерации 04 декабря 2017 года (протокол № 8) и доведенных до сведения членов адвокатского сообщества и других лиц путем опубликования в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на официальном сайте Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации (<<https://fparf.ru>>), на сайтах многих адвокатских палат субъектов РФ, включая сайт Адвокатской палаты города Москвы (<<http://www.advokatymoscow.ru>>) предусмотрено, что «Основаниями для выдачи ордера адвокату являются: соглашение адвоката с доверителем или поручение в порядке назначения на оказание юридической помощи, подлежащие регистрации в документации адвокатского образования».

В соответствии с абз. 2 п. 3.2. «Порядка изготовления, хранения и выдачи ордеров адвокатам», утвержденных Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации 04 декабря 2017 года (протокол № 8) ответственность за полное и правильное заполнение ордеров и корешков к ним несет адвокат, которому выдан ордер.

С учетом приведенных выше правовых положений в их взаимосвязи адвокат вправе вступить в уголовное дело в качестве защитника обвиняемого (подозреваемого) при наличии у адвоката заключённого соглашения на его защиту и ордера, выданного соответствующим адвокатским образованием. В случае заключения соглашения на защиту обвиняемого (подозреваемого) иным лицом адвокат, по общему правилу, может оформить в адвокатском образовании ордер и приступить к осуществлению защиты обвиняемого (подозреваемого), предварительно получив у него согласие на это.

Соблюдение адвокатом указанного порядка вступления в уголовное дело обусловлено также и тем, что отношения, складывающиеся между адвокатом и лицом, которому адвокат оказывает квалифицированную правовую помощь, носят доверительный (фидуциарный) характер, поскольку совершение адвокатом юридически значимых действий в интересах своего доверителя основано на особых, лично-доверительных отношениях сторон. Доверительность отношений между адвокатом и лицом, которому адвокат оказывает квалифицированную юридическую помощь, обусловлена тем, что в

процессе оказания юридической помощи адвокат получает доступ к сведениям и документам о личной жизни доверителя.

Как установлено Квалификационной комиссией, адвокаты С.А. и С.Р. 01 сентября 2020 года в ходе конфиденциального общения с М. получили письменное согласие последнего на осуществление его защиты по уголовному делу на основании соглашения, после чего выписали ордера на защиту М., а уже 02 сентября 2020 года представили их следователю и вступили в указанное уголовное дело в качестве защитников М.

Доводы М. о том, что адвокаты С.А. и С.Р. 01 сентября 2020 года получили письменное согласие на осуществление его защиты по уголовному делу «путем обмана и злоупотребления доверием» Совет признаёт явно надуманными. При этом Совет учитывает, что по состоянию на 08 сентября 2020 года М. был «очень доволен работой адвокатов», о чем собственноручно написал своему родственнику Д., и лишь пообщавшись с 12 адвокатом А. 09 сентября 2020 года, М. изменил свое мнение относительно необходимости участия в уголовном деле в качестве его защитников адвокатов С.А. и С.Р.

Вместе с тем, вопреки доводам письменных объяснений адвокатов С.А. и С.Р., Совет признаёт установленным, что на момент вступления указанных адвокатов в уголовное дело у них отсутствовало законное основание для этого в виде заключённого соглашения на защиту М.

Согласно п. 1 ст. 432 ГК РФ договор считается заключенным, если между сторонами, в требуемой в подлежащих случаях форме, достигнуто соглашение по всем существенным условиям договора. Существенными являются условия о предмете договора, условия, которые названы в законе или иных правовых актах как существенные или необходимые для договоров данного вида, а также все те условия, относительно которых между сторонами должно быть достигнуто соглашение.

Согласно п. 2 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» соглашение об оказании юридической помощи представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами), на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу.

В соответствии с пп. 3 п. 4 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» к существенным условиям соглашения об оказании юридической помощи относятся также условия и размер выплаты доверителем вознаграждения за оказываемую юридическую помощь.

Квалификационной комиссией установлено, что только в своем письме от 08 сентября 2020 года М. сообщил Д., что адвокаты будут заключать с ним соглашение на защиту М. с 01 сентября 2020 года, и что «стоимость адвокатов» составляет ... рублей в месяц.

При таких обстоятельствах Совет не может согласиться с объяснениями адвокатов С.А. и С.Р. о том, что еще 01 сентября 2020 года Д. устно подтвердил

все существенные условия соглашения на оказание юридической помощи М. и сказал, что можно считать, что соглашение «сегодня подписано».

Более того, и после получения 08 сентября 2020 года Д. письма от М. соглашение об оказании юридической помощи с адвокатами С.А. и С.Р. (или хотя бы с одним из них) им (Д.) так и не было подписано. Поэтому у Совета нет оснований считать, что соглашение на защиту М. было заключено Д. и после указанной даты хотя бы в устной форме.

Совет обращает внимание адвокатов С.А. и С.Р. на то, что в соответствии с пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, Федеральной 13 палаты адвокатов Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции.

В Разъяснениях № 12 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «Об особенностях заключения и оформления соглашений об оказании юридической помощи – защиты по уголовному делу – в пользу третьего лица» (утверждены Решением Совета от 27 июня 2019 года, Протокол № 8) указано: «Адвокат – защитник обвиняемого (подозреваемого) вправе заключить соглашение на оказание юридической помощи этому же обвиняемому (подозреваемому) с другим адвокатом. Заключение такого соглашения допускается, если в первоначальном соглашении содержится условие о согласии доверителя на привлечение к участию в защите другого адвоката и поименован адвокат, который может быть привлечен, либо когда обвиняемый (подозреваемый) дал предварительное письменное согласие своему защитнику на заключение им соглашения с другим адвокатом, как конкретным, так и по выбору самого защитника. При заключении соглашения об оказании юридической помощи между адвокатами должно быть достоверно установлено, что первоначальное соглашение с адвокатом не расторгнуто, а в самом соглашении имеется условие о возможности заключения аналогичного соглашения с привлекаемым адвокатом, либо от обвиняемого (подозреваемого) имеется предварительное письменное согласие на заключение его защитником соглашения с иным адвокатом. Адвокат-защитник после заключения соглашения об оказании юридической помощи обвиняемому (подозреваемому) с другим адвокатом во всех случаях не вправе самоустраняться от осуществления защиты по уголовному делу».

Указанные разъяснения доведены до сведения адвокатов путем опубликования на официальном сайте Адвокатской палаты города Москвы, где доступны по ссылке: <https://www.advokatymoscow.ru/advocate/docs/elucidate/6117/>, а также опубликованы в официальном издании Адвокатской палаты города Москвы – «Вестнике Адвокатской палаты города Москвы» (2019. Выпуск № 2. С. 129).

Совет также отмечает, что у адвоката С.Р. по состоянию на 01 сентября 2020 года и позднее не имелось оснований принимать от адвоката С.А.

поручение на защиту М. на предварительном следствии и оформлять с ним (адвокатом С.А.) задание № 3 от 01 сентября 2020 года к Соглашению об оказании юридической помощи от 02 марта 2020 года, поскольку для адвоката С.Р. являлось очевидным, что письменное соглашение на защиту М. у адвоката С.А. отсутствует. Кроме того, адвокат С.Р. не представил в материалы дисциплинарного производства предварительное письменное согласие М., выданное адвокату С.А. на заключение последним соглашения с адвокатом С.Р. на его (М.) защиту.

С учетом изложенного Совет приходит к выводу о ненадлежащем, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», исполнении адвокатами С.А. и С.Р. своих профессиональных обязанностей перед 14 доверителем М., что выразилось в их вступлении 02 сентября 2020 года в уголовное дело № ..., находящееся в производстве Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации, в качестве защитников М. в отсутствие установленных законом оснований (соглашения об оказании юридической помощи или назначение защитником).

В части доводов жалобы адвоката А. о том, что адвокаты С.А. и С.Р. нарушают положения п. 4 ст. 15 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», поскольку позиционируют себя как сотрудники («члены команды») юридической группы "...", в то время как состоят в других адвокатских образованиях, Совет соглашается с Квалификационной комиссией и отмечает, что приведенная норма Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» содержит запрет на осуществление адвокатом своей деятельности сразу в нескольких адвокатских образованиях. Вместе с тем доказательств того, что «юридическая группа "...» является адвокатским образованием, адвокатом А. не представлено. При таких обстоятельствах дисциплинарное производство в указанной части подлежит прекращению.

Наконец, Совет не усматривает нарушений в неуказании адвокатами С.А. и С.Р. в оформленных ими ордерах на защиту М. реквизитов заключенных Соглашений, поскольку этот дефект в оформлении ордеров сам по себе не повлек за собой нарушения прав доверителя М. и, кроме того, в отсутствие самого соглашения об оказании юридической помощи не может рассматриваться как самостоятельное дисциплинарное нарушение.

Избирая, в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, меру дисциплинарной ответственности адвоката С.А. за совершенный им проступок, Совет учитывает его грубый характер и отмечает явное несоответствие профессионального поведения адвоката этическим правилам, установленным при заключении соглашения об оказании юридической помощи. Вместе с тем Совет принимает во внимание, что адвокат С.А. ранее к дисциплинарной ответственности не привлекался, нарушение фактически признал, а его действия не повлекли за собой какого-либо вреда интересам заявителей. При таких обстоятельствах Совет приходит

к выводу о необходимости применения к адвокату С.А. меры дисциплинарной ответственности в виде замечания как в наибольшей степени отвечающей требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Избирая, в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, меру дисциплинарной ответственности адвоката С.Р. за совершенный им проступок, Совет также учитывает его грубый характер и отмечает явное несоответствие профессионального поведения адвоката этическим правилам, установленным при заключении соглашения об оказании юридической помощи. Одновременно с этим, Совет принимает во внимание, что адвокат С.Р. ранее к дисциплинарной ответственности также не привлекался, а его действия не повлекли за собой какого-либо вреда интересам заявителей. При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о необходимости применения к адвокату С.Р. меры дисциплинарной ответственности в виде замечания как в наибольшей степени отвечающей требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 1 п. 6 ст. 18, пп. 1, 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил применить к адвокату С.А. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) меру дисциплинарной ответственности в виде замечания за ненадлежащее, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», исполнение им своих профессиональных обязанностей перед доверителем М., что выразилось в его вступлении 02 сентября 2020 года в уголовное дело № ... , находящееся в производстве Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации, в качестве защитника М. в отсутствие установленных законом оснований (соглашения об оказании юридической помощи или назначение защитником).

Применить к адвокату С.Р. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) меру дисциплинарной ответственности в виде замечания за ненадлежащее, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», исполнение им своих профессиональных обязанностей перед доверителем М., что выразилось в его вступлении 02 сентября 2020 года в уголовное дело № ... , находящееся в производстве Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации, в качестве защитника М. в отсутствие установленных законом оснований (соглашения об оказании юридической помощи или назначение защитником).

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство в отношении адвоката С.А. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов

города Москвы) и адвоката С.Р. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы), возбужденное по жалобе М. от 26 ноября 2020 года (вх. № ... от 01.12.2020) и жалобе адвоката А. исх. № ... от 01 декабря 2020 года (вх. № ... от 01.12.2020), вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвокатов нарушений норм законодательства об адвокатской 16 деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

28. Совет прекратил статус адвоката, признав установленным, что он вступил в уголовное дело путем использования личных связей с работниками правоохранительных органов, лишив доверителя права на свободный выбор защитника.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 21 июля 2021 года адвокат М.:

- ненадлежаще, вопреки взаимосвязанным положениям пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и пп. 6 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнил свои профессиональные обязанности перед доверителем П., что выразилось в его вступлении в уголовное дело № ..., находящееся в производстве ... отдела СЧ СУ УВД по ... ГУ МВД России по городу Москве, путем использования своих личных связей с работниками правоохранительных органов - СУ УВД по ... ГУ МВД России по городу Москве;

- ненадлежаще, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», исполнил свои профессиональные обязанности перед доверителем П., что выразилось в осуществлении ее защиты 09 июля 2020 года по уголовному делу № ..., находящемуся в производстве ... отдела СЧ СУ УВД по ... ГУ МВД России по городу Москве, в отсутствие установленных законом оснований (соглашения об оказании юридической помощи или назначения);

- ненадлежаще, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката (честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав доверителя ходатайствовать об их устранении), исполнил свои профессиональные обязанности перед доверителем П., что выразилось в неознакомлении с протоколами допроса П. в качестве свидетеля от 07 мая 2019 года и от 09 июля 2020 года, очной ставки от 12 ноября 2019 года и в необсуждении защитительной позиции с доверителем в ходе конфиденциальной беседы;

- ненадлежаще, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката (честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно

отстаивать права и законные интересы доверителя, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав доверителя ходатайствовать об их устранении), исполнил свои профессиональные обязанности перед доверителем П., что выразилось в принятии им, в условиях нарушения права П. на свободный выбор защитника, участия 09 июля 2020 года в избрании П. меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении, ее допросе в качестве подозреваемой, предъявлении обвинения, ее допросе в качестве обвиняемой и уведомлении об окончании следственных действий по уголовному делу.

В оставшейся части дисциплинарное производство признано подлежащим прекращению вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката М. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Заявитель П. в заседании Совета подтвердила своевременность получения Заключения Квалификационной комиссии от 21 июля 2021 года и ознакомление с ним. С выводами Комиссии согласна. Дополнительно заявитель П. сообщила (в том числе, отвечая на вопросы членов Совета), что, изучив возражения адвоката М., она утверждает, что описанные им обстоятельства вымышлены и не имеют ничего общего с действительностью. Никакого устного согласования с адвокатом М. ни по каким вопросам у неё не было. В ходе общения со следователем последняя сообщила, что ей (П.) будет предъявлено обвинение. На вопрос заявителя о необходимости обеспечить участие защитника следователь ответила, что защитник уже присутствует, имея в виду адвоката М. Однако она (П.) не приглашала этого адвоката, и никто другой его не приглашал. В тот день она не отказалась письменно от адвоката М., поскольку находилась в состоянии сильного стресса, близкого к шоку. С адвокатом М. она общалась всего несколько минут. Адвокат М. предложил написать, что она не согласна с обвинением. На вопросы П. к адвокату М. о его последующей помощи он ответил, что это они обсудят позже, после заключения соглашения. При этом никакое соглашение не было заключено и не предлагалось ей М. Все остальное она подписала в протоколах так, как сказала следователь и подтвердил адвокат М. Следователь представила адвоката М. как ее (П.) адвоката, не дав ей возможность вызывать адвоката по своему выбору. Впервые адвоката М. она увидела в кабинете следователя. Как он попал к следователю, ей неизвестно, но явно неслучайно и точно не по её (П.) приглашению. Вопреки ложным утверждениям М., она ему не звонила и не просила её защищать. Следователь в суде сообщила, что она не помнит, как у неё появился адвокат М. Однако оперативный сотрудник того же отдела полиции в ходе общения с ней удивился, что она не «договорилась» и не заключила соглашение с адвокатом М. Негативные последствия участия адвоката М. 09 июля 2020 года существенны, и она уверена, что с избранным ею адвокатом этого бы не произошло. Считает, что адвокат М. был заодно со следователем. Длительный период между событием

и подачей жалобы обусловлен тем, что имелась надежда на разрешение ситуации процессуальными способами в уголовном деле. Но когда дело было направлено в суд, она с адвокатом решила использовать все возможные способы защиты своих прав. У нее родственники – юристы. Поэтому, если бы она знала о том, что ее вызывают для предъявления обвинения, то сразу бы позвонила своим родственникам и с их помощью выбрала бы себе адвоката-защитника. А ее пригласили для допроса в качестве свидетеля и, продержав в коридоре полдня, стали предъявлять обвинение. По всей видимости, ждали адвоката М. Мера дисциплинарной ответственности адвоката М. оставляет на усмотрение Совета.

Адвокат М. в заседании Совета подтвердил своевременность получения Заключения Квалификационной комиссии от 21 июля 2021 года и ознакомление с ним. С выводами Комиссии адвокат М. не согласен в части утверждения о вступлении в уголовное дело путем использования своих личных связей с работниками правоохранительных органов, осуществлении защиты в отсутствие установленных законом оснований, незнакомлении с отдельными материалами уголовного дела и необсуждении защитительной позиции, принятии участия в процессуальных и следственных действиях 09 июля 2021 года в условиях нарушения права на свободный выбор защитника. Более подробная аргументация изложена в возражениях адвоката М. на Заключение Квалификационной комиссии от 21 июля 2021 года (вх. № ... от 27.09.2021). В части вступления в уголовное дело без соглашения об оказании юридической помощи адвокат М. признает свои действия упречными. Его объяснения этому обстоятельству заключаются в том, что на момент его прихода в отдел полиции П. уже находилась в кабинете следователя. Они пообщались в коридоре минут 15-20. На тот момент по этическим соображениям он посчитал неправильным обсуждать вопрос о заключении соглашения об оказании юридической помощи и о гонораре. Уведомление о предъявлении обвинения П. не вручалось, и возражений по этому поводу он не заявлял. Копия постановления о привлечении в качестве обвиняемой П. была вручена, вменялось около сорока однотипных эпизодов мошенничества. Он полистал и прочитал обвинение, после чего они с П. общались о защитительной позиции. Она считала, что это результаты коммерческой деятельности ее руководителя. В протоколе с его слов написано, что он, М., является ее адвокатом. Жалоба в Адвокатскую палату города Москвы, скорее всего, составлена нынешним адвокатом П. В течение года ему не предъявляли какие-либо претензии. Сама П. позвонила ему по WhatsApp и пригласила принять участие в деле. В ходе телефонного разговора она сообщила, что ее вызывают вместе с адвокатом участвовать в деле. Он не знал П. до звонка. История с WhatsApp сообщениям у него не сохранилась. Он заявлял устное ходатайство о предоставлении материалов дела. Следователь вручила постановление о возбуждении уголовного дела, обвинение было на руках у П. Свои показания ей сообщила сама П. По поводу соглашения и гонорара они

общались уже после производства следственных действий. Потом они созванивались друг с другом, но встреча так и не состоялась.

Рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, выслушав его участников, Совет в полном объеме соглашается с выводами Квалификационной комиссии, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах.

Так, установлено, что в производстве следователя по ОВД ... отдела СЧ СУ УВД по ... ГУ МВД России по городу Москве Х. находилось уголовное дело № ..., возбуждённое 24 апреля 2019 года в отношении К. и неустановленных лиц по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ.

07 мая 2019 года П. была допрошена в качестве свидетеля по уголовному делу № ... В ходе допроса она дала подробные показания об обстоятельствах уголовного дела.

12 ноября 2019 года между подозреваемым К. и свидетелем П. была произведена очная ставка.

09 июля 2020 года в период с 16.00 час. по 16.30 час. был произведен дополнительный допрос П. в качестве свидетеля по уголовному делу № ... В ходе допроса она подтвердила ранее данные показания от 07 мая 2020 года.

В этот же день адвокат М. вступил в уголовное дело в качестве защитника П., представив следователю Х. ордер от 09 июля 2020 года № ..., выданный ему Московской городской Коллегией адвокатов «...» на осуществление защиты П. В графе «основание выдачи ордера» указано: «соглашение».

Согласно имеющейся в материалах дисциплинарного производства служебной записке руководителя ИТ отдела Адвокатской палаты города Москвы Богданова Д.М. от 13 июля 2021 года от следователя по ОВД ... отдела СЧ СУ УВД по ... ГУ МВД России по городу Москве Х. в Автоматизированную информационную систему Адвокатской палаты города Москвы не поступало уведомление об обеспечении участия защитника в уголовном судопроизводстве на 09 июля 2020 года для осуществления защиты П. в порядке, установленном статьями 50 и 51 УПК РФ. Адвокат М. зарегистрирован в АИС АПМ 17 сентября 2019 года и в этот же день начал принимать заявки (активировался).

Постановлением следователя по ОВД ... отдела СЧ СУ УВД по ... ГУ МВД России по городу Москве Х. от 09 июля 2020 года П. избрана мера пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении. Указанное постановление подписано адвокатом М. После этого у П. отобрано соответствующее обязательство.

Затем, в период с 16.40 час. по 16.50 час. при участии адвоката М. П. была допрошена в качестве подозреваемой по уголовному делу № ... Указанный протокол допроса подписан П. и адвокатом М. без замечаний.

В протоколе допроса П. в качестве подозреваемой от 09 июля 2020 года указано следующее: *«После частной беседы с моим защитником и*

обсуждении с ним позиции моей защиты могу показать следующее. Право мое на защиту не нарушено, поскольку при допросе присутствует именно тот защитник, которому я доверяю и отводов к которому не имею, в помощи других адвокатов (защитников) не нуждаюсь. На момент допроса чувствую себя хорошо, в помощи медиков не нуждаюсь. Ранее данные мною показания в качестве свидетеля и на очных ставках подтверждаю полностью на них настаиваю, более подробные показания буду давать в суде. Более к сказанному мне добавить нечего».

В этот же день в 17.00 час. при участии адвоката М. П. было предъявлено обвинение в совершении 39 преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 159 УК РФ, а затем, в период с 17.20 час. по 17.50 час. П. была допрошена в качестве обвиняемой по уголовному делу № ... Указанный протокол допроса подписан П. и адвокатом М. без замечаний.

В протоколе допроса П. в качестве обвиняемой от 09 июля 2020 года указано следующее: *«Сущность предъявленного мне обвинения мне разъяснена и понятна. Копия постановления о привлечении меня в качестве обвиняемой на русском языке мне вручена... Ранее данные мною показания в присутствии защитника в качестве свидетеля, подозреваемой и на очных ставках подтверждаю полностью и на них настаиваю, более к ним добавить нечего. Виновной себя в совершении 39 (тридцати девяти) преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 159 УК РФ, не признаю, более подробные показания желаю давать в суде. В настоящее время более к сказанному мне добавить нечего».*

В жалобе П. указано, что 09 июля 2020 года после ее допроса в качестве обвиняемой она и адвокат М. были уведомлены об окончании следственных действий по уголовному делу № ... Адвокат М. указанные обстоятельства не отрицает.

После 09 июля 2020 года адвокат М. не принимал участия в производстве следственных и иных процессуальных действий по уголовному делу № ... в качестве защитника П.

Рассматривая доводы жалобы П. о том, что адвокат М. убеждал ее признать вину, никак не отреагировал на то, что следователь Х. не вручила П. копию постановления о привлечении ее в качестве обвиняемой, сообщил П., что может «все это утрясти» за 3 000 000 рублей и изменить ее статус обвиняемой на статус свидетеля, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признаёт, что они не нашли достаточного подтверждения в ходе рассмотрения настоящего дисциплинарного производства.

Из материалов дисциплинарного производства невозможно прийти к бесспорному выводу о том, что описанные выше обстоятельства имели место. На представленных заявителем аудиозаписях не содержится информации, подтверждающей доводы П. об оказании на нее давления с целью признания ее вины и невручения ей копии постановления о привлечении ее в качестве обвиняемой. Напротив, в жалобе указано, что 09 июля 2020 года следователь Х. вручила ей «несколько страниц текста в сжатом виде», пояснив, что это

постановление о привлечении ее в качестве обвиняемой. Кроме того, по договорённости со следователем Х. 10 июля 2020 года П. должна была прибыть к ней для ознакомления с материалами уголовного дела. Как усматривается из материалов дисциплинарного производства, 09 июля 2020 года П. в ходе ее допроса в качестве свидетеля, подозреваемой и обвиняемой подтвердила свои показания в качестве свидетеля от 07 мая 2019 года и от 12 ноября 2019 года, ранее данные ею в отсутствие адвоката М., а при допросе ее в качестве обвиняемой указала, что получила копию постановления о привлечении ее в качестве обвиняемой от 09 июля 2020 года, о чем в протоколе ее допроса в качестве обвиняемой содержится машинописная запись.

Разъяснение же адвокатом М. заявителю П. возможности признавать или не признавать вину в предъявленном обвинении и необходимости подписывать процессуальные документы само по себе не может быть истолковано как оказание на нее адвокатом психологического воздействия и введение ее в заблуждение в целях понуждения к самооговору, не свидетельствует о сговоре адвоката М. со следователем Х.

Сам адвокат М. указанные доводы жалобы П. не подтверждает.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о необходимости прекращения дисциплинарного производства в этой части.

Дополнительно Совет считает необходимым отметить, что согласно Разъяснениям Комиссии Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по этике и стандартам по вопросам применения п. 3 ст. 21 Кодекса профессиональной этики адвоката, утвержденным Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации 28 января 2016 года (Протокол № 3), доведенным до сведения членов адвокатского сообщества и других лиц путем опубликования в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на официальном сайте Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации <<http://www.fparf.ru>>, компетенция квалификационной комиссии и совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации включает установление в действиях (бездействии) адвоката только признаков дисциплинарного проступка и применение к адвокату мер дисциплинарной ответственности. Установление в поведении адвоката (как и любого другого лица) признаков уголовно-наказуемого деяния или административного правонарушения возможно лишь в порядке, предусмотренном соответствующим законодательством. Порядок уголовного судопроизводства на территории Российской Федерации устанавливается УПК РФ и является обязательным для судов, органов прокуратуры, органов предварительного следствия и органов дознания, а также иных участников уголовного судопроизводства (ч. 1 и ч. 2 ст. 1 УПК РФ). Следовательно, вопрос о наличии в действиях (бездействии) адвоката признаков уголовно-наказуемого деяния может быть решен только в порядке уголовного судопроизводства, определенном УПК РФ.

С учетом изложенного Совет разъясняет заявителю П., что в случае, если она считает, что адвокатом М. совместно со следователем Х. совершены деяния, содержащие признаки каких-либо преступлений, она может

обратиться с соответствующим заявлением в органы, осуществляющие уголовное преследование.

Рассматривая доводы жалобы П. о том, что адвокат М. вступил в уголовное дело № ..., находящееся в производстве следователя по ОВД ... отдела СЧ СУ УВД по ... ГУ МВД России по городу Москве Х., в качестве ее защитника в отсутствие предусмотренных законом оснований, поскольку соглашение с ним на защиту П. не заключалось, при этом адвокат М. представил в материалы уголовного дела ордер, в котором в графе «основание выдачи ордера» указано «соглашение», 09 июля 2020 года принял участие в избрании в отношении П. меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении, в производстве ее допроса в качестве подозреваемой, предъявлении ей обвинения, ее допросе в качестве обвиняемой и уведомлении об окончании следственных действий по уголовному делу, Совет отмечает, что в силу положений ч. 1 ст. 50 УПК РФ защитник или несколько защитников могут быть приглашены для участия в деле как самим подозреваемым, обвиняемым, так и его законным представителем, а также другими лицами по поручению или с согласия подозреваемого, обвиняемого. По просьбе подозреваемого, обвиняемого участие защитника обеспечивается дознавателем, следователем или судом.

В соответствии с пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты субъекта Российской Федерации и органов Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции.

Согласно п. 2 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», в случаях, предусмотренных федеральным законом, адвокат должен иметь ордер на исполнение поручения, выдаваемый соответствующим адвокатским образованием.

Пунктом 2.1 Порядка изготовления, хранения и выдачи ордеров адвокатам, утвержденного Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации 04 декабря 2017 года (протокол № 8) и доведенного до сведения членов адвокатского сообщества и других лиц путем опубликования в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на официальном сайте Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации (<<https://fparf.ru>>), на сайтах многих адвокатских палат субъектов РФ, включая сайт Адвокатской палаты города Москвы (<<http://www.advokatymoscow.ru>>), предусмотрено, что «Основаниями для выдачи ордера адвокату являются: соглашение адвоката с доверителем или поручение в порядке назначения на оказание юридической помощи, подлежащие регистрации в документации адвокатского образования».

В соответствии с абз. 2 п. 3.2 Порядка изготовления, хранения и выдачи ордеров адвокатам, утвержденного Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации 04 декабря 2017 года (протокол № 8), ответственность

за полное и правильное заполнение ордеров и корешков к ним несет адвокат, которому выдан ордер.

В ходе дисциплинарного производства достоверно установлено, что следователь по ОВД ... отдела СЧ СУ УВД по ... ГУ МВД России по городу Москве Х. не размещала в Автоматизированной информационной системе Адвокатской палаты города Москвы уведомление об обеспечении участия защитника в уголовном судопроизводстве на 09 июля 2020 года для осуществления защиты П. в порядке, установленном статьями 50 и 51 УПК РФ, а также то, что соглашение на осуществление защиты П. адвокатом М. не заключалось ни с ней самой, ни с каким-либо иным лицом в её интересах. Указанное обстоятельство подтверждает и сам адвокат М.

Доводы адвоката М. о том, что 09 июля 2020 года к нему за оказанием юридической помощи в виде осуществления защиты по уголовному делу, якобы, обратилась ранее незнакомая П., которая согласилась оплатить его выезд для участия в процессуальных действиях, Совет отклоняет как несостоятельные, поскольку они ничем не подтверждены. Каких-либо доказательств факта обращения П. к адвокату М. за оказанием юридической помощи и их коммуникации по этому вопросу, в том числе по телефону, адвокатом М. не представлено. При этом Совет обращает внимание, что в случае реального существования факта коммуникации с использованием телефонной связи, в том числе, мессенджера WhatsApp, у адвоката М. не имелось бы никаких препятствий для демонстрации членам Квалификационной комиссии соответствующих сведений, отображённых в памяти телефонного устройства.

Следователь по ОВД ... отдела СЧ СУ УВД по ... ГУ МВД России по городу Москве Х. в порядке, предусмотренном ст. 172 УПК РФ, не уведомила П. о дне предъявления ей обвинения и не разъяснила ей право самостоятельно пригласить защитника либо ходатайствовать об обеспечении участия защитника следователем в порядке, установленном ст. 50 и 51 УПК РФ. В связи с этим Совет разделяет позицию Квалификационной комиссии о том, что П. не знала о предстоящих процессуальных действиях и, соответственно, до их начала не имела представления о потребности в адвокате-защитнике и о наличии у нее права пригласить защитника самостоятельно. Указанное обстоятельство опровергает версию адвоката М. и подтверждает объяснения П. о том, что она не связывалась каким-либо образом с адвокатом М. и не общалась с ним до начала процессуальных действий, связанных с оформлением ее статуса подозреваемой и обвиняемой.

Кроме того, Совет отмечает, что включение следователем Х. в протокол допроса подозреваемой Ку. фразы о том, что право П. на ее защиту не нарушено, поскольку при допросе присутствует именно тот защитник, которому она доверяет и не заявляет ему отвода, а в помощи других защитников не нуждается, с учетом установленных фактических обстоятельств также не позволяет прийти к выводу о том, что заявитель П. сама обращалась за оказанием юридической помощи к адвокату М., который

вступил в уголовное дело № ... в качестве ее защитника в отсутствие соглашения об оказании юридической помощи.

В материалах дисциплинарного производства имеется ордер от 09 июля 2020 года № ..., выданный адвокату М. на защиту П. Московской городской Коллегией адвокатов «...». В графе «основание выдачи ордера» указано «Соглашение». Однако, учитывая приведенные выше правовые положения и установленные обстоятельства, Совет признает оформление адвокатом М. ордера на защиту П. в отсутствие соглашения на её защиту не соответствующим Порядку изготовления, хранения и выдачи ордеров адвокатам.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о том, что адвокат М. 09 июля 2020 года вступил в уголовное дело № ..., находящееся в производстве следователя по ОВД ... отдела СЧ СУ УВД по ... ГУ МВД России по городу Москве Х., и осуществлял защиту П. в отсутствие установленных законом оснований: при отсутствии соглашения об оказании юридической помощи П. либо назначения следователем, произведенного в порядке, определенном Советом Федеральной палаты адвокатов, чем допустил ненадлежащее исполнение своих профессиональных обязанностей перед доверителем.

Кроме того, согласно пп. 6 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката «адвокат не вправе навязывать свою помощь лицам и привлекать их в качестве доверителей путем использования личных связей с работниками судебных и правоохранительных органов, обещанием благополучного разрешения дела и другими недостойными способами».

Как указано и обосновано выше, сообщенную адвокатом М. версию о том, что к нему за оказанием юридической помощи обратилась ранее незнакомая П., Совет признаёт явно надуманной и отклоняет её. Никаких иных пояснений относительно причины и обстоятельств вступления в уголовное дело в качестве защитника П. адвокат М. на протяжении всего дисциплинарного производства не дал. В свою очередь, П. последовательно и логично дает объяснения о фактических обстоятельствах, при которых у нее вообще не имелось причин для поиска адвоката до начала производства с ней процессуальных действий, направленных на оформление её процессуального статуса подозреваемого и обвиняемого. При этом описанные П. обстоятельства подтверждаются совокупностью косвенных доказательств, свидетельствующих о достоверности сообщаемых ею сведений. Наконец, отсутствие в Автоматизированной информационной системе Адвокатской палаты города Москвы уведомления об обеспечении участия защитника в уголовном судопроизводстве на 09 июля 2020 года для осуществления защиты П. свидетельствует о том, что следователь официально, в установленном порядке не обращалась за назначением защитника и, соответственно, адвокат М. не имел возможности получить информацию о необходимости его явки для защиты П. и таким способом. Совокупность изложенных обстоятельств исключает какую-либо иную возможность появления адвоката М. 09 июля

2020 года в кабинете следователя по ОВД ... отдела СЧ СУ УВД по ... ГУ МВД России по городу Москве Х. в качестве защитника П., кроме как путём использования личных связей с работниками правоохранительных органов, что свидетельствует о нарушении им пп. 6 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Приходя к такому выводу, Совет отмечает, что для признания нарушения пп. 6 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной достаточным является основанный на доказательствах, полученных в ходе дисциплинарного производства, логический вывод об исключении всех иных версий какого-либо события или действия, за исключением одной, которая и является верной. В рассматриваемом случае адвокат М. высказал одну версию, обосновывающую его появление 09 июля 2021 года в кабинете следователя по ОВД ... отдела СЧ СУ УВД по ... ГУ МВД России по городу Москве Х., которая ничем не подтверждена и противоречит установленным фактическим обстоятельствам. В официальном порядке адвокат М. также не приглашался и не назначался в качестве защитника П. Следовательно, его появление в этом качестве имело место в результате использования личных связей с сотрудниками правоохранительных органов, поскольку иных реальных способов просто не существует. При этом на оценку профессионального поведения адвоката М. в данной части не влияет то обстоятельство, использовал ли он свои связи со следователем Х. или с каким-либо иным сотрудником правоохранительного органа, представившим его последней.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о неисполнении, вопреки положениям пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и пп. 6 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокатом М. своих профессиональных обязанностей перед доверителем П., что выразилось в привлечении П. в качестве доверителя путем использования своих личных связей с работниками правоохранительных органов.

Рассматривая доводы жалобы П. о том, что адвокат М. в ходе конфиденциальной беседы с П., которая продолжалась примерно 2-3 минуты, не стал вникать в детали уголовного дела, Совет отмечает, что положения о честном, разумном, добросовестном, квалифицированном, принципиальном и своевременном исполнении адвокатом своих обязанностей, активном отстаивании и защите прав, свобод и законных интересов доверителей всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами (пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации») применительно к участию в качестве защитника в уголовном судопроизводстве означают активную с момента вступления в дело реализацию адвокатом полномочий защитника, предусмотренных ст. 53 УПК РФ, в частности, на свидания с подозреваемым, обвиняемым, на ознакомление с протоколом задержания, постановлением о применении меры пресечения, протоколами следственных действий, произведенных с участием подозреваемого, обвиняемого, на ознакомление с иными документами,

которые предъявлялись либо должны были предъявляться подозреваемому, обвиняемому, на заявление ходатайств, на принесение жалоб на действия (бездействие) и решения дознавателя, следователя.

Согласно п. 3 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве (Принят VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 года, опубликован на официальном сайте Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации <<http://fparf.ru>>, а также в издании «Вестник Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. 2017. № 2 (57)», стр. 140-142), адвокат должен разъяснить подзащитному право иметь свидания с защитником наедине и конфиденциально и принять меры к проведению такого свидания. В случае нарушения права подзащитного на свидание со стороны следователя, дознавателя или суда адвокат должен принять меры к внесению в протокол следственного действия или судебного заседания заявления об этом нарушении.

В рамках первого свидания с подозреваемым, обвиняемым адвокату следует: а) выяснить наличие обстоятельств, препятствующих принятию поручения на защиту или исключаящих участие данного адвоката в производстве по уголовному делу; б) получить согласие на оказание ему юридической помощи по соглашению, заключенному адвокатом с иным лицом; в) разъяснить право на приглашение защитника по соглашению в случае, если адвокат осуществляет защиту по назначению; г) выяснить обстоятельства задержания и уточнить, проводился ли допрос в отсутствие адвоката и применялись ли незаконные методы при проведении следственных действий или оперативно-розыскных мероприятий; д) выяснить отношение к предъявленному обвинению или подозрению в совершении преступления (п. 4 Стандарта).

Адвокат должен согласовать с подзащитным позицию по делу. В этих целях адвокат принимает меры к выяснению существа обвинения или подозрения, в том числе посредством ознакомления с процессуальными документами, составленными с участием подзащитного, и иными документами, которые предъявлялись либо должны были ему предъявляться (пп. «а» п. 5 Стандарта).

В соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 46 УПК РФ подозреваемым является лицо, к которому применена мера пресечения до предъявления обвинения в соответствии со статьей 100 настоящего Кодекса.

С указанного момента подозреваемый вправе пользоваться помощью защитника и иметь свидание с ним наедине и конфиденциально до первого допроса в таком качестве (п. 3 ч. 4 ст. 46 УПК РФ).

На основании п. 1 и 6 ч. 1 ст. 53 УПК РФ с момента вступления в уголовное дело защитник вправе иметь с подозреваемым, обвиняемым свидания в соответствии с пунктом 3 части четвертой статьи 46 и пунктом 9 части четвертой статьи 47 настоящего Кодекса и знакомиться с протоколом задержания, постановлением о применении меры пресечения, протоколами следственных действий, произведенных с участием подозреваемого,

обвиняемого, иными документами, которые предъявлялись либо должны были предъявляться подозреваемому, обвиняемому.

Как установлено материалами дисциплинарного производства и указано выше, 09 июля 2020 года П. была вызвана следователем Х. на допрос в качестве свидетеля, который закончился 09 июля 2020 года в 16.30 час., затем следователь Х. вынесла постановление об избрании П. меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении и отобрала у нее соответствующую подписку.

Допрос заявителя П. в качестве подозреваемой проходил 09 июля 2020 года в период времени с 16.40 час. до 16.50 час., то есть спустя 10 минут после окончания ее допроса в качестве свидетеля.

Таким образом, времени между отобранием у П. подписки о невыезде и надлежащем поведении и ее допросом в качестве подозреваемого было явно недостаточно адвокату М. не только для ознакомления с протоколами следственных действий, произведенных с участием П. [протоколы допросов П. в качестве свидетеля и очной ставки с ее участием содержатся на 31 листе – *Примечание Совета*] и иными документами, которые предъявлялись либо должны были ей предъявляться, но и для проведения конфиденциальной беседы, обсуждения защитительной позиции по делу. В своих письменных объяснениях адвокат М. обстоятельства неознакомления с материалами уголовного дела не отрицает, как не отрицает и объём обвинения, предъявленного П. – около 40 эпизодов.

С учетом изложенного Совет приходит к выводу о ненадлежащем исполнении адвокатом М. своих профессиональных обязанностей перед доверителем П., что выразилось в неознакомлении с протоколами допроса П. в качестве свидетеля от 07 мая 2019 года и от 09 июля 2020 года, очной ставки от 12 ноября 2019 года и в необсуждении защитительной позиции с доверителем в ходе конфиденциальной беседы.

Рассматривая доводы жалобы П. о том, что адвокат М. никак не отреагировал на нарушение порядка извещения о дне предъявления ей обвинения и разъяснения П. права воспользоваться помощью избранного ею защитника, Совет отмечает, что согласно ч. 1 ст. 172 УПК РФ обвинение должно быть предъявлено лицу не позднее 3 суток со дня вынесения постановления о привлечении его в качестве обвиняемого в присутствии защитника, если он участвует в уголовном деле.

Следователь извещает обвиняемого о дне предъявления обвинения и одновременно разъясняет ему право самостоятельно пригласить защитника либо ходатайствовать об обеспечении участия защитника следователем в порядке, установленном ст. 50 УПК РФ (ч. 2 ст. 172 УПК РФ).

Обвиняемый, находящийся на свободе, извещается о дне предъявления обвинения в порядке, установленном статьей 188 настоящего Кодекса (ч. 4 ст. 172 УПК РФ).

Из материалов дисциплинарного производства усматривается, что до 09 июля 2020 года П. не пользовалась помощью защитника, поскольку являлась

свидетелем по уголовному делу, возбужденному в отношении иного лица. При этом, 09 июля 2020 года она также была вызвана следователем на допрос в качестве свидетеля. О том, что в этот день ей будет предъявлено обвинение, П. не извещалась, права, предусмотренные ст. 50 и 172 УПК РФ, в том числе право самостоятельно пригласить защитника либо ходатайствовать об обеспечении участия защитника следователем в порядке, установленном статьей 50 УПК РФ, ей не разъяснялись.

Учитывая приведенные выше правовые положения, Совет признаёт установленным, что положения ч. 1 ст. 50 УПК РФ, а именно право обвиняемого пригласить защитника лично, а также другими лицами по поручению или с согласия обвиняемого заявителю П. следователем Х. до производства процессуальных действий 09 июля 2020 года не разъяснялись, сведения о направлении повестки, содержащей указанные положения, в ее адрес в материалах дисциплинарного производства отсутствуют. Впервые право П. пользоваться помощью защитника было доведено следователем Х. до ее сведения только 09 июля 2020 года при избрании ей меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащим поведении, одновременно с представлением ей адвоката М.

В своей жалобе П. указывает, что 09 июля 2020 года, после того, как она узнала о том, что ей будет предъявлено обвинение и увидела адвоката М., она просила следователя Х. предоставить ей время и возможность пригласить избранного ей защитника, однако ей было в этом отказано. Факт обращения за оказанием юридической помощи к адвокату М. заявитель П. последовательно и категорически отрицает.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признаёт установленным, что П. 09 июля 2020 года не имела возможности самостоятельно в полной мере реализовать свое право на свободный выбор защитника в данной процессуальной ситуации. При этом адвокат М. никаких мер по восстановлению нарушенного права П. не принял.

С учетом изложенного, Совет приходит к выводу, что действия (бездействие) адвоката М. как профессионального участника уголовного судопроизводства нарушили право П. в установленный законом срок пригласить избранного ею защитника.

Объяснения адвоката М. о том, что он намеревался заявить об этом нарушении позднее, при ознакомлении с материалами дела, Советом отклоняются как явно несостоятельные и не имеющие ничего общего с оказанием квалифицированной юридической помощи.

Таким образом, адвокат М. ненадлежаще исполнил свои профессиональные обязанности перед доверителем П., что выразилось в принятии им, в условиях нарушения права П. на свободный выбор защитника, участия 09 июля 2020 года в избрании П. меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении, ее допросе в качестве подозреваемой, предъявлении обвинения, ее допросе в качестве обвиняемой и уведомлении об окончании следственных действий по уголовному делу.

Избирая, в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, меру дисциплинарной ответственности адвоката М. за совершенные им дисциплинарные нарушения, Совет отмечает их умышленный и злостный характер, а также явное и грубое игнорирование адвокатом обязательных профессиональных правил вступления в уголовное дело и участия в нём в качестве защитника. Игнорирование императивного нормативного запрета вступления в уголовное дело в отсутствие законных оснований (назначения в установленном порядке или заключения соглашения об оказании юридической помощи) в совокупности с явно недопустимым и недостойным звания адвоката способом привлечения доверителя путем использования личных связей с работниками правоохранительных органов свидетельствует о преследовании адвокатом М. в профессиональной деятельности интересов, несовместимых со статусом адвоката. Помимо этого, оказание адвокатом М. П. при проведении с ней важнейших процессуальных действий юридической помощи, явно не соответствующей требованиям Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, содержащего «минимальные требования к деятельности адвоката, осуществляющего защиту по уголовному делу», свидетельствует о неспособности адвоката оказывать квалифицированную юридическую помощь, что также несовместимо со статусом адвоката.

Последствием описанных выше действий и бездействия адвоката М. явилась невозможность реализации П. своего конституционного права на защиту, в том числе, на свободный выбор защитника, и как следствие этого – невозможность формирования защитительной позиции и ее реализации.

Описанное выше профессиональное поведение адвоката М. убедительно показывает, что он не обладает необходимыми для осуществления адвокатской деятельности профессиональными и этическими качествами.

При таких обстоятельствах Совет признаёт профессиональное поведение адвоката М. несовместимым с нахождением в составе адвокатского сообщества и приходит к выводу о применении к нему меры дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката.

Совет не находит возможности применения к адвокату М. более мягкой меры дисциплинарной ответственности из числа предусмотренных п. 6 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, как в силу требования справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренного п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката, так и в силу того, что оставление М. в составе адвокатского сообщества могло бы дать основание полагать, что совершённые им нарушения совместимы со статусом адвоката.

В соответствии с п. 2 ст. 17 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» статус адвоката может быть прекращен по решению совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, в региональный реестр которого внесены сведения об адвокате, на основании заключения квалификационной комиссии при:

1) неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем;

2) нарушении адвокатом норм кодекса профессиональной этики адвоката;

3) неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом решений органов адвокатской палаты, принятых в пределах их компетенции.

Определяя в соответствии с п. 7 статьи 18 Кодекса профессиональной этики адвоката срок, по истечении которого М. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена, Совет, с учётом тяжести нарушений и всей совокупности установленных обстоятельств, включая отсутствие предыдущих дисциплинарных взысканий, считает необходимым установить этот срок в 3 (три) года.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п.п. 1, 4, 7, подп. 3 п. 6 ст. 18, подп. 1 и 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

1. Применить к адвокату М. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката за:

(1) ненадлежащее, вопреки взаимосвязанным положениям пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и пп. 6 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение своих профессиональных обязанностей перед доверителем П., что выразилось в его вступлении в уголовное дело № ..., находящееся в производстве ... отдела СЧ СУ УВД по ... ГУ МВД России по городу Москве, путем использования своих личных связей с работниками правоохранительных органов - СУ УВД по ... ГУ МВД России по городу Москве;

(2) ненадлежащее, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», исполнение своих профессиональных обязанностей перед доверителем П., что выразилось в осуществлении ее защиты 09 июля 2020 года по уголовному делу № ..., находящемуся в производстве ... отдела СЧ СУ УВД по ... ГУ МВД России по городу Москве, в отсутствие установленных законом оснований (соглашения об оказании юридической помощи или назначения);

(3) ненадлежащее, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката (честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав доверителя ходатайствовать об их устранении), исполнение своих профессиональных обязанностей перед доверителем П., что выразилось в

неознакомлении адвоката М. с протоколами допроса П. в качестве свидетеля от 07 мая 2019 года и от 09 июля 2020 года, очной ставки от 12 ноября 2019 года и в необсуждении защитительной позиции с доверителем в ходе конфиденциальной беседы;

(4) ненадлежащее, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката (честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав доверителя ходатайствовать об их устранении), исполнение своих профессиональных обязанностей перед доверителем П., что выразилось в принятии им, в условиях нарушения права П. на свободный выбор защитника, участия 09 июля 2020 года в избрании П. меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении, ее допросе в качестве подозреваемой, предъявлении обвинения, ее допросе в качестве обвиняемой и уведомлении об окончании следственных действий по уголовному делу.

Установить срок, по истечении которого М. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, в 3 (три) года.

2. Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката М. по жалобе П. от 20 мая 2021 года (вх. № ... от 20.05.2021) вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката М. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

29. Адвокату объявлено замечание за вступление в уголовное дело на стадии судебного разбирательства при наличии в данном деле неотменённого постановления следователя о его отводе и при заведомой осведомленности адвоката о том, что он ранее оказывал юридическую помощь лицу, интересы которого очевидно противоречат интересам подсудимого.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 26 мая 2021 года адвокатом Х. допущено нарушение взаимосвязанных положений ч. 1 ст. 62, п. 3 ч. 1 ст. 72 УПК РФ и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката («Участвуя в судопроизводстве..., адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства...»), что выразилось во вступлении адвоката Х. 02 июля 2020 года на стадии судебного разбирательства в Н. районном суде города Н.Н. в уголовное дело № ... в отношении П. в качестве защитника последнего при наличии в данном деле неотменённого постановления следователя следственного отдела УФСБ России по Н. области З. от 20 января 2020 года об отводе адвоката Х. от защиты обвиняемого П., при заведомой осведомленности адвоката Х. о том, что он ранее оказывал юридическую помощь лицу (Б.), интересы которого очевидно противоречат интересам подсудимого П., и в ситуации, когда в соответствии

с требованиями ст. 281.1 УПК РФ, показания Б. будут использоваться для доказывания вины обвиняемого П.

Адвокат Х. в заседании Совета подтвердил своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним, с выводами Квалификационной комиссии согласился.

Рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, Заключение Квалификационной комиссии, выслушав адвоката Х., Совет полностью соглашается с выводами Квалификационной комиссии, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

Квалификационной комиссией достоверно установлено, что в производстве следственного отдела УФСБ России по Н. области находилось уголовное дело № ..., возбужденное 21 февраля 2017 года, по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ.

В качестве обвиняемого по данному делу был привлечен гражданин Б., защиту которого осуществлял адвокат Х.

В ходе расследования уголовного дела обвиняемым Б. было заявлено ходатайство о заключении с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, в рамках которого Б. обязался дать полные и правдивые показания об обстоятельствах совершения инкриминируемого ему преступления, с указанием о причастности к его совершению гражданина П. В рамках реализации заключенного с обвиняемым Б. досудебного соглашения о сотрудничестве, последний, в ходе его допроса с участием адвоката Х., дал подробные показания об обстоятельствах совершения им совместно с П. хищения денежных средств у ОАО «Н. водоканал».

Н. районный суд города Н.Н., рассмотрев в особом порядке, без проведения судебного разбирательства по делу, уголовное дело № ... по обвинению Б. в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, защиту которого осуществлял адвокат Х. 21 мая 2019 года постановил в отношении Б. обвинительный приговор. В соответствии с указанным приговором, Б. совершил преступление, действуя совместно и согласовано с лицом, в отношении которого уголовное дело было приостановлено в связи с розыском. В судебном заседании подсудимый Б. вину признал полностью. Защитник подсудимого – адвокат Х. не возражал против постановления приговора без проведения судебного разбирательства по делу.

20 января 2020 года в следственный отдел УФСБ России по Н. области адвокатом Х. был представлен ордер от 14 августа 2019 года № ..., выданный адвокату Х. для осуществления защиты П.

Постановлением следователя следственного отдела УФСБ России по Н. области З. от 20 января 2020 года защитник обвиняемого П. адвокат Х. был отведен от участия в деле на основании п. 3 ч. 1 ст. 72 УПК РФ, так как адвокат Х. ранее оказывал юридическую помощь иному лицу – Б., интересы которого противоречат интересам защищаемого им подозреваемого (обвиняемого) П.

Данное постановление следователя адвокатом Х. не обжаловалось и не отменялось.

12 мая 2020 года уголовное дело по обвинению П. поступило в Н. районный суд города Н.Н.

02 июля 2020 года адвокат Х. был допущен судом в качестве защитника П., и с его участием было оглашено обвинительное заключение, установлен порядок представления доказательств, допрошен представитель потерпевшего и четыре свидетеля.

Как следует из выписки из протокола судебного заседания по уголовному делу № ... от 18 ноября 2020 года, государственным обвинителем был заявлен отвод защитнику подсудимого П. адвокату Х. в связи с тем, что адвокат Х. ранее защищал Б., являвшегося соучастником П. при совершении инкриминируемого подсудимому П. преступления. При этом Б. полностью признал вину, дал изобличающие П. показания, был ранее осужден Н. районным судом города Н.Н. в особом порядке, что, безусловно, свидетельствует о противоречии интересов Б. интересам подсудимого П., не признающего свою вину в предъявленном ему обвинении.

Подсудимый П. в данном судебном заседании подтвердил, что не признает вину в предъявленном ему обвинении, одновременно указав, что ему известна позиция Б., признавшего в совершении данного преступления.

Адвокат Х. в ходе судебного заседания не отрицал как факт осуществления ранее защиты по уголовному делу Б., так и наличие противоречий интересов осужденного Б. интересам подсудимого П. Однако он полагал, что в связи с тем, что п. 3 ч. 1 ст. 72 УПК РФ не содержит указание на подсудимого, а говорит только о подозреваемом или обвиняемом, то ходатайство о его отводе он полагает преждевременным, а его разрешение по существу может иметь место только после дачи показаний подсудимым П. в конце судебного следствия.

18 ноября 2020 года судьей Н. районного суда города Н.Н. Х.Т. было вынесено частное постановление в связи с выявленными нарушениями закона, допущенными адвокатом Х.

Апелляционным постановлением Н. областного суда от 21 января 2021 года частное постановление Н. районного суда города Н.Н. от 18 ноября 2020 года в отношении адвоката Х. было оставлено без изменений, апелляционная жалоба адвоката Х. – без удовлетворения.

Квалификационная комиссия пришла к выводу, с которым Совет соглашается в полной мере, что установленные в ходе дисциплинарного производства обстоятельства дают достаточные основания утверждать о наличии в действиях адвоката Х. нарушения адвокатом взаимосвязанных положений ч. 1 ст. 62, п. 3 ч. 1 ст. 72 УПК РФ и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката («Участвуя в судопроизводстве..., адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства...»), что выразилось в его вступлении на стадии судебного разбирательства в уголовное дело по обвинению П. в качестве защитника последнего при наличии в данном деле неотменённого постановления следователя об отводе адвоката Х. от защиты П. и при заведомой

осведомленности адвоката Х. о том, что он ранее оказывал юридическую помощь лицу (Б.), интересы которого очевидно противоречат интересам подсудимого П.

Положения п. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката об обязанности адвоката соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства вытекают из общего принципа законности, на основании которого действует адвокатура (п. 2 ст. 3 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

Часть 1 ст. 62 УПК РФ предусматривает обязанность защитника уклониться от участия в производстве по уголовному делу, при наличии оснований для отвода, предусмотренных Главой 9 УПК РФ.

В соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 72 УПК РФ защитник не вправе участвовать в производстве по уголовному делу, если ранее он оказывал юридическую помощь лицу, интересы которого противоречат интересам подозреваемого, обвиняемого.

Часть 2 ст. 47 УПК РФ определяет, что подсудимым именуется обвиняемый, по уголовному делу в отношении которого назначено судебное разбирательство. Иными словами, лицо, приобретая процессуальный статус подсудимого, по-прежнему является обвиняемым. Это прямо вытекает как из положений самой ст. 47 УПК РФ, раскрывающей общее понятие обвиняемого в уголовном судопроизводстве, так и из положений ч. 1 ст. 252 УПК РФ, где указано, что судебное разбирательство проводится только в отношении обвиняемого и лишь по предъявленному ему обвинению.

В Заключении Квалификационной комиссии приведены достаточные доводы, основанные на материалах дисциплинарного производства, свидетельствующие о том, что участие адвоката Х. в качестве защитника обвиняемого Б., заключившего при участии адвоката Х. досудебное соглашение о сотрудничестве и указавшего в рамках этого соглашения на П. как на лицо, причастное к совершению преступления, в котором обвинялся сам Б., создавало безусловные препятствия для участия адвоката Х. в уголовном деле в отношении П. в качестве его защитника.

Как верно указала в Заключении Квалификационная комиссия, показания Б., изобличающие П. в совершении ими совместно одного преступления, являлись доказательством обвинения по уголовному делу в отношении П., в по которому Б. подлежал допросу в порядке ст. 281.1 УПК РФ.

Совет принимает во внимание и то обстоятельство, что адвокату Х. было достоверно известно о наличии постановления следователя следственного отдела УФСБ России по Н. области З. от 20 января 2020 года о его (адвоката Х.) отводе, которое сохраняло свою силу, в том числе, и на стадии судебного разбирательства Н. районным судом города Н.Н. уголовного дела по обвинению П. и также препятствовало участию адвоката Х. в уголовном деле по обвинению П. в качестве защитника последнего.

При таких обстоятельствах Совет признаёт презумпцию добросовестности адвоката Х. опровергнутой, а его вину в совершении дисциплинарного нарушения установленной.

Избирая, в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, меру дисциплинарной ответственности адвокату Х. за допущенное нарушение, Совет принимает во внимание, что он дисциплинарное нарушение совершил впервые, признал его, существенного вреда интересам доверителя, а также судопроизводства этим нарушением не причинил. При таких обстоятельствах Совет полагает необходимым применить к адвокату Х. меру дисциплинарной ответственности в виде замечания как в наибольшей степени отвечающую требованиям соразмерности и справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренным п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального Закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 1 п. 6 ст. 18, пп. 1 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил применить к адвокату Х. меру дисциплинарной ответственности в виде замечания за нарушение взаимосвязанных положений ч. 1 ст. 62, п. 3 ч. 1 ст. 72 УПК РФ и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката («Участвуя в судопроизводстве..., адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства...»), что выразилось во вступлении адвоката Х. 02 июля 2020 года на стадии судебного разбирательства в Н. районном суде города Н.Н. в уголовное дело № ... в отношении П. в качестве защитника последнего при наличии в данном деле неотменённого постановления следователя следственного отдела УФСБ России по Н. области З. от 20 января 2020 года об отводе адвоката Х. от защиты обвиняемого П., при заведомой осведомленности адвоката Х. о том, что он ранее оказывал юридическую помощь лицу (Б.), интересы которого очевидно противоречат интересам подсудимого П., и в ситуации, когда в соответствии с требованиями ст. 281.1 УПК РФ, показания Б. будут использоваться для доказывания вины обвиняемого П.